

ВОСТОЧНАЯ АНАЛИТИКА
Т. 14, № 4 (2023)

EASTERN ANALYTICS
Vol. 14, No 4 (2023)

ISSN 2227-5568 (Print)
DOI: 10.31696/2227-5568-2023-04

EASTERN ANALYTICS

Vol. 14, No 4 (2023)

Information about the journal

The journal *Eastern Analytics* is a print peer-reviewed academic journal. The Journal is being published since 2010. Since 2015 it has annually 4 issues.

Form of distribution – print media, journal.

Registration number and decision date on registration with the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor):
PI No. FS77-82197 dated October 26, 2021.

Registered in the ISSN National Centre of the Russian Federation, Russian Book Chamber:
ISSN 2227-5568 (Print). Dated December 14, 2015. Title proper: Vostočnáâ analitika.
Parallel title: Eastern Analytics.

The media founder & Publisher

The Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences
Address: 12, Rozhdestvenka str., Moscow, 107031, Russian Federation
Website: www.ivran.ru

Address of the Editorial Office

The Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences
12, Rozhdestvenka str., Moscow, 107031, Russian Federation
Website: <https://analitika.ivran.ru>. E-mail: analitika@ivran.ru

The journal articles do not necessarily reflect the official views of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, the editorial board and the editorial staff of the journal. The editorial staff is not responsible for the accuracy and reliability of the information provided by the authors.

The articles published in the journal "Eastern Analytics" have passed the procedure of anonymous peer review and expert selection.

© "Eastern analytics", 2023
© IOS RAS, 2023

ВОСТОЧНАЯ АНАЛИТИКА

Т. 14, № 4 (2023)

Информация об издании

Рецензируемый научный академический журнал.
Печатное средство массовой информации (СМИ), журнал.
Издается с 2010 г., с 2015 г. – 4 раза в год.

Регистрационный номер и дата принятия решения о регистрации
в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор): ПИ № ФС 77-82197 от 26.10.2021 г.

Журнал зарегистрирован в Национальном центре ISSN Российской Федерации:
ISSN 2227-5568 (Print). От 14.12.2015 г. : Vostochnaâ analitika.
Параллельное название: Eastern Analytics.

Учредитель, Издатель

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт востоковедения Российской академии наук (ФГБУН ИВ РАН).
Адрес: 107031, Российская Федерация, г. Москва, ул. Рождественка, д. 12.
Веб-сайт: www.ivran.ru

Редакция

107031, Российская Федерация, г. Москва, ул. Рождественка, д. 12, ком. 408.
Веб-сайт: <https://analitika.ivran.ru>. E-mail: analitika@ivran.ru

Мнения авторов могут не совпадать с точкой зрения Института востоковедения РАН,
редколлегии и редакции журнала. Редакция не несет ответственности за точность
и достоверность сведений, приводимых авторами.

Опубликованные в журнале «Восточная аналитика» статьи прошли процедуру
анонимного рецензирования и экспертного отбора.

Editorial Staff

Akimov Alexander Vladimirovich – *Editor-in-Chief*, Doctor of Economics, Head of Department of Economic Research, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation.

Fedulov Ilya Viktorovich – Deputy Chief Editor, Candidate of Technical Sciences, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation.

Shchepilova Elena Feliksovna – Editorial Secretary, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation.

Editorial Board

Naumkin Vitaly Vyacheslavovich – Chairman of the Editorial Board, Academician of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Historical Sciences, Professor, Scientific Director of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences.

Belokremitsky Vyacheslav Yakovlevich – Deputy Chairman of the Editorial Board, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Center for the Study of Near and Middle Eastern Countries, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation.

Vorontsov Alexander Valentinovich – Candidate of Historical Sciences, Head of the Department of Korea and Mongolia, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation.

Voskresensky Alexey Dmitrievich – Doctor of Political Science, Professor, Professor of the Department of Oriental Studies, Director of the Center for Integrated Chinese Studies and Regional Projects of the Moscow State Institute of International Relations (University) Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation.

Zvyagelskaya Irina Donovna – Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Center for Middle Eastern Studies of the E. M. Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation.

Isaev Vladimir Aleksandrovich – Doctor of Economics, Professor, Professor of the Department of International Economic Relations of Asia and Africa, Institute of Asian and African Countries, M.V. Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation.

Kuznetsov Vasily Aleksandrovich – Candidate of Historical Sciences, Head of the Center for Arab and Islamic Studies of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Associate Professor of the Faculty of World Politics of M.V. Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation.

Mamedova Nina Mikhailovna – Candidate of Economic Sciences, Head, Iranian Sector, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation.

Melyantsev Vitaly Albertovich – Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of International Economic Relations of Asia and Africa, Institute of Asian and African Countries, M.V. Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation.

Mosyakov Dmitry Valentinovich – Doctor of Historical Sciences, Professor, Head, Center for the Study of Southeast Asia, Australia and Oceania, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation.

Panarin Sergey Alekseevich – Candidate of Historical Sciences, Head, Center for the Study of General Problems of the Modern East, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation.

Streltsov Dmitry Viktorovich – Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Oriental Studies, Head of the laboratory "Center for Japanese, Korean and Mongolian Studies", Moscow State Institute of International Relations (University) Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation; Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation.

Ulchenko Natalia Yurievna – Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of Economics and Economic Geography of Asia and Africa, M.V. Lomonosov Moscow State University; Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation.

Shaumyan Tatiana L'vovna – Candidate of Historical Sciences, Head, Center for Indian Studies, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation.

Редакция

Акимов Александр Владимирович – главный редактор, д-р экон. наук, зав. отделом экономических исследований, Институт востоковедения РАН, г. Москва, Российская Федерация.

Федулов Илья Викторович – зам. гл. редактора, канд. техн. наук, Институт востоковедения РАН, г. Москва, Российская Федерация.

Щепилова Елена Феликсовна – отв. секретарь редакции, Институт востоковедения РАН, г. Москва, Российская Федерация.

Редакционная коллегия

Наумкин Виталий Вячеславович – председатель редакционной коллегии, академик Российской академии наук, д-р ист. наук, проф., научный руководитель Института востоковедения РАН.

Белокреницкий Вячеслав Яковлевич – заместитель председателя редакционной коллегии, д-р ист. наук, проф., заведующий Центром изучения стран Ближнего и Среднего Востока, Институт востоковедения РАН, г. Москва, Российская Федерация.

Воронцов Александр Валентинович – канд. ист. наук, заведующий отделом Кореи и Монголии, Институт востоковедения РАН, г. Москва, Российская Федерация.

Воскресенский Алексей Дмитриевич – д-р полит. наук, профессор кафедры востоковедения, директор Центра комплексного китаеведения и региональных проектов Московского государственного института международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация.

Звягельская Ирина Доновна – член-корр. Российской академии наук, д-р ист. наук, проф., руководитель Центра ближневосточных исследований Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений им. Е. М. Примакова РАН, г. Москва, Российская Федерация.

Исаев Владимир Александрович – д-р экон. наук, профессор кафедры международных экономических отношений стран Азии и Африки Института стран Азии и Африки МГУ им. М. В. Ломоносова, г. Москва, Российская Федерация.

Кузнецов Василий Александрович – канд. ист. наук, руководитель Центра арабских и исламских исследований Института востоковедения РАН, доцент факультета мировой политики Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, г. Москва, Российская Федерация.

Мамедова Нина Михайловна – канд. экон. наук, зав. сектором Ирана, Институт востоковедения РАН, г. Москва, Российская Федерация.

Мельянцева Виталий Альбертович – член-корр. Российской академии наук, д-р экон. наук, проф., заведующий кафедрой международных экономических отношений стран Азии и Африки Института стран Азии и Африки МГУ им. М.В. Ломоносова, г. Москва, Российская Федерация.

Мосяков Дмитрий Валентинович – д-р ист. наук, проф., зав. Центром изучения Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании, Институт востоковедения РАН, г. Москва, Российская Федерация.

Панарин Сергей Алексеевич – канд. ист. наук, зав. Центром исследования общих проблем современного Востока, Институт востоковедения РАН, г. Москва, Российская Федерация.

Стрельцов Дмитрий Викторович – д-р ист. наук, проф., заведующий кафедрой востоковедения, руководитель лаборатории «Центр японских, корейских и монгольских исследований», Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации; Институт востоковедения РАН, г. Москва, Российская Федерация.

Ульченко Наталия Юрьевна – д-р экон. наук, проф., зав. кафедрой экономики и экономической географии стран Азии и Африки, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова; Институт востоковедения РАН, г. Москва, Российская Федерация.

Шаумян Татьяна Львовна – канд. ист. наук, зав. Центром индийских исследований, Институт востоковедения РАН, г. Москва, Российская Федерация.

CONTENTS

ECONOMICS

- A. Al-Janabi*
Post-ISIS Iraq: Characteristics
of the informal economy in the post-conflict period..... 9
- S. Babenkova*
Lebanese Metamorphoses: From Dawn to Dusk.....19
- S. Babenkova*
Palestine: Financial Autonomy and/or Dependence? 30
- A. Vasilenko*
Western Sahara: Political Economy Aspects of the Conflict 42
- I. Vedeneev*
Political and Economic Relations
between the Kurdistan Regional Government (Iraq) and Baghdad in 2023 66
- A. Demchenko*
Jordan and drug trafficking from Syria.....78
- O. Mitrofanenkova*
The Taliban's Fight Against Drug Production in Afghanistan in 2023102
- S. Serebrov*
The Political Economy of Yemen's Military Conflict:
The Impact of Power Disintegration and Consolidation
on Types of Economic Complexes..... 114

POLITICS

- G. Lukyanov*
The political economy of the Libyan crisis:
Economy and power between fragmentation and centralization139

СОДЕРЖАНИЕ

ЭКОНОМИКА

- А. С. Аль-Джанаби*
Постигиловский Ирак: особенности функционирования
неформальной экономики в постконфликтный период 9
- С. Ю. Бабенкова*
Ливанские метаморфозы: от рассвета до заката 19
- С. Ю. Бабенкова*
Палестина: финансовая автономия и (или) зависимость? 30
- А. И. Василенко*
Западная Сахара: политэкономические аспекты конфликта 42
- И. Н. Веденеев*
Политические и экономические отношения
между автономией Иракского Курдистана и Багдадом в 2023 г. 66
- А. В. Демченко*
Иордания и проблема наркотрафика из Сирии 78
- О. Е. Митрофаненкова*
Борьба Движения Талибан
с производством наркотиков в Афганистане в 2023 г. 102
- С. Н. Серебров*
Политэкономия йеменского военного конфликта: влияние процессов
дезинтеграции и консолидации власти на типы хозяйственных комплексов 114

ПОЛИТИКА

- Г. В. Лукьянов*
Политическая экономия ливийского кризиса:
экономика и власть между фрагментацией и централизацией..... 139

ЭКОНОМИКА

ECONOMICS

Научная статья. Экономические науки
УДК 330.34(567)
<https://doi.org/10.31696/2227-5568-2023-04-009-018>

ПОСТИГИЛОВСКИЙ ИРАК: ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ НЕФОРМАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ В ПОСТКОНФЛИКТНЫЙ ПЕРИОД

Александр Сулумбекович Аль-Джанаби

Государственный академический университет гуманитарных наук, Москва, Россия,
3obute@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0004-7933-9943>

Аннотация. В статье рассматривается проблематика, связанная с функционированием современной неформальной экономической системы Ирака, сложившейся после 2017 г. Выделяются отличительные черты политической ситуации в современном Ираке, подчеркиваются угрозы и вызовы, с которыми сталкивается иракское государство на сегодняшний день. Заостряется внимание на том, что из-за сложившихся условий условий безопасности, которые связаны с террористической активностью, весомую экономическую роль в стране начали играть негосударственные акторы, включая курдские формирования пешмерга и военизированной организацию аль-Хашд аш-Шааби. Делается акцент на деятельности отдельных иракских чиновников и представителей силовых ведомств, которые получают ренту от нелегального налогообложения и контрабанды. Отдельное внимание уделяется генезису современной криминальной экономики Ирака. Утверждается, что последствия ирано-иракской войны и введение международных санкций в отношении Ирака в 1990-е гг. заложили основы иракского черного рынка. Делается вывод о том, что криминальная экономика, которая сложилась после 2017 г., не является новообразованной в корне, а появилась в результате установления контроля над неформальными экономическими сетями джихадистов ИГ¹ со стороны негосударственных акторов и отдельных силовых структур Ирака.

Ключевые слова: Ирак, неформальная экономика, криминальная экономика, теневая экономика, контрабанда, негосударственные акторы

Для цитирования: Аль-Джанаби А. С. Постигиловский Ирак: особенности функционирования неформальной экономики в постконфликтный период. *Восточная аналитика*. 2023;14(4):9-18. <https://doi.org/10.31696/2227-5568-2023-04-009-018>

Original article. Economics studies

POST-ISIS IRAQ: CHARACTERISTICS OF THE INFORMAL ECONOMY IN THE POST-CONFLICT PERIOD

Alexander Al-Janabi

The State Academic University for the Humanities, Moscow, Russia,
3obute@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0004-7933-9943>

Abstract. The article examines the problems associated with the functioning of Iraqi contemporary informal economic system, which has emerged in 2017. This article provides a brief anal-

¹ Запрещённая в РФ террористическая организация

Контент доступен под лицензией Creative Commons «Attribution-ShareAlike» («Атрибуция-СохранениеУсловий») 4.0 Всемирная.

ysis of the political situation in modern Iraq and examines the threats and challenges that the Iraqi state is facing today. It is highlighted that due to the current security environment associated with terrorist activity, non-state actors, including the Kurdish peshmerga and the paramilitary organization Hashd al-Shaabi, have started to play an active economic role. There is an emphasis on the activity of some Iraqi officials and enforcers who receive rents from illegal taxation and smuggling. Particular attention is paid to the genesis of Iraqi modern criminal economy. It is claimed that the consequences of the Iran-Iraq war and the imposition of international sanctions on Iraq in the 1990s established the foundations for an Iraqi black market. It is concluded that the criminal economy that emerged after 2017 is not fundamentally new, and has grown out of the control of the ISIS informal economic networks by non-state actors and individuals in Iraqi security forces.

Keywords: Iraq, informal economy, criminal economy, shadow economy, smuggling, non-state actors

For citation: Al-Janabi A. S. Post-ISIS Iraq: Characteristics of the informal economy in the post-conflict period. *Eastern Analytics*. 2023;14(4):9-18. (In Russ.) <https://doi.org/10.31696/2227-5568-2023-04-09-018>

Ирак – страна с богатыми природными ресурсами и непростой политической обстановкой. На протяжении многих десятилетий иракское государство сталкивалось с различными вызовами, включая несколько вооруженных конфликтов, затяжные экономические кризисы и перманентную политическую турбулентность. Все эти факторы стали катализаторами роста неформальной экономической системы Ирака.

Под «неформальной экономикой» в настоящей статье понимается та экономическая деятельность, которая функционирует вне контроля со стороны официального правительства. Однако у данного термина существуют различные определения и синонимичные понятия [Enste 2013; Losby et al. 2002, pp. 5–8; Schneider 2012, pp. 4–6; Thomas 1999, p. 381; Бабенкова 2016, с. 9]. Так, например, часто синонимом термина «неформальная экономика» выступает «теневая экономика».

Немецкий экономист Фридрих Шнайдер определил теневую экономику как «рыночное производство товаров и услуг законным или незаконным способом, которые не учитываются при расчете ВВП». В то же время профессор Лондонской школы экономики и политических наук (LSE) Джим Томас предложил следующее определение: «Неформальная экономика – это та экономическая деятельность и доход от нее, которые избегают правительственного регулирования, налогообложения и контроля». Российский экономист Светлана Бабенкова также подчеркивает, что по своей экономической сущности «теневая экономика» может включать в себя не только незаконную деятельность, но и недекларируемые доходы от законного производства товаров.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-ShareAlike 4.0 International (CC BY-SA 4.0).

Неформальная экономика в Ираке характеризуется наличием нескольких факторов, включая высокий уровень бедности, безработицы и неполной занятости. Она включает в себя широкий спектр видов деятельности, таких как уличная торговля, незарегистрированный малый бизнес и др.

Кроме того, неформальная экономика включает в себя и преступную деятельность, такую как контрабанда, торговля людьми, наркотиками и оружием. Причем в иракском случае эта деятельность часто связана с активностью негосударственных акторов.

И именно эта часть неформальной экономики, которую часто именуют по-разному, например черной, или криминальной экономикой [Ahmad 2017; Колесников 2016], будет рассмотрена в данной статье. Несмотря на то, что сам термин «криминальная экономика» включает в себя широкий спектр незаконной деятельности, особое внимание будет уделено контрабанде углеводородов, поскольку нефть исторически играет особую роль в экономике Ирака.

Ирак после 2017 г.

Несмотря на окончание территориального господства так называемого Исламского государства² (ИГ) в Ираке в 2017 г., страна по-прежнему переживает непростые времена. Многочисленные военизированные формирования, лояльные скорее политическим партиям, чем государственным институтам, сражались вместе, чтобы добиться победы над ИГ. Теперь же они соперничают между собой, чтобы занять вакуум, образовавшийся после территориальных потерь джихадистов.

Основными конкурирующими сторонами являются курдские вооруженные формирования пешмерга, связанные с Демократической партией Курдистана (ДПК) и Патриотическим союзом Курдистана (ПСК), шиитские ополченцы, включая аль-Хашд аш-Шааби (ар. – Силы народной мобилизации), а также вооруженные группы, связанные с местными племенами.

В то же время, несмотря на фактическую победу над ИГ, ячейки джихадистов продолжают действовать в нескольких регионах, например в горных районах Хамрин и Махул³, а неустойчивость и слабость государственных институтов, которые позволили ИГ процветать, по-прежнему остаются одними из главных факторов роста неформальной экономики. С 2003 г. и до сих пор ни центральное правительство, ни местные

² Запрещённая в РФ террористическая организация.

³ 2 Senior ISIS Members Killed in Iraqi Strikes on Hamrin Mountains // Asharq al awsat URL: <https://english.aawsat.com/home/article/3867661/2-senior-isis-members-killed-iraqi-strikes-hamrin-mountains> (дата обращения: 10.04.2023).

органы самоуправления не смогли обеспечить стабильного предоставления базовых государственных услуг, что позволило таким группировкам, как ИГ, заполнить вакуум и, по сути, заменить собой слабое государство [Fazil et al. 2021].

Генезис современной криминальной экономики Ирака

Общая структура криминальной экономики ИГ уходит корнями в период после ирано-иракской войны 1980–1988 гг., имевшей катастрофические последствия для экономики страны и послужившей главной причиной образования крупного внешнего долга (по оценкам экспертов⁴ на 1989 г. он составлял от 35 до 45 млрд долл.) и полной хозяйственной разбалансированности. Вместе с тем к началу 1990-х гг. многие государственные предприятия оказались приватизированы, в результате чего иракскому режиму пришлось выстраивать связи с новыми экономическими субъектами. Одним из непреднамеренных следствий этих двух факторов стало укрепление черного рынка и рынка контрабанды, а также создание неформальных экономических сетей, которые помогли Ираку пережить беспрецедентные международные санкции, введенные ООН после иракского вторжения в Кувейт.

Эти неформальные сети включали в себя широкий круг субъектов, в том числе правительственных чиновников, внешних деловых партнеров, лидеров племен, работников нефтяного сектора и предпринимателей.

Международные санкции на экспорт нефти подтолкнули режим Саддама Хусейна к созданию альтернативных сухопутных маршрутов контрабанды через Иорданию, Сирию и Турцию, а также морских маршрутов контрабанды в Персидском заливе. Неформальная экономика также обеспечивала занятость для многих ветеранов боевых действий, прошедших ирано-иракскую войну и войну в Заливе.

Подъем ИГ в 2013–2014 гг. показал, насколько глубоко укоренилась «черная» экономика. Как отмечают некоторые исследователи, в частности Ренад Мансур, старший научный сотрудник Chatham House [Eaton et al. 2019, p. 14], ИГ использовало неформальные сети, очень похожие на те, которые были созданы в эпоху Саддама Хусейна. Оно даже нанимало многих бывших чиновников режима, которые имели опыт в данной сфере.

После разгрома джихадистов контроль над неформальными сетями разделился. Теперь различные силы, принимавшие участие в войне против ИГ – аль-Хашд аш-Шааби, пешмерга, племенные формирования

⁴ Iraq's economy: Past, present, future // Reliefweb URL: <https://reliefweb.int/report/iraq/iraqs-economy-past-present-future> (дата обращения: 11.03.2023).

и отдельные представители силовых структур – получают прибыль от тех же самых торговых маршрутов и контрабанды, от которых получало прибыль Исламское государство.

Политэкономическая система постконфликтного Ирака

Ирак является самым нефтезависимым государством на Земле. В 2014 г. на долю нефтегазового сектора приходилось 58% ВВП, 99% экспорта и более 90% доходов центрального правительства⁵. Следовательно, основным источником ренты является нефть. Контроль над иракскими правительственными институтами, в свою очередь, дает доступ к нефтяным доходам, позволяющим лидерам различных политических партий и движений поддерживать систему патронажа. Автономия в принятии решений и низкий уровень подотчетности чиновников и силовых ведомств позволяют им становиться частью большой коррупционной сети [Shyua 2022].

По данным иракского информационного портала аль-Иктисад ньюз⁶, около 7 млн л иракской нефти ежедневно переправляется контрабандой через границу. При этом большая часть транзита «черного золота» проходит через полуавтономный Иракский Курдистан, где оно переправляется в соседние страны, прежде всего в Иран и Турцию.

Это связано в первую очередь с тем, что существует значительная разница между ценой на топливо в Иракском Курдистане и в остальной части Ирака⁷. Как сообщалось на арабском информационном портале аль-Араби аль-Джаид, в 2022 г. топливо продавалось по цене 500 динаров⁸ (0,33 долл. США) за литр в Багдаде, в то время как в Эрбиле и его окрестностях оно стоило примерно 1300 динаров⁹ (0,8 долл. США) за литр.

⁵ Iraq Overview // World Bank URL: <https://data.worldbank.org/country/Iraq> (дата обращения: 11.03.2023).

⁶ ан-Нафт: саб'а маляин литр мин аль-мунтаджат йавхаб лиль тагриб йаумийа [Нефть: семь миллионов литров нефтяной продукции провозится контрабандой ежедневно] пер. с араб. языка // аль-Иктисад Ньюз URL: <https://economy-news.net/content.php?id=28257> (дата обращения: 10.03.2023).

⁷ Дело в том, что топливо субсидируется центральным правительством для внутреннего потребления на территории Ирака, в то время как в Иракском Курдистане таких субсидий не предусмотрено, что и создает такую разницу в цене.

⁸ Аль-Ирак: азма вукуд филь Мусул ва Тавабир тамтад амам махатат ат-Тавзи'а [Ирак: Топливный кризис в Мосуле и длинные очереди перед заправками] пер. с араб. языка // аль-Араби аль-Джаид URL: <https://www.alaraby.co.uk/economy/%D8%A7%D9%84%D8%B9%D8%B1%D8%A7%D9%82-%D8%A3%D8%B2%D9%85%D8%A9-%D9%88%D9%82%D9%88%D8%AF-%D9%81%D9%8A-%D8%A7%D9%84%D9%85%D9%88%D8%B5%D9%84-%D9%88%D8%A7%D9%84%D8%B7%D9%88%D8%A7%D8%A8%D9%8A%D8%B1-%D8%AA%D9%85%D8%AA%D8%AF-%D8%A3%D9%85%D8%A7%D9%85-%D8%A7%D9%84%D9%85%D8%AD%D8%B7%D8%A7%D8%AA> (дата обращения: 10.03.2023).

⁹ Iraqi Kurdistan: fuel prices skyrocketing amid lack of subsidies, regulations // The New Arab URL: <https://www.newarab.com/news/iraqi-kurdistan-fuel-prices-skyrocketing-amid-no-subsidies> (дата обращения: 10.03.2023).

Такая же ситуация с ценами на нефть наблюдалась и в странах, граничащих с Ираком, например в Иордании средняя цена была 0,9 долл. США¹⁰, а в Турции – 1,8 долл. США¹¹. Такие транснациональные и региональные различия в ценах стимулировали иракских контрабандистов и их покровителей активно заниматься этой деятельностью.

В приграничных районах курдского региона контрабанда нефти и других дефицитных товаров (начиная от продовольствия и электротехники и заканчивая оружием и наркотическими веществами) стала частью местной трансграничной экономики. Пользуясь плохо контролируемой местностью, легко проницаемыми границами и неформальными сетями, основанными на трайбализме и клановой системе, местные курдские торговцы превратили эту нелегальную деятельность в источник своего существования. Как представляется, не последнюю роль в этом играют и курдские военизированные ополчения пешмерга¹².

Судя по всему, львиная доля доходов от контрабанды иракской нефти поступает непосредственно поддерживаемым Ираном ополченцам, входящим в зонтичную организацию аль-Хашд аш-Шааби. После 2017 г. шиитские ополченцы взяли под свой контроль не менее 72 нефтяных месторождений в северных провинциях Ирака, включая мухафазы Найнава и Салах ад-Дин¹³.

Контрабандой нефти также занимаются и представители официальных иракских силовых ведомств. Недавний пример в провинции Басра, где была ликвидирована крупная сеть контрабандистов, отлично иллюстрирует это. Как отмечали некоторые СМИ¹⁴, в преступной сети также состояли высокопоставленные офицеры Сил безопасности.

Ситуация усугубляется и тем, что многие политические лидеры поддерживают тесные связи с легитимизированными со стороны государства военизированными формированиями, такими как пешмерга и аль-Хашд аш-Шааби. Данные структуры выступают в качестве аген-

¹⁰ Jordan Gasoline prices // Global petrol prices URL: https://www.globalpetrolprices.com/Jordan/gasoline_prices/ (дата обращения: 10.03.2023).

¹¹ Turkey Gasoline prices // Global petrol prices URL: https://www.globalpetrolprices.com/Turkey/gasoline_prices/ (дата обращения: 10.03.2023).

¹² Iraq's Kurdish region is source of possible smuggling, non-compliance with OPEC+ cuts: deputy PM // S&P Global URL: <https://www.spglobal.com/commodityinsights/en/market-insights/latest-news/oil/092220-iraqs-kurdish-region-is-source-of-possible-smuggling-non-compliance-with-opec-cuts-deputy-pm> (дата обращения: 10.03.2023).

¹³ A Thousand Hezbollah's: Iraq's Emerging Militia State // New Lines Institute URL: <https://newlinesinstitute.org/iraq/a-thousand-hezbollahs-iraqs-emerging-militia-state/> (дата обращения: 11.03.2023).

¹⁴ Iraq dismantles the largest oil smuggling network in Basra // Middle East Monitor URL: <https://www.middleeastmonitor.com/20221103-iraq-dismantles-the-largest-oil-smuggling-network-in-basra/> (дата обращения: 11.03.2023).

тов насилия в неформальной экономической системе, что позволяет им взимать ренту с лиц, ведущих деятельность в неформальном секторе экономики. Таким образом политики получают дополнительные опции личного финансового обогащения. К тому же иракские чиновники часто совмещают политические, экономические и силовые функции, которые, в свою очередь, открывают широкие экономические возможности в теневом секторе экономики. Например, некоторые чиновники могут иметь свой собственный нелегальный бизнес, прикрытием которого занимаются лояльные их партиям агенты насилия.

Появление отдельных субэкономики

Победа над ИГ также привела к возникновению ряда внутренних территориальных разделений. Эти зоны территориального контроля, в свою очередь, исказили рынки и создали отдельные субэкономики, разделяющие районы, контролируемые различными вооруженными формированиями. Нелегальное налогообложение и арбитраж превратили эти зоны в ценные активы для вооруженных групп и других субъектов черной экономики Ирака.

Для наглядности можно рассмотреть случаи двух городов: Туз Хурмату и эль-Каима.

В последние годы иракский город Туз Хурмату был охвачен волной насилия¹⁵. Стратегическое расположение города в качестве перевалочного пункта для транзита нефти в близлежащий Киркук делает этот небольшой и с виду непримечательный населённый пункт важным местом для потенциального извлечения ренты. После того, как пешмерга и аль-Хашд аш-Шааби отбили Туз Хурмату у ИГ в 2017 г., они сразу же сосредоточились на введении режима контрольно-пропускных пунктов вдоль главной автомагистрали Багдад – Туз Хурмату. Доходы с этих КПП продолжают иметь большое значение для вооруженных групп аль-Хашд аш-Шааби и в наши дни.

Другим примером является город эль-Каим. Сирийско-иракская граница была местом расположения крупных торговых хабов террористов ИГ. Один из них, город эль-Каим, стал известен как последний оплот ИГ в Ираке. Расположенный здесь пограничный переход представлял из себя что-то вроде перевалочного пункта для контрабанды оружия и товаров, которые приносили джихадистам существенные доходы.

После территориального поражения ИГ в 2017 г. негосударственные акторы первыми заполнили вакуум, установив свое присутствие в реги-

¹⁵ Tuz Khurmatu is Iraq's city of walls. Is it a sign of the country's future? // Los Angeles Times URL: <https://www.latimes.com/world/middleeast/la-fg-iraq-kurds-turkmen-20180311-story.html> (дата обращения: 11.03.2023).

оне раньше иракских сил безопасности. Как следствие, эль-Каим стал районом со смешанным контролем, где вооруженные группы плотно закрепились в трансграничной торговле, которая не прекращалась во время конфликта несмотря на то, что различные группировки, контролировавшие город, постоянно сменяли друг друга¹⁶.

* * *

Основы криминальной экономики Ирака были заложены в 1990-е гг., когда государство переживало серьезный экономический упадок. Исламское государство во многом заимствовало элементы прежней системы при создании новых неформальных экономических сетей. Современная структура иракской криминальной экономики является прямым ответвлением черной экономики ИГ.

На сегодняшний день иракское государство разделено на неформальные субэкономические зоны, которые контролируются различными акторами. Как показывает практика, военизированные формирования и связанные с ними политические партии продолжают получать стабильный доход от системы КПП на важных торговых маршрутах, участия в контрабанде нефти и незаконной трансграничной торговли.

Таким образом, если рассматривать политические и военные процессы в современном Ираке с политэкономической точки зрения, то он представляет собой соперничество различных субъектов за контроль над рентой.

Литература / References

1. Бабенкова С. Ю. «Теневая экономика» в странах Ближнего Востока: причины, риски, последствия // Ученые записки Российской академии предпринимательства. 2016. – № 48. С. 7–36.
2. Колесников В. В. Криминальная экономика в системе экономической криминологии: понятие и структура // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2016. № 2 (41). С. 16–29.
3. 2 Senior ISIS Members Killed in Iraqi Strikes on Hamrin Mountains // Asharq al awsat. URL: <https://english.aawsat.com/home/article/3867661/2-senior-isis-members-killed-iraqi-strikes-hamrin-mountains> (дата обращения: 10.04.2023).
4. Ahmad A. Jihad & Co.: black markets and Islamist power. – Oxford University Press, 2017.
5. Eaton, T., Cheng, C., Mansour, R., Salisbury, P., Yazigi, J., & Khatib, L. (2019). Conflict Economies in the Middle East and North Africa. Royal Institute of International Affairs.

¹⁶ Smuggling of more than 3 million narcotic pills thwarted at Al-Qaim border post // Iraq News Gazette URL: <https://www.iraqnewsgazette.com/smuggling-of-more-than-3-million-narcotic-pills-thwarted-at-al-qaim-border-post/> (дата обращения: 11.03.2023).

6. Fazil S. et al. Fixing the Economy and Public Service Provision in Iraq. 2021.
7. Iraq dismantles the largest oil smuggling network in Basra // Middle East Monitor. URL: <https://www.middleeastmonitor.com/20221103-iraq-dismantles-the-largest-oil-smuggling-network-in-basra/> (дата обращения: 11.03.2023).
8. Iraq's economy: Past, present, future // Reliefweb. URL: <https://reliefweb.int/report/iraq/iraqs-economy-past-present-future> (дата обращения: 11.03.2023).
9. Iraq Overview // World Bank. URL: <https://data.worldbank.org/country/Iraq> (дата обращения: 11.03.2023).
10. Iraqi Kurdistan: fuel prices skyrocketing amid lack of subsidies, regulations // The new Arab. URL: <https://www.newarab.com/news/iraqi-kurdistan-fuel-prices-skyrocketing-amid-no-subsidies> (дата обращения: 10.03.2023).
11. Iraq's Kurdish region is source of possible smuggling, non-compliance with ОПЕС+ cuts: deputy PM // S&P Global. URL: <https://www.spglobal.com/commodityinsights/en/market-insights/latest-news/oil/092220-iraqs-kurdish-region-is-source-of-possible-smuggling-non-compliance-with-opec-cuts-deputy-pm> (дата обращения: 10.03.2023).
12. Jordan Gasoline prices // Global petrol prices. URL: https://www.globalpetrolprices.com/Jordan/gasoline_prices/ (дата обращения: 10.03.2023).
13. Losby, J. L., Else, J. F., Kingslow, M. E., Edgcomb, E. L., Malm, E. T., & Kao, V. (2002). Informal economy literature review. ISED Consulting and Research, 1, 55.
14. A Thousand Hezbollah's: Iraq's Emerging Militia State // New Lines Institute. URL: <https://newlinesinstitute.org/iraq/a-thousand-hezbollahs-iraqs-emerging-militia-state/> (дата обращения: 11.03.2023).
15. Schneider F. The shadow economy and work in the shadow: what do we (not) know? 2012.
16. Schneider F., Enste D. H. The shadow economy: An international survey. Cambridge University Press, 2013.
17. Shyaa H. E. Mechanisms and means to combat administrative and financial corruption in Iraq // Iraqi Journal of Humanitarian, Social and Scientific Research. 2022. Т. 2. № . 4.
18. Smuggling of more than 3 million narcotic pills thwarted at Al-Qaim border post // Iraq News Gazette. URL: <https://www.iraqnewsgazette.com/smuggling-of-more-than-3-million-narcotic-pills-thwarted-at-al-qaim-border-post/> (дата обращения: 11.03.2023).
19. Thomas J. Quantifying the black economy: 'measurement without theory' yet again? // The Economic Journal. 1999. Т. 109. № 456. Pp. 381–389.
20. Turkey Gasoline prices // Global petrol prices. URL: https://www.globalpetrolprices.com/Turkey/gasoline_prices/ (дата обращения: 10.03.2023).
21. Tuz Khurmatu is Iraq's city of walls. Is it a sign of the country's future? // Los Angeles Times. URL: <https://www.latimes.com/world/middleeast/la-fg-iraq-kurds-turkmen-20180311-story.html> (дата обращения: 11.03.2023).
22. Аль-Ирак: азма вукуд филь Мусул ва Тавабир тамтад амам махатат ат-Тавзи'а [Ирак: Топливный кризис в Мосуле и длинные очереди перед заправками] пер. с араб. языка // аль-Араби аль-Джадид. URL: <https://www.alaraby.co.uk/economy/%D8%A7%D9%84%D8%B9%D8%B1%D8%A7%D9%82-%D8%A3%D8%B2%D9-%85%D8%A9-%D9%88%D9%82%D9%88%D8%AF-%D9%81%D9%8A-%D8%A7%D9%>

84%D9%85%D9%88%D8%B5%D9%84-%D9%88%D8%A7%D9%84%D8%B7%D9%88-%D8%A7%D8%A8%D9%8A%D8%B1-%D8%AA%D9%85%D8%AA%D8%AF-%D8%A3-%D9%85%D8%A7%D9%85-%D8%A7%D9%84%D9%85%D8%AD%D8%B7%D8%A7-%D8%AA (дата обращения: 10.03.2023).

23. ан-Нафт: саб'а маляин литр мин аль-мунтаджат йавхаб лиль тагриб йаумийа [Нефть: семь миллионов литров нефтяной продукции провозится контрабандой ежедневно] пер. с араб. языка // аль-Иктисад Ньюз. URL: <https://economy-news.net/content.php?id=28257> (дата обращения: 10.03.2023).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Аль-Джаноби Александр Сулумбекович – магистрант, Государственный академический университет гуманитарных наук, г. Москва, Россия

Al-Janabi Alexander S. – master's student, The State Academic University for the Humanities, Moscow, Russia

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 02.08.2023.

Одобрена после рецензирования и принята к публикации: 06.08.2023.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Article info

Submitted: 02.08.2023.

Approved after peer reviewing and accepted for publication: 16.08.2023.

The author has read and approved the final manuscript.

Научная статья. Экономические науки
УДК 366.(6+7)
<https://doi.org/10.31696/2227-5568-2023-04-019-029>

ЛИВАНСКИЕ МЕТАМОРФОЗЫ: ОТ РАССВЕТА ДО ЗАКАТА

Светлана Юрьевна Бабенкова

Институт востоковедения РАН, Москва, Россия,
s.babenkova@ivran.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7369-2720>

Аннотация. Вопросы ливанского финансового кризиса рассматривались и анализировались многими специалистами, однако в их работах не уделялось должное внимание политическому аспекту вышеуказанного кризиса.

Как известно, Ливан принял на себя последствия не только странового дефолта, но и экономического кризиса, вызванного пандемией COVID-19, а также взрывом селитры в порту Бейрута. В совокупности все эти факторы, по мнению многих экспертов, в том числе бывшего руководства страны, должны были «ввергнуть население в полную нищету, а страну в полный ад», однако Ливанский кризис представляет собой «интересный случай финансового и экономического кризиса», который пошел более медленным путем и концептуально отличается от стандартных финансовых кризисов.

Несмотря на это, правящая элита страны не спешит в срочном порядке и поэтапно решать накопившиеся проблемы, потворствуя грабегам банков со стороны населения, и не спешит проводить в жизнь реформы с целью получения финансовой помощи для восстановления страны от мировых финансовых институтов.

Ключевые слова: Ливан, кризис, экономика, финансы, банкротство, банки

Для цитирования: Бабенкова. С. Ю. Ливанские метаморфозы: от рассвета до заката. *Восточная аналитика*. 2023;14(4):19-29. <https://doi.org/10.31696/2227-5568-2023-04-019-029>

Original article. Economics studies

LEBANESE METAMORPHOSES: FROM DAWN TO DUSK

Svetlana Babenkova

Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia,
s.babenkova@ivran.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7369-2720>

Abstract. The issues of the Lebanese financial crisis were considered and analyzed by many experts, however, these works did not pay due attention to the political aspect of the above crisis. As it is known, Lebanon took upon itself the consequences of not only a country default but also the economic crisis caused by the COVID-19 pandemic as well as the saltpeter explosion in the port of Beirut. Taken together, all these factors according to many experts including the former leadership of the country, should have “plunged the population into complete poverty, and the country into complete hell,” however, the Lebanese crisis is an “interesting case of a financial and economic crisis” that went slower and conceptually different from standard financial crises.

Контент доступен под лицензией Creative Commons «Attribution-ShareAlike» («Атрибуция-СохранениеУсловий») 4.0 Всемирная.

Despite this, the country's ruling elite is in no hurry to urgently and gradually solve the accumulated problems condoning bank robberies by the population and is in no hurry to implement reforms in order to receive financial assistance to restore the country from world financial institutions.

Keywords: Lebanon, crisis, economy, finance, bankruptcy, banks

For citation: Babenkova S. Yu. Lebanese Metamorphoses: From Dawn to Dusk. *Eastern Analytics*. 2023;14(4):19-29. (In Russ.) <https://doi.org/10.31696/2227-5568-2023-04-019-029>

Согласно выводам Международного валютного фонда (далее – МВФ), сделанным на основании проведенной Миссии МВФ в Бейруте¹ с целью оценки экономической ситуации в стране, в настоящее время Ливан находится на особенно сложном экономическом этапе. На протяжении более трех лет страна сталкивается с беспрецедентным кризисом, сопровождающимся серьезными экономическими потрясениями, резким обесцениванием ливанской лиры и трехзначной инфляцией, которые оказали большое воздействие на жизнь людей. Безработица и эмиграция резко возросли, а бедность достигла исторически высокого уровня. Предоставление основных услуг, таких как здравоохранение и государственное образование, практически отсутствуют, а основные программы социальной поддержки и объемы государственных инвестиций резко сократились. В более широком смысле потенциал государственной администрации был ослаблен. Банки не в состоянии предоставлять кредиты экономике, а банковские депозиты в основной массе недоступны для клиентов². Присутствие большого числа беженцев усугубляет проблемы Ливана³.

Таким образом, в 2023 г. Ливан продолжает переживать один из самых тяжелых финансовых кризисов в мире, какого не было с 1850 г. Экономический кризис еще больше усугубился из-за пандемии COVID-19, роста государственного долга, суверенного дефолта, обвала валюты и взрыва селитры в порту Бейрута⁴. Традиционные секторы, являющиеся двигателями экономического роста в Ливане (недвижимость, строительство и туризм), практически перестали развиваться, а показатели банковского сек-

¹ 15.03.2023–23.03.2023.

² IMF Executive Board Concludes 2023 Article IV Consultation with Lebanon. June 29, 2023. URL: [https://www.imf.org/en/News/Articles/2023/06/28/pr23245-lebanon-imf-executive-board-concludes-2023-article-iv-consultation-with-lebanon#:~:text=Lebanon%20has%20been%20facing%20an,its%20foreign%20exchange%20\(FX\)%20reserves](https://www.imf.org/en/News/Articles/2023/06/28/pr23245-lebanon-imf-executive-board-concludes-2023-article-iv-consultation-with-lebanon#:~:text=Lebanon%20has%20been%20facing%20an,its%20foreign%20exchange%20(FX)%20reserves).

³ URL: <https://www.imf.org/en/News/Articles/2023/03/23/lebanon-staff-concluding-statement-of-the-2023-article-iv-mission> (дата обращения: 24.07.2023).

⁴ Более подробно о причинах возникновения кризиса в Ливане см. С. Ю. Бабенкова. Финансовая система Ливана: кризис ликвидности, протесты против истеблишмента, дефолт // Путеводитель предпринимателя. 2020 г. Т. 13, № 2 (ISSN2073–9885).

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-ShareAlike 4.0 International (CC BY-SA 4.0).

тора, который являлся достаточно стабильным, также оказались в области отрицательных значений. Согласно последним данным Всемирного банка, ВВП Ливана в 2020 г. сократился на 21,4%, на 7% в 2021 г. и примерно на 5,4% в 2022 г.

Первыми с финансовым кризисом в 2019 г. столкнулись импортеры товаров, которые не могли вывести большие суммы долларов из банков для оплаты поставленных товаров. Далее, в ноябре 2019 г. банки ввели контроль за капиталом и запретили переводы за пределы Ливана. Эти меры не были одобрены парламентом страны и, как следствие этого, являлись незаконными. Несмотря на это владельцы банков просто заморозили счета вкладчиков вместо того, чтобы взять на себя убытки и возместить финансовые потери клиентов⁵.

В этой связи большинство граждан страны лишились доступа к своим сбережениям. Сложившаяся ситуация вынудила многих людей в прямом смысле взять свои сбережения силой, то есть, нарушив закон, идти на ограбления касс банков, используя оружие⁶, подвергая при этом себя риску уголовного преследования. Большинство из этих грабителей брали только те суммы, которые находились на их счетах. Этим «честным воров» соотечественники провозгласили национальными героями, банкиров и банки многие жители страны считали неким «коррупцированным картелем». Другая часть населения устраивала сидячие забастовки, с лозунгами и требованиями возврата своих сбережений, так как им необходимо было покупать предметы первой необходимости и оплачивать жизненно важные медицинские услуги как для себя, так и для членов своих семей⁷.

В 2020 г. премьер-министр Ливана Хасан Диаб объявил о первом суверенном дефолте в истории страны, заявив, что страна не может вовремя выплатить долг кредиторам в размере 1,2 млрд долл. США. Он также заявил, что эти средства нужны Ливану, потому что валютные резервы упали до «тревожного и опасного уровня»⁸.

⁵ Lebanon's financial crisis explained: what happened and why is the country stuck? May 25, 2022. URL: <https://www.thenationalnews.com/mena/lebanon/2022/05/25/lebanons-financial-crisis-explained-what-happened-and-why-is-the-country-stuck/>.

⁶ URL: <https://www.middleeasteye.net/opinion/lebanon-economic-crisis-why-not-collapsed>. По сообщениям некоторых Ливанских СМИ, для ограбления банков людьми использовалось как настоящее оружие, так и игрушечное (детское).

⁷ Shirin Jaafari. 'We are forced to be bank robbers,' desperate Lebanese citizens say amid financial crisis Banks in Lebanon have partially reopened this week after the government had ordered them to be shut down. The closures were prompted by a spate of bank heists conducted by people whose savings have been stuck in banking system. The World. September 28, 2022. URL: <https://theworld.org/stories/2022-09-28/we-are-forced-be-bank-robbers-desperate-lebanese-citizens-say-amid-financial>.

⁸ URL: <https://www.thenationalnews.com/mena/lebanon/2022/05/25/lebanons-financial-crisis-explained-what-happened-and-why-is-the-country-stuck/> (дата обращения: 24.07.2023).

Статистические данные показывают, что в период с 2018 г. по 2021 г. ВВП страны уменьшился с 55 млрд долл. США до 20,5 млрд долл. США. По данным Всемирного банка реальный ВВП снизился на 10,5% в 2021 г. на фоне сокращения на 21,4% в 2020 г., темпы и объемы таких снижений ВВП обычно наблюдаются во время войн или глобальных конфликтов⁹.

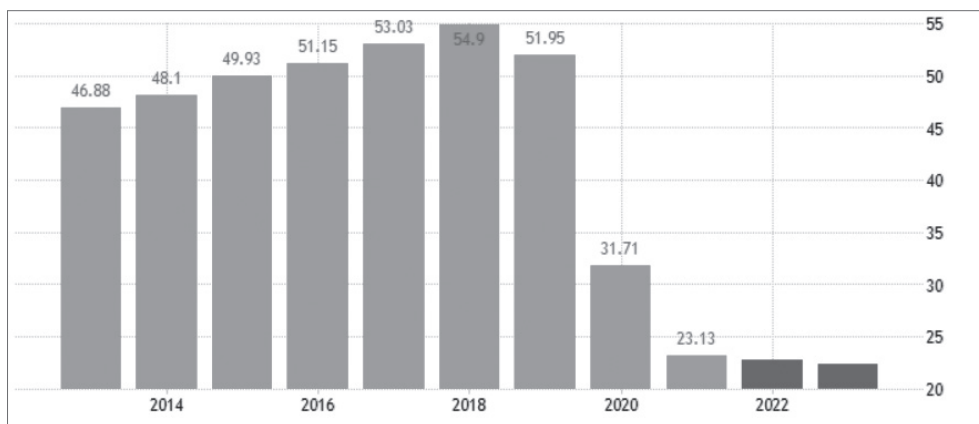

Рис. 1. ВВП Ливана с 2014–2022 гг.

Источник: URL: <https://tradingeconomics.com/lebanon/gdp>.

К резкому снижению бюджетных доходов в 2022 г. (5% от ВВП, против 7% от ВВП расходной части) привели значительные потери налоговых поступлений¹⁰, рост инфляции и номинального ВВП. Отношение внешнего долга к ВВП выросло до 180,7% в 2022 г. по сравнению с 172,5% в 2019 г., что сделало Ливан третьей страной с самой большой задолженностью в мире после Японии и Греции. В последнее время также произошел рост инфляции. Так, в 2022 г. она составляла в среднем 186%, что является одним из самых высоких показателей в мире. Это произошло из-за снижения доли товаров, импортируемых по субсидированным обменным курсам Банка Ливана, а также роста долларизации экономики страны. Процент невозвратных заемных средств достигал 80%, что само по себе является очень большой проблемой для финансовой системы.

В целом экономика Ливана сократилась почти на 60% с 2019 г., что является самым большим спадом среди 193 стран, измеренных за это время.

Небольшим источником роста является туристический сектор, где за первые семь месяцев 2021 г. количество туристов выросло на 101,2%

⁹ Мнение Всемирного банка.

¹⁰ Произошел рост числа случаев уклонения от уплаты налогов как среди физических, так и юридических лиц.

по сравнению с низким базовым показателем. Кроме того, государственные финансы улучшились в 2021 г., поскольку расходы сокращались быстрее, чем доходы. Обменный курс продолжал резко ухудшаться в 2021 г., сохраняя уровень инфляции трехзначным числом. По оценкам экспертов, к концу 2021 г. доля ливанского населения, находящегося за национальной чертой бедности, увеличилась на 9,1%. Наконец, в Ливане произошел резкий спад в сфере основных услуг, вызванный истощением резервов иностранной валюты¹¹.

Денежно-кредитные и финансовые потрясения продолжали вызывать кризисные явления в экономике страны. Наряду с этим такие факторы, как нестабильный обменный курс¹², небольшая денежная масса и большая инфляция, продолжали формировать нестабильную макроэкономическую динамику в стране.

Как было отмечено выше, в 2020 г. правительство объявило о страновом дефолте, предложив и утвердив при этом антикризисный план, подготовленный при содействии Американского инвестиционного банка “Lazard”, по выходу страны из сложившегося кризиса.

Согласно данным, приведенным в плане, убытки Ливана оценивались в 69 млрд долл. США (примерно 271 трлн ливанских фунтов), включая 44 млрд долл. США совокупных чистых убытков Банка Ливана и коммерческих банков. В концепции плана был предложен механизм защиты большинства депозитов, приоритет отдавался небольшим и средним счетам за счет крупных депозитов. То есть все депозиты суммой менее 500 000 долл. США можно было сохранить, что позволило многим ливанцам избежать худших последствий кризиса. Владельцам крупных вкладов должны были быть предложены различные варианты, в том числе конвертация части вкладов в капитал в банке. Считалось, что эти крупные вкладчики извлекали выгоду из «чрезмерного процентного дохода», который мог составлять 15–20%.

Это предложение, получившее название «план Лазарда», должно было стать основой для переговоров с МВФ о пакете финансовой помощи, но Ассоциация банков Ливана (Association of Banks in Lebanon (ABL)) призвала парламент отклонить этот план, обвинив правительство в предвзятом отношении к банкам. В качестве альтернативного варианта ассоциация представила свое предложение, согласно которому

¹¹ Lebanon's Economic Update - April 2022. APRIL 14, 2022. URL: <https://www.worldbank.org/en/country/lebanon/publication/economic-update-april-2022#:~:text=The%20exchange%20rate%20continued%20to,driven%20by%20depleting%20FX%20reserves.>

¹² В 1997 г. Банк Ливана и правительство страны привязали национальную валюту к долл. США по курсу 1507,5 ливанских фунтов за доллар, однако на валютных биржах в 2022 г. 1 долл. США торговался до 34 000 ливанских фунтов.

правительству следовало продать государственные активы на сумму 40 млрд долл. США¹³.

В тот момент политическая и финансовая элиты объединились в своей оппозиции правительственному плану финансового оздоровления, в июле 2020 г. МВФ приостанавливает переговоры с Ливаном относительно выделения финансовой поддержки, а после взрыва в порту Бейрута правительство Дибаба уходит в отставку. Его антикризисный план так и не был реализован. Только спустя 11 месяцев будет сформировано новое правительство.

Некоторые аналитики косвенно возлагают ответственность за взрыв в порту Бейрута, в результате которого погибло более двухсот человек, на членов правительства Дибаба. Последствия этой техногенной катастрофы, одной из причин которой оказалась халатность чиновников и их игнорирование предупреждений о неправильном хранении горючих химикатов, сказались на всех жителях страны. Порученное правительством расследование катастрофы сильно застопорилось из-за сопротивления со стороны членов «Хизбаллы», «Движения Амаль», однако население страны надеялось, что новое правительство будет продолжать расследовать этот инцидент¹⁴. Однако, по мнению некоторых специалистов, этот инцидент со взрывом благоприятно отразился на взаимоотношениях между арабскими странами и Израилем на фоне множества разговоров о замене Бейрута портом Хайфы и соединении Хайфы с железнодорожной линией коммерческого транспорта, перевозящей товары и людей через Западный берег реки Иордан и Иорданию через саудовские земли в Дубай.

Финансовый кризис вызвал кризис государственной власти. Чтобы хоть как-то стабилизировать ситуацию, правительство страны было вынуждено обращаться к руководителям ряда европейских стран и США, а также к международным организациям для оказания финансовой помощи. Однако суммы, предлагаемые партнерами, были очень малы по сравнению с теми, которые были необходимы для восстановления экономики, тем более на фоне сильно ослабевающей национальной валюты.

Переговоры с МВФ возобновились только в начале 2021 г. Фонд заявлял, что может поддержать страну на сумму, эквивалентную примерно 3 млрд долл. США, в течение четырех лет, но за это Ливан должен провести несколько сложных реформ, включающих в себя реструктуризацию

¹³ Lebanon's financial crisis explained: what happened and why is the country stuck? May 25, 2022. URL: <https://www.thenationalnews.com/mena/lebanon/2022/05/25/lebanons-financial-crisis-explained-what-happened-and-why-is-the-country-stuck/>.

¹⁴ URL: <https://www.cfr.org/in-brief/what-lebanons-election-results-mean-ending-its-crisis>.

финансового сектора, направленную на устранение крупных финансовых потерь и унификацию многочисленных обменных курсов страны.

В июне 2022 г. Президент Ливана Мишель Аун издал указ о назначении суннитского политика Наджиба Микати премьер-министром страны. Новое правительство утвердило новый план по финансовому оздоровлению страны, который предусматривал:

- проведение аудита 14 крупнейших банков Ливана. Жизнеспособные банки будут рекапитализированы за счет значительных финансовых инвестиций акционеров и крупных вкладчиков;
- отмену большей части обязательств центрального банка в иностранной валюте перед коммерческими банками;
- проведение комплексной проверки центрального банка страны и реформирование банковского сектора. По итогам реформирования все неликвидные, слабые банки должны уйти с рынка;
- депозиты менее 100 000 долл. США будут сохранены. Эта цифра в пять раз ниже той, которую предыдущее правительство указывало в своем антикризисном плане в 2020 г.

В апреле 2022 г. МВФ и правительство Ливана достигли предварительного соглашения о предоставлении кредита в размере 3 млрд долл. США, который зависел от определенных реформ со стороны правительства, прежде чем он мог быть одобрен. Реформы включали восстановление жизнеспособности банков, реформирование государственных предприятий и укрепление механизмов борьбы с коррупцией и отмыванием денег. Но в сентябре 2022 г. МВФ заявил, что реформы идут очень медленно, а Ливан все еще парализован из-за политических разногласий, что является препятствиями к выдаче траншей¹⁵.

Конечно, новый премьер-министр Наджиб Микати может столкнуться с трудностями при проведении реформ, запрошенных МВФ, в этой связи политические партии могут начать «закулисные» переговоры о назначении нового премьер-министра, что может занять длительное время из-за системы разделения власти в Ливане¹⁶.

Ливан страдает от последствий того, что Всемирный банк назвал «преднамеренной депрессией», которую организовали несколько элитных семей страны. Эти семьи пытаются удержать политическую власть и накопить финансовые ресурсы в своих руках.

Также нужно отметить, что, учитывая масштабы финансово-экономического кризиса Ливана, а также негативное влияние экономических

¹⁵ URL: <https://newsus.cgtn.com/news/2023-01-06/This-is-how-dire-Lebanon-s-economy-is-1gmvAHYFJny/index.html>.

¹⁶ Maha El Dahan. Lebanon's Mikati faces tricky path to safe economic ground. Updated September 14, 2021. URL: <https://news.yahoo.com/explainer-lebanons-mikati-faces-tricky-164454420.html>.

последствий конфликта на Украине и связанных с ним санкций в отношении России, Ливану придется быстро искать новые альтернативные маршруты для импорта пшеницы из России и Украины, чтобы гарантировать продовольственную безопасность. Кроме того, рост цен на энергоносители еще больше усугубит уже существующие кризисы, связанные с давлением на валютном рынке, высоким уровнем инфляции и, вероятно, приведет к дальнейшему сокращению ограниченного объема электроэнергии, поставляемой компанией Электричество Ливана (Electricity Of Lebanon)¹⁷.

Наряду с этим за последние два года резко повысился уровень безработицы – с 20% до 50–60%, также по причине больших миграционных потоков из страны и банкротств домохозяйств численность среднего класса в Ливане значительно снизилась. Население Ливана, составляющее 6,8 млн человек, включает в себя 1,5 млн сирийских беженцев, которых он принимал и принимает из-за войны в Сирии. В Ливане самое большое в мире количество беженцев на душу населения, и правительства в Европе, а также в других странах опасаются, что в случае дальнейшего ухудшения ситуации в Ливане может возникнуть миграционный кризис. Согласно отчету Information International, в 2019 г. почти 67 000 человек покинули страну, в 2020 г. страну покинули 17 700 ливанцев, а в 2021 г. это число выросло до 79 100 человек. Увеличивающийся поток населения из страны привел к обнищанию домохозяйств внутри нее. Их материальное поддержание было основано на переводах денежных средств физических лиц. В 2022 г. денежные переводы составили 17,2% ВВП.

Целесообразно отметить, что Ливан представляет *«интересный случай финансового и экономического кризиса»*. Несмотря на заявление бывшего президента Мишеля Ауна в 2020 г. о том, что страна уже находится «на пути в ад», в экономическом смысле она, видимо, еще не достигла дна. Возможно, кризис в Ливане пошел более медленным и нестандартным путем, и в этой связи сравнивать его в полной мере со стандартными экономическими кризисами немного нецелесообразно¹⁸.

Антикризисные меры правительства были стандартными: разработать и утвердить план, выйти на переговоры с МВФ с целью получения финансовой поддержки, однако практическая реализация этих программ и планов осуществлялась крайне медленно, со сменой пре-

¹⁷ URL: <https://www.worldbank.org/en/country/lebanon/publication/economic-update-april-2022> (дата обращения: 17.04.2023).

¹⁸ Относительно видов кризисов см. в том числе: А. Кондратьев. *Мировые экономические кризисы*. Изд-во «LAP Lambert Academic Publishing», 2012. ISBN: 9783848494293.

мьер-министров и реорганизацией правительств. Нужно отметить, что, например, меры, предпринятые МВФ, для любой другой страны сразу становились бы важной новостью, однако в Ливане, новости о взаимодействии с МВФ стали появляться только в апреле 2022 г., уже после достижения соглашения с ливанскими властями об экономических реформах.

Согласно отчету Всемирного банка по экономическому мониторингу Ливана (“World Bank Lebanon Economic Monitor (LEM)”) за осень 2021 г. «Великое отрицание», «преднамеренная депрессия в Ливане была организована элитой страны, которая долгое время правила Ливаном и жила за счет его экономической ренты»¹⁹. План послевоенного экономического развития, который включал в себя развитие страны за счет крупных притоков капитала и международной поддержки в обмен на обещания реформ, оказался не состоятельным. Кроме того, экономическая и финансовая нестабильность в Ливане продолжает поддерживаться заинтересованными лицами в условиях крайне сложной геополитической обстановки и, как следствие этого, происходит дальнейший рост экономического дисбаланса и ухудшение социально-экономических условий²⁰.

Сегодня в Ливане правящая элита, кажется, овладела «искусством выигрывать время» в своих интересах, откладывая проведение реформ на неопределенный срок, возможно, не понимая, что «завтра будет уже поздно что-либо сделать»²¹.

Действительно, медленные действия руководства страны в части проведения антикризисных мер подтолкнули международные финансовые институты к изменению традиционного сценария «жертва-злодей»²². Всемирный банк опубликовал отчет, в котором обвинил ливанские власти в организации финансовой «Схемы Понци», преднамеренном проведении фискальной политики, наносящей ущерб гражданам, с целью поддержания конфессиональной системы разделения власти в стране. Он сослался на «огромные убытки, понесенные вкладчиками после

¹⁹ URL: <https://www.worldbank.org/en/news/press-release/2022/01/24/lebanon-s-crisis-great-denial-in-the-deliberate-depression>.

²⁰ URL: <https://www.worldbank.org/en/news/press-release/2022/01/24/lebanon-s-crisis-great-denial-in-the-deliberate-depression>.

²¹ URL: <https://www.middleeasteye.net/opinion/lebanon-economic-crisis-why-not-collapsed>. (дата обращения: 17.04.2023).

²² Здесь имеется в виду, что при получении денежных средств от МВФ страна обязана провести значительные реформы, по прямому указанию (утвержденному плану) фонда. Эти реформы затрагивают важные политические и социально-экономические сферы деятельности государства и во многих случаях идут не на его развитие, исключая свою независимость в обмен на финансовые транши.

краха»²³. Это создает еще один парадокс, поскольку даже самые левые экономисты больше не могут обвинять МВФ или Всемирный банк в том, что они играют роль «злодея» в ливанском кризисе.

Правящая элита Ливана не препятствует грабежам банков гражданами страны, не проводит меры по упорядочиванию обменного курса и решению вопросов топливной безопасности страны. Как это возможно в стране, переживающей худший экономический кризис в своей истории, в результате которого около 80% населения оказались за чертой бедности? Согласно ООН, термин «устойчивость» определяется как «способность системы, сообщества или общества, подвергающихся опасностям, противостоять, поглощать и приспосабливаться, а затем восстанавливаться после последствий опасности своевременным и эффективным образом». Руководство страны использовало эту концепцию в отношении применения «тактики выживания», для поддержки жителей страны в трудные времена. Но совсем недавно эта концепция подверглась сомнению в ливанском сообществе, поскольку люди осознали, что, демонстрируя «стойкость» к вопиюще неприемлемым условиям, они могут поддерживать и стабилизировать плохое состояние управления. Этому тупиковому состоянию «негативной устойчивости» способствовали многие факторы. Например, зависимость экономики от денежных переводов, которые составляют более 1/3 ВВП страны (38%), немного поддерживая долларизированный товарный рынок. В целом руководство страны продолжает практиковать тактику проб и ошибок, отменяя решения и законы по мере роста общественного недовольства²⁴.

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что в краткосрочной перспективе Ливан, вероятно, ожидает еще один затяжной политический и экономический кризис. Страна будет условно разделена на правящие элиты, которые будут заниматься лишь своими проблемами и, как следствие, будут неспособны предложить лучшие условия жизни своим гражданам, и различные протестные движения среди населения, которые направляют негативные эмоции людей на правящий класс, но они не смогут предложить альтернативное правительство, на которое население могло бы делать ставку и которое точно вывело бы страну из кризиса.

²³ Более подробно см.: С. Ю. Бабенкова. Финансовая система Ливана: кризис ликвидности, протесты против истеблишмента, дефолт // Путеводитель предпринимателя. 2020. Т. 13. № 2 (ISSN2073–9885).

²⁴ Farah Chouair. How has Lebanon avoided total collapse? 12 January 2023. URL: <https://www.middleeasteye.net/opinion/lebanon-economic-crisis-why-not-collapsed>.
Nada Homsy. Over half of Lebanon's GDP comes from remittances, report says. Dec 06, 2022. URL: <https://www.thenationalnews.com/mena/lebanon/2022/12/06/over-half-of-lebanons-gdp-comes-from-remittances-report-says/>.

Литература / References

1. С. Ю. Бабенкова. Финансовая система Ливана: кризис ликвидности, протесты против истеблишмента, дефолт // Путеводитель предпринимателя. 2020. Т. 13. № 2 (ISSN2073–9885).
2. Edmund Blair. Explainer: Lebanon's financial crisis and how it happened – Reuters-January 23, 2022. URL: <https://www.reuters.com/markets/rates-bonds/lebanons-financial-crisis-how-it-happened-2022-01-23/>.
3. Lebanon's Crisis: Great Denial in the Deliberate Depression – The World Bank – January 25, 2022. URL: <https://www.worldbank.org/en/news/press-release/2022/01/24/lebanon-s-crisis-great-denial-in-the-deliberate-depression>.
4. Lebanon Economic Monitor, Fall 2022: Time for an Equitable Banking Resolution – World Bank – November 23, 2022. URL: <https://reliefweb.int/report/lebanon/lebanon-economic-monitor-fall-2022-time-equitable-banking-resolution-enar>.
5. World Bank. 2022. Lebanon Economic Monitor, Fall 2021; Liban Bulletin de Conjoncture, Automne 2021: The Great Denial; Le Grand Deni. © World Bank, Washington, DC. URL: <https://openknowledge.worldbank.org/entities/publication/4a48d3e4-4a27-52fb-a9db-2af230dd8120> License: CC BY3.0 IGO.
6. Randa Slim. Unprecedented Economic Crisis in Lebanon: Is There an Alternative. 04.02.2020. URL: <https://valdaiclub.com/a/highlights/unprecedented-economic-crisis-in-lebanon/>.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Бабенкова Светлана Юрьевна – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Институт востоковедения Российской академии наук, Москва, Россия

Babenkova Svetlana. Yu. – Cand. Sci. (Econ.), Senior scientific officer, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Science, Moscow, Russian Federation

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 26.07.2023.

Одобрена после рецензирования и принята к публикации: 16.08.2023.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Article info

Submitted: 26.07.2023.

Approved after peer reviewing and accepted for publication: 16.08.2023.

The author has read and approved the final manuscript.

Научная статья. Экономические науки
УДК 366.(6+7)
<https://doi.org/10.31696/2227-5568-2023-04-030-041>

ПАЛЕСТИНА: ФИНАНСОВАЯ АВТОНОМИЯ И (ИЛИ) ЗАВИСИМОСТЬ?

Светлана Юрьевна Бабенкова

Институт востоковедения РАН, Москва, Россия,
s.babenkova@ivran.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7369-2720>

Аннотация. Палестино-израильские отношения на протяжении всего времени были сложными. Палестинская экономика на протяжении долгого времени находилась в прямой зависимости от своего соседа, который постоянно ограничивал ее в финансовых вливаниях, торговле и в доступе к передовым технологиям. Несмотря на то, что правительство Палестины начало проводить фискальные реформы, страна переживает один из самых больших бюджетных кризисов в своей истории, характеризующийся дефицитом финансирования и резким сокращением иностранной помощи. Способность палестинского правительства эффективно реагировать на шок, вызванный пандемией, была ограничена систематическими барьерами, установленными со стороны Израиля, что по сути лишило правительство Палестины политических инструментов для проведения качественной антикризисной политики.

Объявленный в 2021 г. премьер-министром план экономического развития, основанный на выходе палестинской экономики из состава Израиля и обретении ей независимости от внешних источников дохода и увеличении международной помощи со стороны различных организаций, не может быть выполнен в полном объеме. Это было связано в том числе с уменьшением внешних финансовых вливаний в экономику страны (международных траншей, денежных переводов от работающих за пределами страны палестинцев), а также с необходимостью поддержания и укрепления экономической интеграции с Израилем, которая обеспечивает необходимый доход простым палестинцам в виде выплачиваемой заработной платы через палестинские банки, поддерживая тем самым и финансовую систему Палестины.

Ключевые слова: Палестина, Израиль, финансы, рынки, кризис, социально-экономическая ситуация

Для цитирования: Бабенкова С. Ю. Палестина: финансовая автономия и (или) зависимость? *Восточная аналитика*. 2023;14(4):30-41. <https://doi.org/10.31696/2227-5568-2023-04-030-041>

Original article. Economics studies

PALESTINE: FINANCIAL AUTONOMY AND/OR DEPENDENCE?

Svetlana Babenkova

Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia,
s.babenkova@ivran.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7369-2720>

Abstract. Palestinian-Israeli relations have been complicated throughout time. The Palestinian economy for a long time was in direct dependence on its neighbor who constantly limited it

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-ShareAlike 4.0 International (CC BY-SA 4.0).

in financial injections, trade and access to advanced technologies. Despite the fact that the Palestinian government has begun to implement fiscal reforms, the country is experiencing one of the biggest budgetary crises in its history characterized by a funding gap and a sharp reduction in foreign aid. The ability of the Palestinian government to respond effectively to the shock of the pandemic has been limited by the systemic barriers put in place by Israel effectively depriving the Palestinian government of the political tools to conduct a quality anti-crisis policy. The economic development plan announced in 2021 by the Prime Minister based on the withdrawal of the Palestinian economy from Israel and its independence from external sources of income and an increase in international assistance from various organizations cannot be fully implemented. This is due to, among other things, a decrease in external financial injections into the country's economy (international tranches, remittances from Palestinians working outside the country), and also due to the need to maintain and strengthen economic integration with Israel which provides the necessary income for ordinary Palestinians in the form of paid wages including through Palestinian banks thus supporting the financial system of Palestine.

Keywords: Palestine, Israel, finance, markets, crisis, socio-economic situation

For citation: Babenkova S. Yu. Palestine: Financial Autonomy and/or Dependence? *Eastern Analytics*. 2023;14(4):30-41. (In Russ.) <https://doi.org/10.31696/2227-5568-2023-04-030-041>

Палестинская экономика находилась в застое, а социально-экономическая ситуация была сложной еще до вспышки COVID-19. Это связано с вводимыми Израилем ограничениями в финансово-экономической сфере, повторяющимися боевыми действиями, сокращением притока помощи. Палестинская администрация (далее – ПА) была создана в 1994 г. как временный независимый орган управления Палестинскими территориями, однако до настоящего времени он так и не был заменен на постоянный. Несмотря на некоторые успехи в проведении руководством Палестины экономических реформ и реформ в области безопасности, а также несмотря на послабление в 2016 г. Израилем некоторых ограничений на передвижение палестинцев, его оккупационные действия продолжают подрывать производственный потенциал экономики Западного берега реки Иордан (далее – Западный берег). Проводимое Израилем расширение поселений, возведение временных и постоянных контрольно-пропускных пунктов, а также разделительной стены между странами по-прежнему ограничивают возможность создания Палестины в качестве реального и самостоятельного государства и серьезно ограничивают успех ее экономической политики. В докладе ООН (ЮНКАД) (UNCTAD) 2016 г. отмечается, что, в результате оккупации Палестинские территории теряют 3,4 млрд долл. США ВВП в год. Наряду с этим также отмечается, что палестинская экономика стала «захваченным рынком», оказавшимся в ловушке торговой зависимости от Израиля. 55% палестинской торговли приходится на Израиль, по сравнению с 3% израильской торговли с Палестиной. Непропорциональный

Контент доступен под лицензией Creative Commons «Attribution-ShareAlike» («Атрибуция-СохранениеУсловий») 4.0 Всемирная.

импорт израильских товаров, которые в значительной степени субсидируются и имеют более высокое качество, чем палестинские товары, наносит серьезный ущерб палестинской экономике¹.

Последний отчет ЮНКТАД² о помощи палестинскому народу показывает, что экономика оккупированной палестинской территории выросла на 7,1% в 2021 г. после сокращения на 11,3% в 2020 г. (последствия экономического падения, вызванного COVID-19). Но из-за значительного сокращения бюджетной поддержки со стороны международного сообщества финансовый кризис, с которым столкнулась ПА, усугубился, и экономике еще предстоит компенсировать огромные потери, которые она понесла с начала 2020 г.

Статистические данные показывают, что в течение 2017–2019 гг. годовой рост ВВП в среднем составлял 1,3%, что было ниже темпов роста населения и приводило к снижению доходов на душу населения и росту бедности.

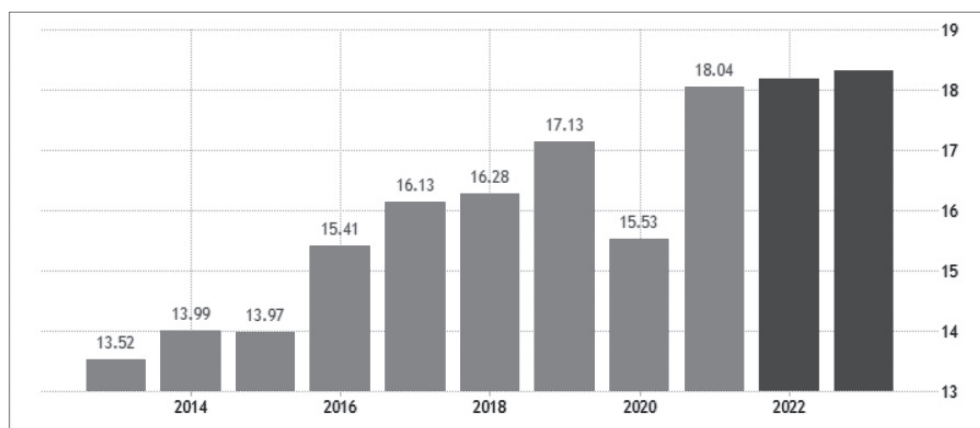

Рис. 1. ВВП Палестины 2014–2022 гг.

Источник: URL: <https://tradingeconomics.com/palestine/gdp>

ВВП Палестины в 2021 г. оставался на 5,1% ниже допандемийного уровня, и его медленное восстановление было неравномерно распределено. На Западном берегу темпы восстановления были более быстрыми, в то время как Газа отставала, и как следствие, экономическое расхождение между этими двумя палестинскими регионами увеличивалось.

Рассматривая экономические показатели Палестины можно отметить следующее. В последние годы валовые инвестиции в сред-

¹ URL: <https://gopalestine.org/palestine-economy/> (дата обращения 27.07.2023).

² URL: https://unctad.org/system/files/official-document/tdbex72d2_en.pdf (дата обращения: 17.04.2023).

нем составляли около 26% ВВП, но основная их часть была направлена на деятельность в неторгуемых секторах, а не в секторах, которые могли бы служить драйверами роста. Точно так же уровень прямых иностранных инвестиций, составляющих всего 1% ВВП, является очень низким. Оценки, основанные на росте ВВП на душу населения, показывают, что в 2020 г. уровень бедности резко вырос до 29,7%, что почти на 8% больше, чем в 2016 г. (последние доступные официальные данные). По мере ослабления воздействия пандемии уровень бедности снизился в 2021 г. до 27,3% и составил примерно 1,5 млн человек³.

Дальнейшее экономическое положение страны нельзя однозначно спрогнозировать, однако при условии дальнейшего использования Израилем ограничений (социально-экономических, финансовых и так далее), которые по нашему мнению, будут продолжаться, а также при сохранении экономического разрыва между Западным берегом и сектором Газа и стагнации объемов внешней помощи, можно предположить, что рост ВВП в течение периода 2022–2024 гг. будет колебаться в пределах 3,1–3,7%, а уровень бедности может достигнуть отметок 26,1–26,7%.

В 2021 г. на палестинской территории безработица оставалась на уровне 26%. В секторе Газа более половины трудоспособного населения оставались без работы, а 83% рабочих получали меньше минимальной заработной платы. В результате этого усугубилась бедность: последние данные показывают, что 36% населения Палестины живет за чертой бедности. Между тем, согласно опросу, проведенному Всемирной продовольственной программой (World Food Program) в марте 2022 г., 1,8 млн человек в Палестине страдают от отсутствия продовольственной безопасности, причем 50% не имеют доступа к необходимым для жизни витаминам и минералам⁴.

В 2022 г. в Палестине был зафиксирован профицит государственного бюджета, равный 3,60% от ВВП страны⁵. Профицит был обусловлен повышением налоговых ставок на сладкие напитки и одноразовый пластик, а также повышением табачных акцизов и более высокими поступлениями от НДС⁶.

Как было отмечено выше, Израиль проводит политику, которая препятствует развитию палестинской экономики, но он также является основным источником средств к существованию палестинцев.

³ Население страны в 2021 г. составляло 4,9 млн человек.

⁴ URL: <https://arabcenterdc.org/resource/food-insecurity-in-palestine-and-the-russia-ukraine-war-the-worst-is-yet-to-come/> (дата обращения: 29.07.2023).

⁵ Более точные данные будут известны в конце 2023 г. при опубликовании официальных страновых отчетов.

⁶ Благодаря внедрению системы электронного НДС в Израиле.

Согласно документу «Экономические и социальные последствия израильской оккупации для условий жизни палестинских жителей на оккупированной палестинской территории, включая Восточный Иерусалим, и арабское население на оккупированных Голанских высотах» (документ А/77/90–Е/2022/66), в течение периода с 1 апреля 2021 г. по 31 марта 2022 г. Израиль усилил необоснованное применение силы против палестинцев. Наряду с этим Израиль отказал палестинцам в доступе к их природным ресурсам, в том числе к общим водным ресурсам и примерно к 1,5 млрд баррелей нефти на Западном берегу, а также к природному газу на сумму более 2,5 млрд долл. США у побережья Газы. Израильская политика в отношении Палестины систематически лишала палестинскую экономику жизненно важных элементов для ее здорового функционирования. Ее производственная база продолжает сокращаться, тем самым усугубляя ужасные условия жизни. Голанские высоты (сирийские Голаны) также столкнулись с дискриминационной политикой Израиля в отношении земли, воды и зонирования. Более 2 млн палестинцев, проживающих в Газе, продолжают испытывать на себе последствия незаконной блокады, усугубляющейся нищеты и безработицы⁷.

Способность палестинского правительства эффективно реагировать на шок, вызванный COVID-19, была ограничена систематическими барьерами, установленными оккупацией со стороны Израиля, что лишало правительство Палестины политических инструментов, а также фискального и денежного пространства, которые доступны правительствам независимых стран. Если бы статус-кво сохранился, то с наличием долгосрочной оккупации и сокращением донорской помощи в краткосрочной и среднесрочной перспективе рост ВВП не успевал бы за ростом населения, что в лучшем случае означало бы стагнацию ВВП на душу населения и сохраняющийся высокий уровень безработицы и бедности.

Оккупация Израиля вносит раздробленность в палестинскую экономику, лишая ее производителей доступа к региональным и глобальным рынкам, что необходимо для небольшой экономики со слабой внутренней покупательной способностью. Увеличивая транспортные и производственные издержки, израильские действия в отношении Палестины снижают конкурентоспособность палестинских производителей и препятствуют реализации преимуществ международной торговли, эффекта масштаба и интеграции в региональные и глобальные производственно-

⁷ URL: <https://reliefweb.int/report/occupied-palestinian-territory/israels-practices-against-palestinian-economy-exacerbating-dire-living-conditions-occupied-territory-syrian-golan-senior-official-tells-second-committee>. (дата обращения: 17.04.2023).

сбытовые цепочки. Это приводит к зависимости от импорта и слабому, недиверсифицированному экспортному сектору, где на трудоемкие товары приходится две трети всего экспорта.

Правительство Палестины проводит далеко идущие фискальные реформы, сократив текущий бюджетный дефицит с 23,9% ВВП в 2007 г. до 5,6% в 2021 г., а также уменьшив отношение общих государственных расходов к ВВП более чем на 20% – с 50,5% в 2007 г. до 30,4% в 2021 г.

Несмотря на проведенные реформы, с 2020 г. правительство переживает один из самых глубоких бюджетных кризисов в своей истории, характеризующийся большим дефицитом финансирования и резким сокращением иностранной помощи. Кроме того, Израиль контролирует более двух третей палестинских налоговых поступлений, перевод которых он может приостанавливать и/или в отношении которых он производит односторонние вычеты перед переводом остальной части.

Наряду с вышесказанным, Палестина также терпит убытки от финансового кризиса, вызванного украинским конфликтом, который ставит под угрозу способность правительства поставлять товары первой необходимости и оказывать помощь беднейшим и наиболее уязвимым слоям палестинского общества. Из-за кризиса средства, предоставленные властям или другим международным организациям, могут в конечном итоге быть перераспределены на Украину, что еще больше усугубит положение палестинцев⁸.

В 2021 г. общий объем донорской помощи сократился до 317 млн долл. США, или 1,8% ВВП, что представляет собой резкое снижение по сравнению с 2 млрд долл. США, или 27% ВВП, в 2008 г. При этом бюджетная поддержка сократилась вдвое по сравнению с 2020 г. и составила 186 млн долл. США, или всего 1% от ВВП, по сравнению с 24% в 2008 г. Нехватка финансовых ресурсов подрывает способность палестинского правительства выполнять основные государственные функции и различные обязательства. Начиная с ноября 2021 г. оно выплачивает работникам государственного сектора частичную заработную плату. Воздействие финансового кризиса усугубляется тем фактом, что палестинское правительство не имеет надлежащего полноценного Центрального банка, не выпускает национальную валюту, имеет ограниченный доступ к международным финансовым рынкам и исчерпало безопасные лимиты и источники внутренних заимствований. Кризис можно преодолеть, отменив введенные политикой Израиля ограничения, которые способствуют утечке палестинских финансовых ресурсов в казну окку-

⁸ URL: <https://arabcenterdc.org/resource/food-insecurity-in-palestine-and-the-russia-ukraine-war-the-worst-is-yet-to-come/> (дата обращения: 27.07.2023).

пирующей державы и сокращают налоговую базу, подавляя экономическую деятельность⁹.

Однако кризисные ситуации заставляют правительство Палестины идти на проектирование общей экономической модели с Израилем. Официальные лица Палестинской администрации неоднократно отрицали свою соглашательскую позицию с моделью экономического мира с Израилем, но такая риторика не отражается на их действиях. В последние годы интеграция между палестинской и израильской экономикой немного расширилась.

Для Палестины экономическая интеграция с Израилем посредством реализации «рамков Осло» обеспечивает столь необходимый доход для ее казны и поддерживает развитие экономики. Страна осуществляет свою экономическую деятельность в рамках изначально искаженной экономической структуры. Полноценная зависимость палестинской экономики от более конкурентоспособной и технологически превосходящей израильской экономики глубоко укоренилась в израильской колониальной системе экономического контроля, которая черпает свою силу из нескольких форм рыночной зависимости, а также из полного надзора над экономическими и фискальными доходами. Экономические соглашения, заключенные с созданием Палестинской администрации, только институционализировали эти колониальные экономические системы.

В течение короткого периода были надежды, что Палестина изменит курс и пойдет по независимому экономическому пути. В ответ на так называемую «делку века» Дональда Трампа власти Палестины усилили риторику, призывающую к экономическому размежеванию с Израилем. К 2019 г. стало очевидно, что для решения нарастающих финансовых проблем стране необходим новый премьер-министр с более сильными экономическими полномочиями и более высоким авторитетом среди международных доноров. В марте 2019 г. экономист Мухаммад Штайе стал премьер-министром, главной задачей которого было исправить плачевное экономическое и финансовое положение палестинской экономики.

Штайе быстро объявил план экономического развития, основанный на уходе экономики Палестины от израильской зависимости. В Национальном плане развития Палестинской автономии на 2021–2023 гг. (“The PA’s National Development Plan for 2021–2023”) подчеркивается, что механизмы экономического размежевания необходимы как средство установления независимости на местах. Стратегия Штайе основывалась на следующих трех моментах:

⁹ URL: <https://unctad.org/news/palestinian-economy-reels-under-covid-19-impact-enduring-poverty-and-unemployment> (дата обращения: 17.04.2023).

- поощрение отраслевых программ развития, таких как сельское хозяйство и туризм, с целью использования конкурентных преимуществ каждого региона на Западном берегу;
- поиск альтернативных деловых партнеров для замены торговли с Израилем;
- создание новой платформы палестинской экономики, основанной на знаниях, человеческом капитале, инновационных технологиях.

Однако несмотря на то, что Штайе объявил о прогрессе по вышеуказанным направлениям своей программы и, возможно, его программа была неплохо продумана и проанализирована, фактическое снижение экономической и финансовой зависимости от Израиля по-прежнему зависит от политической ситуации и, следовательно, от сотрудничества Израиля.

В основе неспособности Палестинской автономии экономически отделиться от Израиля лежит почти полная зависимость палестинской экономики от внешних источников дохода. Экономическая зависимость от Израиля строится на троице внешних потоков доходов, а именно:

- выплатах международной помощи;
- потоках денежных переводов от палестинских рабочих в Израиле и поселениях;
- переводах доходов от таможенных операций, налогов, взимаемых Израилем, которые переводятся в Палестину на ежемесячной основе.

Уменьшение объемов финансовой помощи Палестине, а также ожидаемые изменения уровня получаемой палестинскими рабочими в Израиле заработной платы, вероятно, в ближайшие годы, окажут большое негативное влияние на палестинскую экономику и еще больше помешают планам руководства страны по ее размежеванию.

План Штайе содержит призывы к восстановлению международной помощи на прежнем уровне в качестве необходимого условия для реализации стратегии размежевания страны. Несмотря на все эти призывы, Палестине не удалось убедить международных доноров направить финансирование напрямую в бюджет. С 1993 г. на Западный берег и в Газу поступило более 41 млрд долл. США международной помощи. В течение многих лет внешняя помощь составляла основу экономической деятельности страны и обеспечивала государственный доход при отсутствии других вариантов финансирования. До недавнего времени в структуре бюджета Палестины дотации составляли 40%. Однако в последние годы наблюдается резкое падение готовности инвесторов напрямую финансировать Палестину несмотря на то, что уровень дотаций в палестинскую экономику в целом стабилизировался, достигнув уровня 2 млрд долл. США.

Помощь, которая выделяется из бюджета страны на поддержание относительной стабильности, сократилась до 318 млн долл. США в 2021 г., что на 77% меньше, чем в 2013 г. Сокращающаяся помощь вынуждает власти страны искать другие источники доходов для поддержания своих расходов, которые увеличиваются на 7% в год. Дефицит бюджета Палестины также растет из-за резкого увеличения фонда заработной платы, на долю которого приходится 44% общих расходов страны. В 2021 г. расходы достигли 5,4 млрд долл. США, что значительно превышает доходы в 3,7 млрд долл. США. Чтобы преодолеть этот дефицит в размере 1,7 млрд долл. США, власти страны получили от правительства Израиля аванс в размере около 153 млн долл. США в дополнение к прогнозируемым 318 млн долл. США помощи, в результате чего Палестина осталась с дефицитом в 1,23 млн долл. США.

Поиск доходов заставляет руководство страны расширять экономический контроль над различными сегментами палестинской экономики. В качестве одного из шагов, который, возможно, еще больше укрепит экономическую зависимость Палестины от Израиля, станет объявленное соглашение с Израилем о переводе заработной платы палестинских рабочих в Израиле в палестинские банки¹⁰. В отличие от договоренностей, согласно которым заработная плата выплачивалась наличными или переводилась через израильские банки, в 2022 г. заработная плата рабочих депонируется в палестинских банках после вычета Израилем подоходного налога и взносов на социальное обеспечение¹¹.

Ожидаемые трансферты имеют большое значение для небольшой палестинской экономики. По оценкам Палестинского валютного управления, рабочие в Израиле ежегодно вкладывают в палестинскую экономику около 5,5 млрд долл. США, что эквивалентно примерно 35% ВВП. Восстановление экономики Израиля после COVID-19 привело к значительному увеличению числа палестинцев, работающих в Израиле и в поселениях – со 125 тыс. в 2020 г. до 146 тыс. в 2021 г. Средняя дневная заработная плата в Израиле вдвое выше, чем на Западном берегу.

Учитывая финансовый кризис, с которым столкнулась Палестина, перевод этих средств в палестинские банки – это договоренность, требующая тесного сотрудничества между двумя странами. Возможно, это и будет решением некоторых финансовых проблем в краткосрочной

¹⁰ Банки Палестины также находятся под контролем Израиля. Более подробно см.: Марьясис Д. А., Бабенкова С. Ю. Палестина и Израиль: цифровая экономика как платформа для будущего эффективного взаимодействия. М.: ИВ РАН, 2021. (ISBN 978-5-907384-73-6).

¹¹ Anas Iqtait. The Palestinian Authority's economic "disengagement" looks a lot like the status quo. May 24, 2022. URL: <https://www.mei.edu/publications/palestinian-authoritys-economic-disengagement-looks-lot-status-quo>.

перспективе. Наряду с этим, данные переводы могут оказаться благом для Палестины и палестинских банков по трем причинам:

1. Эти переводы предназначены для преодоления еще одного финансового кризиса, затронувшего палестинскую экономику. Профицит израильских шекелей в палестинской экономике достиг беспрецедентного уровня. Новый израильский шекель был установлен в качестве официальной валюты Западного берега и сектора Газа в рамках экономических соглашений, заключенных с созданием Палестинской администрации.
2. Перевод заработной платы работников мог бы на один шаг приблизить Палестину к сбору налогов с большого потока доходов.
3. Для палестинских банков перевод заработной платы рабочих (зарплатные проекты) представляет собой хорошую возможность привлечь новых клиентов среди той части населения, которая традиционно не пользуется услугами банков. К концу 2017 г. только 25% взрослого населения на Западном берегу и в секторе Газа имели базовый банковский счет. В соответствии с новым соглашением палестинские банки получают автоматическое расширение клиентской базы и общего объема депозитов.

Увеличение депозитов палестинских банков также пойдет на пользу стране, поскольку позволит увеличить лимиты заимствований у местных банков. По состоянию на август 2021 г. заимствования властей страны у отечественных банков составили 2,5 млрд долл. США, что составляет 23% от общего объема кредитов банковского сектора.

Однако перевод зарплат в палестинские банки может создать еще один барьер между работниками и заработанными ими денежными средствами. В ходе своей деятельности палестинские рабочие сталкиваются с ограничительной и сложной сетью нормативных, защитных и бюрократических шагов для работы на израильских рынках. Легальная работа на израильских рынках, от подачи заявки на допуск к специальным разрешениям на работу и оплаты второстепенным израильским и палестинским агентам по разрешениям, является очень дорогим и сложным предприятием.

Как было отмечено выше, происходящие экономические события¹² продолжают тенденцию поиска новых источников финансирования или контроля над дополнительными доходами, в том числе посредством сотрудничества с Израилем или получения доходов, которые исторически собирались и обрабатывались Израилем независимо от Палестины. Таким образом, несмотря на краткосрочную финансовую

¹² До событий 7 октября 2023 г.

выгоду и вопреки риторике размежевания, новое соглашение о заработной плате лишь закрепляет неспособность страны мобилизовать потоки внутренних доходов и подчеркивает ее неспособность убедить самих палестинцев финансировать ее бюджет и операции.

Поддержание и укрепление экономической интеграции с Израилем обеспечивает столь необходимый доход. Но неспособность обеспечить альтернативную экономическую и финансовую структуру будет продолжать укреплять зависимость Палестины от Израиля и еще больше ослаблять национальную базу палестинской экономики.

В заключение целесообразно отметить следующее.

Согласно отчету Всемирного банка от 10.05.2022 «Доклад об экономическом мониторинге для Специального комитета по связям» («Economic Monitoring Report to the Ad Hoc Liaison Committee») ¹³ нынешний конфликт между Россией и Украиной может оказать положительное влияние на палестинский ИТ-сектор, поскольку Израиль может обратиться к палестинской рабочей силе, чтобы заменить ИТ-рабочие места, которые он обычно отдает на аутсорсинг на Украину, но в настоящее время это принцип был нарушен СВО ¹⁴. Палестинские ученые сегодня также обсуждают альтернативные подходы к экономическим отношениям с Израилем, в том числе формирование экономики сопротивления и поиск других способов «локализации» экономической деятельности в качестве краткосрочного средства устойчивости.

При этом, говоря о финансовой помощи Палестине, которая дает надежду на некоторую экономическую независимость от Израиля, в настоящее время международные организации также испытывают проблемы от финансового кризиса. Особенно это касается Агентства ООН по оказанию помощи и организации работ (the United Nations Relief and Works Agency), от продовольственной помощи которого зависит треть всех жителей Газы. До сих пор агентству удавалось поддерживать поток помощи стране, но сейчас оно запрашивает дополнительные средства у стран-доноров, чтобы покрыть растущие цены на продовольствие.

Конечно, нельзя говорить о полной или хотя бы частичной экономической независимости Палестины не только от Израиля, но и от своих финансовых доноров. Однако проекты выхода из состояний полного финансового подчинения и «подконтрольной и подотчетной единицы» имеют место быть как среди научных кругов страны, так и среди биз-

¹³ URL: <https://documents1.worldbank.org/curated/en/099407305062233565/pdf/IDU091fed1da019eb042d6090100a9320aa572de.pdf> (дата обращения: 17.04.2023).

¹⁴ Более подробно относительно вопросов взаимодействия двух стран в области инновационных технологий см.: Марьясис Д. А., Бабенкова С. Ю. Палестина и Израиль: цифровая экономика как платформа для будущего эффективного взаимодействия. М.: ИВ РАН, 2021. (ISBN 978-5-907384-73-6).

нес-сообщества. Возможно, происходящие сейчас мировые процессы в части ухода от однополярного мира и гегемонии США дадут практическую реализацию этим проектам, но точно не в краткосрочной перспективе.

Литература / References

1. Марьясис Д. А., Бабенкова С. Ю. Палестина и Израиль: цифровая экономика как платформа для будущего эффективного взаимодействия. М.: ИВ РАН, 2021. (ISBN 978-5-907384-73-6).
2. Economic Monitoring Report to the Ad Hoc Liaison Committee – September 2022. URL: <https://documents.worldbank.org/en/publication/documents-reports/documentdetail/099346409152238344/idu0d06191180b10b040a709bde04af014ab10fd>.
3. Palestinian economy reels under COVID-19 impact, enduring poverty and unemployment – UNCTAD – 14 September 2022. URL: <https://unctad.org/news/palestinian-economy-reels-under-covid-19-impact-enduring-poverty-and-unemployment>.
4. Report on UNCTAD assistance to the Palestinian people: Developments in the economy of the Occupied Palestinian Territory- United Nations Conference on Trade and Development – 8 August 2022. URL: https://unctad.org/system/files/official-document/tdbex72d2_en.pdf.
5. The World Bank in West Bank and Gaza. URL: <https://www.worldbank.org/en/country/westbankandgaza/overview#2>.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Бабенкова Светлана Юрьевна – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Институт востоковедения Российской академии наук, Москва, Россия

Babenkova Svetlana. Yu. – Cand. Sci. (Econ.), Senior scientific officer, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Science, Moscow, Russian Federation

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 31.07.2023.

Одобрена после рецензирования и принята к публикации: 16.08.2023.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Article info

Submitted: 31.07.2023.

Approved after peer reviewing and accepted for publication: 16.08.2023.

The author has read and approved the final manuscript.

Научная статья. Экономические науки
УДК 330.34
<https://doi.org/10.31696/2227-5568-2023-04-042-065>

ЗАПАДНАЯ САХАРА: ПОЛИТЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ КОНФЛИКТА

Анастасия Игоревна Василенко

Институт востоковедения РАН, Москва, Россия,
avasilenkan@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-1027-6137>

Аннотация. Статья посвящена анализу западносахарского конфликта с точки зрения политэкономии. Несмотря на то, что этот конфликт уже становился предметом анализа ряда исследователей (Н. В. Сухов, А. Бухарс, С. Каратини, Я. Зубир, Дж. Мунди и др.), экономическая его составляющая редко оказывалась в фокусе внимания. Отчасти проблема состоит в дефиците источников, позволяющих описать экономическую ситуацию в различных регионах Западной Сахары. При подготовке статьи использовались такие источники как документы ООН, доклады международных организаций, марокканская статистика, материалы полевых исследований. В первой части статьи предлагается краткий исторический обзор западносахарской проблемы. Показывается, как в 1975–1991 гг. сформировались две независимые друг от друга в политическом и три в экономическом отношении территории: одна, контролируемая Марокко, и две, контролируемые САДР: «Свободная Зона» и лагеря беженцев сахрави в провинции Тиндуф (Алжир). Здесь же показывается роль политэкономических факторов в развитии конфликта в период его острой фазы, определяются ключевые интересы вовлеченных сторон. Во второй части статьи рассматриваются экономические системы трех упомянутых территорий. При рассмотрении ситуации на оккупированных Марокко территориях выявляется роль конфликта в их экономической интеграции в систему Алаутского королевства. При анализе ситуации в Свободной зоне, контролируемой САДР, обращается внимание на глубокую экономическую связь этой территории с экономическими системами Мавритании и Алжира, дается характеристика социально-экономической инфраструктуры. Обращаясь к положению в лагерях беженцев, автор фокусируется на роли руководства САДР как ключевого редистрибутора международной помощи. В выводах к статье автор показывает, что динамика экономического развития трех территорий в каждом из случаев снижает заинтересованность акторов в урегулировании конфликта.

Ключевые слова: Западная Сахара, Марокко, Фронт ПОЛИСАРИО, Свободная зона, лагеря беженцев сахрави, политэкономия конфликта

Для цитирования: Василенко А. И. Западная Сахара: политэкономические аспекты конфликта. *Восточная аналитика*. 2023;14(4):42-65. <https://doi.org/10.31696/2227-5568-2023-04-042-065>

Original article. Economics studies

WESTERN SAHARA: POLITICAL ECONOMY ASPECTS OF THE CONFLICT

Anastasia Vasilenko

Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia,
avasilenkan@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-1027-6137>

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-ShareAlike 4.0 International (CC BY-SA 4.0).

Abstract. The article is devoted to the analysis of the Western Sahara conflict from the point of view of political economy. Despite the fact that this conflict has already become the subject of analysis by a number of researchers (N. V. Sukhov, A. Boukhars, S. Caratini, Y. Zubir, J. Mundy, and others), its economic component has rarely been in the focus of attention. Part of the problem is the lack of sources and statistics to describe the economic situation in the various regions of Western Sahara. In preparing the article, such sources as: UN documents, reports of international organizations, Moroccan statistics, field research materials were used. The first part of the article offers a brief historical overview of the Western Sahara problem. It is shown how in 1975–1991 two politically and three economically independent territories were formed: one controlled by Morocco and two controlled by the SADR: “Free Zone” and the Sahrawi refugee camps in the province of Tindouf (Algeria). It also shows the role of political and economic factors in the development of the conflict during its acute phase, identifies the key interests of the involved parties. In the second part of the article, the economic systems of the three mentioned territories are considered. When considering the situation in the territories occupied by Morocco, the role of the conflict in their economic integration into the system of the Alaouite kingdom is revealed. When analyzing the situation in the SADR-controlled Free Zone, attention is drawn to the deep economic connection of this territory with the economic systems of Mauritania and Algeria, and a description of the socio-economic infrastructure is given. Turning to the situation in the refugee camps, the author focuses on the role of the SADR leadership as a key redistributor of international aid. In the conclusions to the article, the author shows that the dynamics of the economic development of the three territories in each case reduces the interest of actors in resolving the conflict.

Keywords: Western Sahara, Morocco, Polisario Front, Free Zone, Sahrawi refugee camps, political economy of the conflict

For citation: Vasilenko A. I. Western Sahara: Political Economy Aspects of the Conflict. *Eastern Analytics*. 2023;14(4):42-65. (In Russ.) <https://doi.org/10.31696/2227-5568-2023-04-042-065>

Западносахарский конфликт, возникший в результате деколонизации Африки, по сей день остается неразрешенным. Как и все подобные конфликты, он имеет сложную структуру и может рассматриваться с разных точек зрения.

Так, один из наиболее существенных его аспектов связан с проблемой идентичности народа *сахрави* – коренного населения Западной Сахары (ЗС). Если с точки зрения сторонников независимости речь здесь идет о праве народа сахрави на самоопределение, то в представлении марокканской стороны понятие «сахрави» описывает не народность, но просто группу проживающих в Сахаре племен, на которые это право не распространяется¹.

Кроме того, есть у конфликта и правовой аспект, связанный с разным пониманием концепции суверенитета в различных правовых

¹ Western Sahara: The Cost of the Conflict. Crisis Group Middle East/North Africa Report N°65. 11 June 2007. P. 1. URL: <https://www.crisisgroup.org/middle-east-north-africa/north-africa/western-sahara/western-sahara-cost-conflict> (accessed: 03.05.2023).

традициях. С точки зрения Рабата, ключевым аргументом в пользу марокканского суверенитета над Западной Сахарой является присяга (*бай'а*), некогда данная проживающими на этой территории племенами марокканским правителям [Saddiki 2017, p. 114]. В то же время ООН, Алжир и Фронт ПОЛИСАРИО не признают правомочность этого аргумента, акцентируя внимание на необходимости проведения референдума о самоопределении в рамках процесса деколонизации [*Западная Сахара...* 2007, с. 12].

Существует и международно-политический аспект, связанный с влиянием на конфликт алжиро-марокканских отношений. Так, все продвижения в его урегулировании были возможны лишь тогда, когда в алжиро-марокканских отношениях наступала разрядка (как это было в конце 1980-х – начале 1990-х гг., что выразилось в создании Союза арабского Магриба [De Larramendi 2019, p. 3] и заключении соглашения о прекращении огня между Марокко и Фронтом ПОЛИСАРИО [*Западная Сахара...* 2007, с. 11]). Напротив, эскалация происходила в периоды обострения алжиро-марокканских отношений (в 2020 г. это привело к разрыву дипломатических отношений между Алжиром и Марокко и возобновлению боевых действий в Западной Сахаре).

Среди всего этого многообразия прочтений одним из наиболее существенных является политэкономическое, предполагающее фокусировку на экономических причинах противостояния, с одной стороны, и возведении конфликта на экономику вовлеченных в него сторон, с другой. В рамках этой статьи мы рассмотрим именно его. Предложив краткий исторический обзор, мы затем перейдем к анализу экономических систем трех территорий, сформировавшихся в ходе конфликта.

История конфликта: основные этапы

Истоки Западносахарского конфликта относятся к колониальной эпохе. В результате раздела Африки территория Западной Сахары стала частью Испанской колониальной империи. Это было закреплено на Берлинской конференции 1884–1885 гг., разграничившей сферы влияния в Африке. Сопротивление со стороны местных жителей – в основном, кочевых племен, хотя и начавших переход к седентаризации в колониальный период [Sidi Hamudi 2018, pp. 27–28] – затрудняло управление этой территорией, и окончательная демаркация границ стала возможной лишь в начале XX в. после заключения ряда испано-французских договоров². Испанская Сахара была создана на территориях Рио-де-Оро и Сегиет-эль-Хамра в 1924 г. После Второй мировой войны Испания

² Treaty Between France and Spain Regarding Morocco. *The American Journal of International Law*. 1913. Vol. 7. No. 2. Pp. 81–99. URL: www.jstor.org/stable/2212275. (accessed: 06.04.2020).

решила реорганизовать управление своими владениями в Западной Африке для подавления роста марокканского национализма. Таким образом в 1947 г. была создана Испанская Западная Африка (África Occidental Española), включавшая в себя анклав Ифни, наряду с колониями Рио-де-Оро и Сегиет-эль-Хамра, а также сектор Тарфайя (он же Мыс Хуби – Cabo Juby), бывший частью испанского протектората (см. рис. 1).

Рис. 1. Карта Испанской Сахары, 1912 г.

Источник: Protectorat marocain. Wikimedia.

URL: <https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Marrocoprotectorate.png> (accessed: 08.05.2020)

После обретения независимости Марокко заявило о своих претензиях на территории Испанской Сахары и в 1957 г. начало боевые действия, известные как Война Ифни. В феврале 1958 г. испанской армии при поддержке Франции удалось разгромить Марокканскую освободительную армию³ в Западной Сахаре. Боевые действия завершились подписанием испано-марокканского соглашения в Ангра-де-Синтра в апреле 1958 г. Согласно ему Марокко получило сектор Тарфайя, а Испания сохранила контроль над Рио-де-Оро и Сегиет-эль-Хамра, превратив их в заморские провинции.

В 1966 г. Испания признала возможность применения к этой территории принципа самоопределения [*Западная Сахара...* 2007, с. 9], однако никаких действий за этим не последовало. Они стали возможны лишь

³ Это вооруженные отряды, борющиеся за независимость Марокко, затем были направлены на территории Мавритании и испанских колоний. После Войны Ифни вошли в состав регулярной марокканской армии.

несколько лет спустя, когда на фоне угрозы внутренней нестабильности (связанной с ухудшением здоровья Ф. Франко), Испания согласилась деколонизировать эти территории.

К этому времени в процесс деколонизации западной Сахары оказались втянуты, помимо Марокко, также недавно обретшие независимость Мавритания (1960 г.) и Алжир (1962 г.), отношения которого с западным соседом уже в 1963 г. оказались омрачены Войной в песках [Torres-García 2013]. Каждая из сторон преследовала свои интересы: Марокко настаивало на присоединении к нему этих территорий, Мавритания претендовала лишь на их южную часть, а Алжир, не выдвигая территориальных требований, выступал за проведение референдума о самоопределении «братского народа *сахрави*». За активным политическим интересом скрывались, помимо прочего, и интересы экономические, поскольку в прибрежных территориях Западной Сахары было открыто большое месторождение фосфоритов (Бу-Краа, в 1963 г.) и месторождения железных руд, титана и ванадия [Али Салем 2010, с. 48]. В дальнейшем к этому перечню добавились и рыбные ресурсы (оцениваемые возможности улова составляют в год более 10 т на километр), и углеводороды (по данным Геологической Службы США 14 млн баррелей нефти и 2 млрд 150 млн куб. м газа) [*Западная Сахара...* 2007, с. 6].

В октябре 1974 г. Марокко и Мавритания смогли прийти к договоренности разделить западносахарские территории после того, как их покинет Испания. В 1975 г. благодаря усилиям этих двух стран Генеральная Ассамблея ООН направила запрос в Международный Суд в Гааге, с целью определения доколониальной принадлежности территории Западной Сахары [*Новейшая история арабских стран...* 1990, с. 413].

Однако в Консультативном заключении Международного Суда от 16 октября 1975 г. не были установлены «какие-либо отношения территориального суверенитета между территорией Западной Сахары и Королевством Марокко или Мавританским образованием» несмотря на признание «существования в период испанской колонизации правовых отношений лояльности между султаном Марокко и некоторыми из племен, проживавшими на территории Западной Сахары, а также некоторых прав на землю, которые представляли собой правовые отношения между Мавританским образованием и территорией Западной Сахары»⁴.

⁴ Западная Сахара. Консультативное заключение от 16 октября 1975 года. Краткое изложение решений, консультативных заключений и постановлений Международного суда (1948–1991). Нью-Йорк: ООН, 1993. С. 125–128. URL: https://legal.un.org/icjsummaries/documents/russian/st_leg_serf1.pdf (accessed: 06.05.2020).

«Таким образом, – говорилось далее, – Суд не установил наличия правовых отношений такого характера, которые могли бы сказаться на выполнении резолюции 1514 (XV) Генеральной Ассамблеи⁵ в том, что касается деколонизации Западной Сахары и, в частности, на реализации принципа самоопределения путем свободного и подлинного волеизъявления народов Территории».

Марокко считало наличие «правовых отношений лояльности» между султаном и племенами достаточным, чтобы установить свой суверенитет. В результате 6 ноября 1975 г. 350 000 марокканских мужчин и женщин были мобилизованы для безоружного движения в направлении Сахары, получившего название «Зеленый марш» [Harsi, 2014, p. 3].

Испания, не желая развязывать вооруженный конфликт, инициировала переговоры по западносахарскому вопросу с представителями Марокко и Мавритании. В результате было достигнуто Мадридское соглашение 14 ноября 1975 г.,⁶ согласно которому управление Западной Сахарой должно было осуществляться временной администрацией, в которой помимо Испании будут участвовать Марокко, Мавритания и представители местного населения (*Джама'а*⁷), до прекращения испанского присутствия. Однако как только Испания стала выводить свои войска, Марокко, напротив, ввело свои в северную часть Западной Сахары, а Мавритания в южную.

26 февраля последний испанский солдат покинул западносахарскую территорию, а 27 февраля 1976 г. основанный тремя годами ранее Фронт ПОЛИСАРИО⁸ провозгласил создание на ее территории независимой Сахарской Арабской Демократической Республики (САДР) и начал вооруженную борьбу при военно-технической поддержке Алжира.

Вскоре после начала боевых действий часть местного населения Западной Сахары бежала в район Тиндуфа (Алжир), где позднее были созданы лагеря беженцев. Близлежащий город-лагерь Рабуни стал административным центром лагерей, в нем расположился штаб Фронта ПОЛИСАРИО, а также правительство САДР. Там же несколько позже стали базироваться международные организации, в том числе штаб Мис-

⁵ Декларация о предоставлении независимости колониальным странам и народам. Принята резолюцией 1514 (XV) Генеральной Ассамблеи от 14 декабря 1960 года. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/colonial.shtml (accessed: 06.05.2020).

⁶ Declaration of Principles on Western Sahara by Spain, Morocco and Mauritania (also known as Madrid Agreement or Madrid Accords). 14.11.1975. URL : <https://web.archive.org/web/20080416100241/http://www.wsahara.net/maccords.html> (accessed: 06.05.2020).

⁷ Джамаа – собрание утвержденных Испанией шейхов сахарских племен.

⁸ Народный фронт за освобождение Сегиет-эль-Хамра и Рио-де-Оро – Фронт ПОЛИСАРИО был основан в 1973 г. для противодействия испанской оккупации Западной Сахары. После того как Испания объявила о своем уходе Фронт перенаправил свои действия против Марокко и Мавритании.

сии ООН по организации референдума в Западной Сахаре (МООНРЗС), Красный Полумесяц и Международная продовольственная программа [Besenyó 2010, p. 72].

После военного переворота в Мавритании в июле 1978 г. Фронт ПОЛИСАРИО объявил об одностороннем прекращении огня. Оно было одобрено ООН⁹, и в августе 1979 г. был подписан мирный договор, по которому Мавритания передала свою часть Сахары Фронту ПОЛИСАРИО. Однако марокканские войска сразу же оккупировали эту территорию, а в 1980-х гг. Марокко установило оборонительные сооружения, получившие название «Марокканская стена» (Верма, берма) (рис. 2).

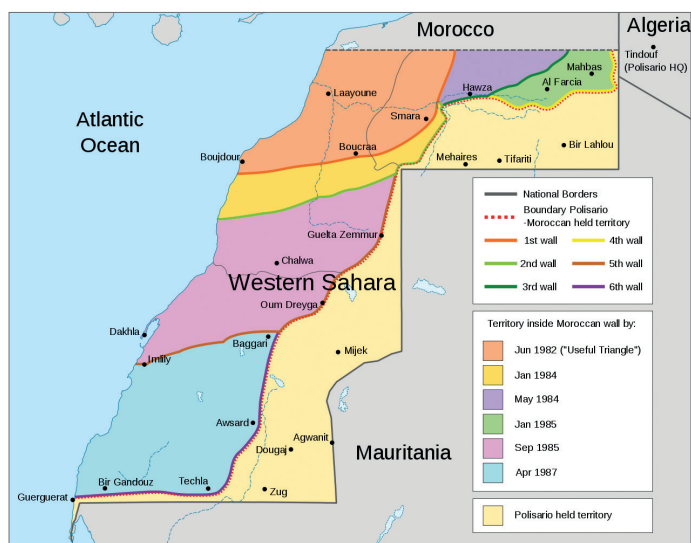

Рис. 2. Карта марокканской стены в Западной Сахаре, построенной в шесть этапов

Источник: Western Sahara Walls Moroccan Map. Wikimedia. URL: https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Western_sahara_walls_moroccan_map-en.svg (accessed: 03.05.2023)

Эта стена представляет собой сооружение длиной около 2700 км, проходящее через Западную Сахару и юго-западную часть Марокко. Она отделяет контролируемые Марокко районы (Южные провинции) на западе от контролируемых ПОЛИСАРИО территорий (Свободная зона, номинально Сахарская Арабская Демократическая Республика) на востоке. По обе стороны от стены в ходе конфликта были установлены наземные мины (обеими сторонами, что они, конечно же, отрицают¹⁰).

⁹ Résolution 33/31 de l'assemblée générale de l'ONU « Question du Sahara occidental». 13.12.1978. URL: <https://www.un.org/french/documents/ga/res/33/fres33.htm> (accessed: 07.05.2020).

¹⁰ Western Sahara. Landmine and Cluster Munition Monitor. Archives: 1999–2014. URL: http://archives.the-monitor.org/index.php/publications/display?act=submit&pqs_year=2009&pqs_type=lm&pqs_report=western_sahara&pqs_section#footnote-11294-1 (accessed: 08.05.2023).

По оценкам, на всей территории Западной Сахары заложено от 200 000 до 10 млн мин¹¹.

Дальнейшие изменения в урегулировании Западносахарского конфликта стали возможны в первой половине 1990-х гг. на фоне потепления алжиро-марокканских отношений. В 1991 г. было достигнуто соглашение о прекращении огня между Марокко и Фронтом ПОЛИСА-РИО, тогда же была создана вышеупомянутая МООНРЗС, главной целью которой, соответственно, стало проведение референдума о независимости в Западной Сахаре. Однако с самого начала возникли разногласия по вопросу определения состава голосующих. Последняя перепись населения в Западной Сахаре проводилась в 1974 г., еще во времена испанской администрации [*Западная Сахара...* 2007, с. 12]. С тех пор многим жителям пришлось покинуть территорию и перебраться в лагеря беженцев в Алжире, тогда как марокканское правительство всячески поощряло переселение марокканцев на контролировавшиеся Рабатом территории. Невозможность достичь согласия по формированию списков избирателей до сих пор препятствует проведению голосования.

На протяжении последующих трех десятилетий западносахарский конфликт казался едва ли не забытым – за исключением непосредственно вовлеченных в него сторон, он мало у кого из исследователей, аналитиков или дипломатов вызывал большой интерес. Только после смены власти в САДР в 2016 г. и в Алжире в 2019 г. он вернулся в международную повестку дня: в 2020 г. столкновения между Фронтом ПОЛИСА-РИО и Марокко возобновились, соглашение о прекращении огня 1991 г. перестало действовать.

Три территории конфликта

Таким образом, говоря о Западносахарском конфликте, мы можем выделить три территории (см. рис. 3):

- 1) находящаяся под контролем Марокко (более 80% территории ЗС, к западу от бермы (стены));
- 2) «свободная зона», контролируемая САДР (менее 20% территории ЗС, к востоку от бермы);
- 3) лагеря беженцев в провинции Тиндуф (Алжир).

Первая часть – подконтрольная Марокко – полностью интегрирована в марокканскую систему административно-территориального деления и плотно контролируется марокканскими службами безопас-

¹¹ Western Sahara. The wall that nobody talks about. SouthWorld. 01.11.2019. URL: <https://www.southworld.net/western-sahara-the-wall-that-nobody-talks-about/> (accessed: 08.05.2023); Western Sahara: The Cost of the Conflict. Crisis Group Middle East/North Africa Report N°65. 11 June 2007. P. 7. URL: <https://www.crisisgroup.org/middle-east-north-africa/north-africa/western-sahara/western-sahara-cost-conflict> (accessed: 03.05.2023).

ности. После административно-территориальной реформы 2015 г. она делится на три провинции: регион Дахла-Уэд-эд-Дахаб полностью находится в пределах спорной территории Западной Сахары, а регионы Гулимин-Уэд-Нун и Эль-Аюн-Сегийет-эль-Хамра находятся внутри нее частично. В марокканском вокабуляре понятие «Западная Сахара» не употребляется, эта территория называется «Марокканской Сахарой» или «Южными провинциями»¹². Обсуждение ее принадлежности запрещено. По оценкам ЦРУ¹³, население на контролируемых Марокко территориях на июль 2007 г. составляло 382 617 человек, в 2010 г. – 405 210, в 2015 г. – 586 000 человек. Часть из них (оценочно 30%) составляют уроженцы этой местности, а часть (70%) – переселенцы из Марокко. Точное соотношение тех и других неизвестно.

Вторая часть – «Свободная зона», или же «Освобожденные территории» – контролируется САДР. Крупнейшие поселения: Бир-Лелу, Тифарити – нынешняя временная столица, Агунит. На этой территории по одним оценкам постоянно проживает около 40–50 тыс. человек¹⁴, по другим¹⁵ – 12–15 тысяч.

Третья часть, условно находящаяся под контролем САДР, состоит из расположенных на территории Алжира лагерей беженцев, делящихся на пять вилай, названных в честь городов, расположенных на оккупированной Марокко территории (Эль-Аюн, Смара, Дахла, Аусерд, Буждур), а также небольшого лагеря «27 февраля» и административного города-лагеря – Рабуни. Оценки численности и демографических характеристик населения лагерей по различным источникам существенно расходятся. По данным ООН и САДР, в лагерях проживают 100–170 тыс. человек¹⁶. По марокканским данным¹⁷, в лагерях беженцев проживает значительно меньше 100 тыс. человек.

¹² Western Sahara: The Cost of the Conflict. Crisis Group Middle East/North Africa Report N°65. 11 June 2007. P. 1. URL: <https://www.crisisgroup.org/middle-east-north-africa/north-africa/western-sahara/western-sahara-cost-conflict> (accessed: 03.05.2023).

¹³ The World Factbook – Western Sahara. CIA. URL: <https://web.archive.org/web/20070612210735/https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/wi.html> (accessed: 06.09.2021).

¹⁴ Western Sahara: The Cost of the Conflict. Crisis Group Middle East/North Africa Report N°65. 11 June 2007. P. 5. URL: <https://www.crisisgroup.org/middle-east-north-africa/north-africa/western-sahara/western-sahara-cost-conflict> (accessed: 03.05.2023).

¹⁵ Suárez Saponaro J. A. Sahara Occidental: El potencial económico de las “Zonas Liberadas”. Elminuto.cl. URL: <https://elminuto.cl/sahara-occidental-el-potencial-economico-de-las-zonas-liberadas/> (accessed: 08.05.2023).

¹⁶ Algeria: Sahrawi refugees in Tindouf. ACAPS Global Risk Analysis. Briefing note 19 January 2022. URL: <https://www.acaps.org/country/algeria/special-reports#container-1710> (accessed: 03.05.2023); Camps de Réfugiés de Tindouf. O-CR Observatoire des Camps de Réfugiés. 2020. P. 13. URL: <https://www.o-cr.org/wp-content/uploads/2020/10/Camps-de-Tindouf-Algerie.pdf> (accessed: 03.05.2023).

¹⁷ Western Sahara: The Cost of the Conflict. Crisis Group Middle East/North Africa Report N°65. 11 June 2007. P. 5. URL: <https://www.crisisgroup.org/middle-east-north-africa/north-africa/western-sahara/western-sahara-cost-conflict> (accessed: 03.05.2023).

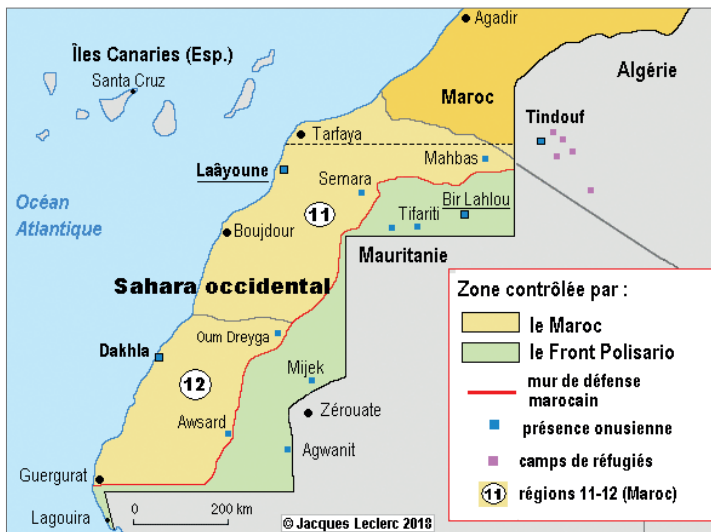

Рис. 3. Карта Западной Сахары, 2018 г.

Источник: Sahara Occidental. Internet Archive.

URL: <https://archive.org/details/sahara-occidental-map> (accessed: 03.04.2023)

На каждой из этих территорий сформирована своя экономическая модель, причем две из трех территорий не сохраняют ту модель экономических отношений, которая существовала здесь в доконфликтный период. И хотя эти экономические системы очень различаются между собой, во всех трех случаях сам конфликт играет системообразующую роль. Ввиду проблем с данными и недостатком макроэкономических показателей эти модели можно описать лишь в обобщенном виде.

Экономическая модель на оккупированной Марокко территории

Вся эта территория включена не только в марокканскую административно-территориальную систему, но и в экономику королевства. Согласно официальной статистике, на три Южных провинции (см. рис. 4) приходится около 8% ВВП Марокко¹⁸. В то же время именно эти территории показывают наивысший ВВП на душу населения¹⁹.

Политика Марокко в отношении Южных провинций заключается в выделении инвестиций, стимулировании переселения жителей из других регионов (с помощью налоговых льгот и повышенных зарплат

¹⁸ Three regions dominate Morocco's GDP with 60%. North Africa Post. 14.09.2022. URL: <https://northafricapost.com/60742-three-regions-dominate-moroccos-gdp-with-60.html> (accessed: 08.05.2023).

¹⁹ Casablanca, Rabat Regions comprise 48% of Morocco's GDP. North Africa Post. 07.09.2016. URL: <https://northafricapost.com/13934-casablanca-rabat-regions-comprise-48-moroccos-gdp.html> (accessed: 03.05.2023).

[Chmourk 2012, p. 15]), а также в интеграции²⁰ местных элит и проживающего на подконтрольной территории населения в марокканскую социально-политическую и экономическую системы.

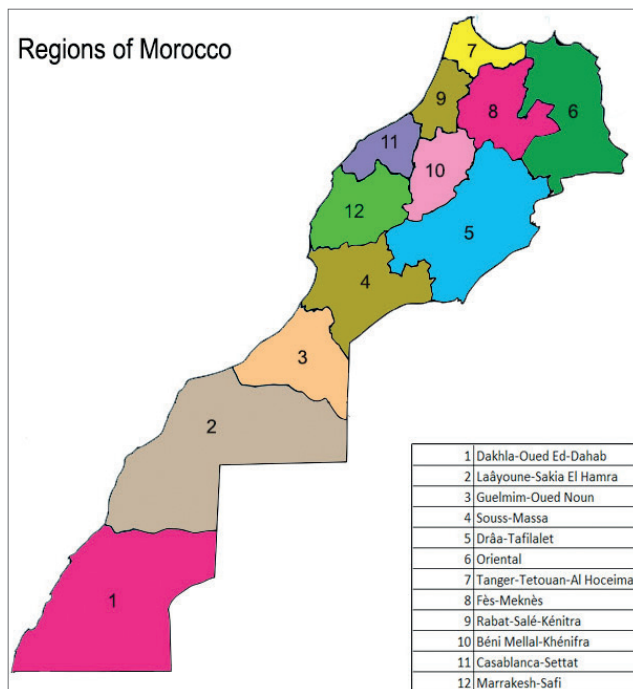

Рис. 4. Регионы Марокко после 2015 г.

Источник: Regions of Morocco. Mappr.

URL: <https://www.mappr.co/counties/morocco/> (accessed: 07.05.2023)

Марокканские власти отвергают идею «экономических издержек», связанных с оккупацией Западной Сахары, и предпочитают говорить об «инвестициях» [Martin 2011/2]. При анализе официальных заявлений и отчетов возникает ощущение, что речь идет о колоссальных суммах²¹.

Если рассмотреть доходы от ресурсов, добытых на этих территориях, можно увидеть, что они вполне себя оправдывали и полностью покрывали вложения уже в середине 2000-х гг. Так, только мелкомасштаб-

²⁰ В том числе путем подкупа и клиентелизма, поддерживая наиболее лояльные племенные группы и противоречия между ними. См.: Western Sahara: The Cost of the Conflict. Crisis Group Middle East/North Africa Report N°65. 11 June 2007. P. 15. URL: <https://www.crisisgroup.org/middle-east-north-africa/north-africa/western-sahara/western-sahara-cost-conflict> (accessed: 03.05.2023).

²¹ Le Maroc accélère l'intégration économique du Sahara occidental. Franceinfo. 19.11.2020. URL: https://www.francetvinfo.fr/monde/afrique/economie-africaine/le-maroc-accelere-l-integration-economique-du-sahara-occidental_4186569.html (accessed: 08.05.2023); Une nouvelle dynamique économique au Sahara marocain. Aujourd'hui Le Maroc. 02.11.2022. URL: <https://aujourd'hui.ma/actualite/une-nouvelle-dynamique-economique-au-sahara-marocain> (accessed: 08.05.2023).

ный прибрежный рыбный промысел в Западной Сахаре в 2005 г. принес доход на сумму 2 млн дирхамов (около 242 млн долл. США)²². А инвестиционные проекты в регионе за период с 2004 по 2008 гг. составляли 870 млн долл. США [Chmourk, 2012, p. 10], т. е. около 217 млн долл. в год. Помимо этого, Марокко получает огромные доходы от добычи фосфатов и железной руды.

У использования экономических ресурсов этой территории есть и политический аспект: привлечение иностранных инвестиций в регион способствует закреплению марокканского суверенитета. И хотя некоторые проекты замораживаются из-за протестов Фронта ПОЛИСАРИО²³, события на международной арене повышают значимость западносахарских ресурсов²⁴ и увеличивают марокканские доходы²⁵.

Разумеется, марокканская стратегия имеет и определенные издержки, в первую очередь связанные с необходимостью тратить большие средства на поддержание безопасности. Так, по некоторым подсчетам²⁶, половина военных расходов Марокко связана с Западной Сахарой.

Кроме того, есть проблемы с социальной интеграцией местных кочевых племен, традиционно живущих скотоводством. С одной стороны, власти проводят активную седентаризацию населения, для которого ведение традиционной транссахарской торговли осложняется из-за жесткого контроля над границами²⁷. В этом плане племена сталкиваются ровно с теми же проблемами, с которыми они сталкивались с незапамятных времен и во всех других странах, где кочевники оказывались вовлечены в поле действия современных государств²⁸.

С другой стороны, представленность местного населения значительно ниже не только в политической сфере, но и в экономической. Основная часть рабочих мест (в особенности в управленческом составе)

²² Western Sahara: The Cost of the Conflict. Crisis Group Middle East/North Africa Report N°65. 11 June 2007. P. 11. URL: <https://www.crisisgroup.org/middle-east-north-africa/north-africa/western-sahara/western-sahara-cost-conflict> (accessed: 03.05.2023).

²³ Западная Сахара: инвестиции неотделимы от политики. Инвест-Форсайт. 03.03.2021. URL: <https://www.if24.ru/zapadnaya-sahara-investitsii-neotdelimy-ot-politiki/> (accessed: 08.05.2023).

²⁴ Exportations dégraies: une double opportunité pour le Maroc. Medias24. 05.06.2022. URL: <https://medias24.com/2022/06/05/engrais-une-double-opportunit%C3%A9-pour-le-maroc/> (accessed: 08.05.2023).

²⁵ Phosphates: le Maroc et l'Inde concluront un important accord de long terme à la mi-janvier. Le Desk. 31.12.2022. URL: <https://ledesk.ma/encontinu/phosphates-le-maroc-et-linde-concluront-un-important-accord-de-long-terme-a-la-mi-janvier/> (accessed: 08.05.2023).

²⁶ Western Sahara: The Cost of the Conflict. Crisis Group Middle East/North Africa Report N°65. 11 June 2007. P. 12. URL: <https://www.crisisgroup.org/middle-east-north-africa/north-africa/western-sahara/western-sahara-cost-conflict> (accessed: 03.05.2023).

²⁷ Western Sahara: The Cost of the Conflict. Crisis Group Middle East/North Africa Report N°65. 11 June 2007. P. 11. URL: <https://www.crisisgroup.org/middle-east-north-africa/north-africa/western-sahara/western-sahara-cost-conflict> (accessed 03.05.2023).

²⁸ См. например: [Largueche, 2002, pp. 89–90].

на развивающихся на этих территориях промышленных производствах достается переселенцам с севера, в то время как коренное население получает пособие от правительства в том случае, если демонстрирует лояльность властям [Allan 2016]. В тех же случаях, когда сохраняющие сахарскую идентичность местные жители выступают с протестами против политики властей²⁹, это влечет за собой репрессии. При том, что такая ситуация может объясняться недостаточной квалификацией значительной части местных жителей для работы на современных производствах и соображениями безопасности, она одновременно может интерпретироваться и как выражение неокOLONИАЛЬНОГО подхода со стороны Рабата, и как инструмент включения местного населения в развитие в королевстве патрон-клиентные отношения [Chmourk 2012].

Другим сложным вопросом является контрабанда – проблема, с которой традиционно сталкиваются все государства Магриба³⁰. Западно-сахарский регион стал транзитной зоной для целого ряда товаров (сигареты, наркотики, оружие и топливо), в торговле которыми участвуют политические элиты и военные со всех сторон³¹. Алжирская сторона обвиняет³² марокканских офицеров в причастности к международному обороту наркотиков через контролируруемую Марокко территорию.

В целом включение этих территорий в экономическую систему Марокко, с одной стороны, способствует их развитию, а с другой – затрудняет миротворческий процесс, снижая заинтересованность в нем местных элит и делая для Рабата компромиссы практически невозможными.

Экономика «Свободной зоны»

О территории Западной Сахары, контролируемой Фронтом ПОЛИСАРИО, известно меньше всего, хотя именно на ней в большей степени сохраняется та экономическая модель, которая существовала до кон-

²⁹ Один из самых ярких случаев был связан с возникновением палаточного лагеря «Агдим Изик» недалеко от Эль-Аюна. См. подробнее: Сухов Н. В. Западная Сахара: «арабская весна» в пустыне // Институт Ближнего Востока. 22.01.2013. URL: <http://www.iimes.ru/?p=16589> (accessed 08.05.2023); Boukhars A. Simmering Discontent in the Western Sahara // Carnegie Endowment for International Peace. 12.03.2012. URL: <https://carnegieendowment.org/2012/03/12/simmering-discontent-in-western-sahara-pub-47461> (accessed: 03.05.2023).

³⁰ Shaw M., Reitano T. The Political Economy of Trafficking and Trade in the Sahara: Instability and Opportunities. Sahara Knowledge Exchange. World Bank. December 2014. 42 p. URL: <https://globalinitiative.net/wp-content/uploads/2014/12/Shaw-Reitano-%E2%80%93-The-Political-Economy-of-Trafficking-and-Trade-in-the-Sahara-December-2014.pdf> (accessed: 08.05.2023).

³¹ Western Sahara: The Cost of the Conflict. Crisis Group Middle East/North Africa Report N°65. 11 June 2007. P. 19. URL: <https://www.crisisgroup.org/middle-east-north-africa/north-africa/western-sahara/western-sahara-cost-conflict> (accessed: 03.05.2023).

³² Benyoub D. Le Maroc, nouvelle filière du trafic de cocaine. Des généraux de l'armée royale impliqués // DjaZaïress. 11.02.2007. URL: <https://www.djazairess.com/fr/liberte/72107> (accessed: 09.05.2023).

фликта [Dedenis, 2011]. Макроэкономические показатели отсутствуют, как и собственная валютная система, вместо которой используются алжирская и мавританская. Данные о численности населения очень разнятся – от 12 до 50 тысяч человек.

В основном здесь живут кочевники-сахрави, которые после строительства марокканской стены перемещаются между северной Мавританией и лагерями беженцев в Алжире. Наличие наземных мин делает целые районы непригодными для животноводства, остающегося основой экономики местных жителей³³. Поэтому население особенно зависит от международной помощи и доступа на мавританскую территорию.

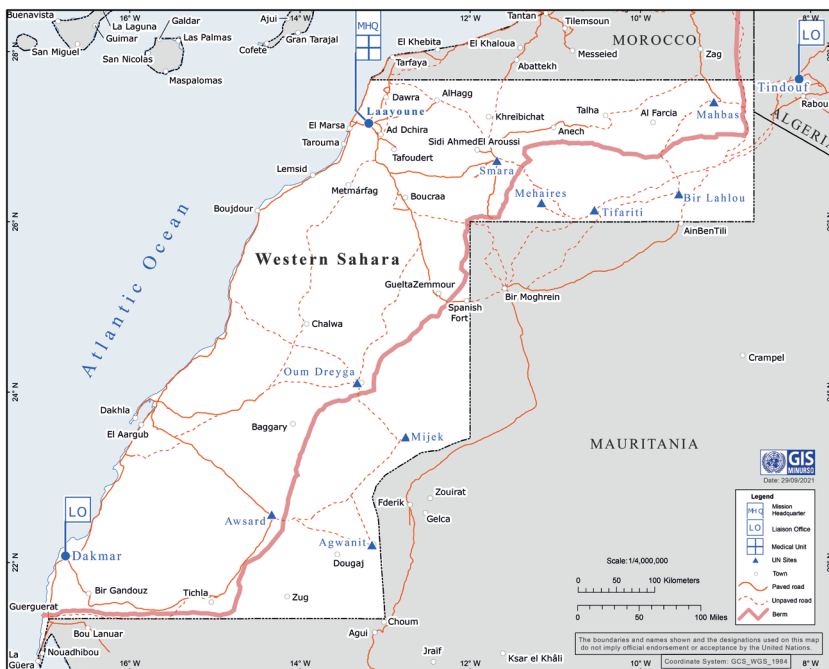

Рис. 5. Карта Западной Сахары с отмеченными на ней структурами ООН
Источник: MINURSO. URL: <https://minurso.unmissions.org/map> (accessed: 07.05.2023)

Кроме того, здесь располагается несколько небольших поселений и баз ООН (Рис. 5). В Тифарити и Бир-Лелу проводятся значимые политические мероприятия САДР³⁴: съезды Фронта ПОЛИСАРИО и открытие

³³ Western Sahara: The Cost of the Conflict. Crisis Group Middle East/North Africa Report N°65. 11 June 2007. P. 10. URL: <https://www.crisisgroup.org/middle-east-north-africa/north-africa/western-sahara/western-sahara-cost-conflict> (accessed: 03.05.2023).

³⁴ Dedenis J. De Tifariti à Tifariti. Périples dans les 'territoires libérés'. Sahara Info n° 138, March 2007. URL: <https://www.association-des-amis-de-la-rasd.org/de-tifariti-a-tifariti-periple-dans-les-territoires-liberes-julien-dedenis-doctorant-en-geographie/> (accessed: 08.05.2023).

заседаний Сахарского национального совета (парламент САДР). При этом само руководство в основном управляет территориями из административного лагеря Рабуни.

Среди немногих документов, в которых описываются условия жизни в этом регионе, заслуживают внимания статьи молодого испанского исследователя Давида де Хуан Каналеса и журналиста Хорхе Суареса Сапонаро.

В этих работах отмечается, что так называемые города, расположенные в Свободной зоне – Бир Тигисит, Бир Лелу – в сущности представляют собой небольшие поселения, возникшие около колодцев в местах, где есть некоторая растительность. В основном они используются как технические остановки по пути в лежащий в 300–400 км Тиндуф. Проезжающие могут купить здесь продукты и напитки, а также топливо и некоторые промышленные товары, поступающие в эти районы из Мавритании, Алжира, Мали, Сенегала и даже Марокко (несмотря на наличие стены). Цены на товары здесь некоторым образом корреспондируют с ценами в лагерях беженцев, хотя и могут отличаться от них в зависимости от сезона и спроса³⁵.

В наиболее крупных поселениях существует и скудная социальная инфраструктура. Так, в Бир-Лелу, где когда-то была провозглашена САДР и где сформировалось некоторое население из седентаризированных кочевников, по крайней мере, некоторое время назад действовала школа Хосе Карлоса Диего Агирре и медицинский центр для кочевников. Школа и построенный при испанской поддержке медицинский центр существуют также в Мхеиризе, в образовавшемся вокруг большого колодца Агуните работает поликлиника, а в Мийеке расположены некоторые объекты МООНРЗС. Однако наиболее развитым из поселений остается Тифарити – город, по имени которого даже называется единственный западносахарский университет. Здесь располагаются медицинские учреждения, военные объекты, а неподалеку есть даже доисторический археологический парк. Некоторое время назад планировалось, что на территории Тифарити испанская НПО ASPS Sevilla построит 400 домов для местного населения³⁶.

Помимо этих поселений, в Свободной зоне дислоцируются вооруженные силы САДР, разделенные на семь военных округов. Точная численность этих сил неизвестна, приблизительные оценки говорят о 3000–

³⁵ Juan Canales D. de. Emergencia civil y economía del refugio en los campamentos de refugiados saharauis de Argelia // *Gazeta de Antropología*. 2010. №26/1, Artículo 11. URL: https://www.ugr.es/~pwlac/G26_11David_deJuan_Canales.html (accessed: 08.05.2023).

³⁶ Suárez Saponaro J. A. Sahara Occidental: El potencial económico de las “Zonas Liberadas”. *Elminuto.cl*. URL: <https://elminuto.cl/sahara-occidental-el-potencial-economico-de-las-zonas-liberadas/> (accessed: 08.05.2023).

12 000 человек [Bhatia 2001]. Как правило, в каждом военном округе также есть батальон поддержки, состоящий из ряда более мелких специализированных подразделений, предоставляющих ряд услуг, включая связь, боевой и тактический анализ, медицинское обслуживание, определение местонахождения воды и бурение скважин, а также ремонт транспортных средств и оружия³⁷.

Наконец, здесь располагается часть сил МООНРЗС, которые до ноября 2020 г. следили за соблюдением прекращения огня³⁸, выполнением программы разминирования³⁹ (United Nations Mine Action Service (UNMAS), в связи с возобновлением боевых действий деятельность фактически приостановлена). В настоящий момент они патрулируют территорию, однако сталкиваются с противодействием со стороны Фронта ПОЛИСАРИО, в том числе в вопросе ресурсного обеспечения сотрудников Миссии ООН⁴⁰. Так, например, количество регулярных рейсов в опорные пункты ООН снизилось с двух рейсов в неделю до двух рейсов в месяц, а патрулям МООНРЗС было отказано в доступе к подразделениям Фронта, что также влияет на получаемый объем информации о происходящем на этой территории.

В целом говорить о существовании нормальной экономики на этой территории не приходится, большая часть экономической активности находится в т. н. «серой зоне»: это и трансграничная торговля местного населения с Мавританией и Алжиром, и транссахарская контрабанда⁴¹.

Экономика лагерей беженцев

На территории Алжира в провинции Тиндужф располагаются пять основных лагерей беженцев, названных в честь городов, расположенных на оккупированной Марокко территории (Эль-Аюн, Смара, Дахла, Аусерд, Буждур) (см. рис. 6–7). Там же находится административный лагерь Рабуни, в котором расположены административные органы САДР.

Сама категория макроэкономических данных (ВВП, ВНП и т. д.) к этим территориям просто неприменима. Несмотря на то, что лагеря

³⁷ Zurutuza K. Des «territoires libérés» sans âmes ni eau // Le Temps. 12.07.2012. URL: <https://www.letemps.ch/monde/territoires-liberes-ames-eau> (accessed: 08.05.2023).

³⁸ Ceasefire Monitoring. MINURSO. URL: <https://minurso.unmissions.org/ceasefire-monitoring> (accessed: 03.05.2023).

³⁹ Territory of Western Sahara. UNMAS. URL: <https://www.unmas.org/en/programmes/westernsahara> (accessed: 08.05.2023).

⁴⁰ Situation concerning Western Sahara. Report of the Secretary-General. United Nations Security Council. S/2022/733. P. 11. URL: https://minurso.unmissions.org/sites/default/files/sg_report_october_2022_0.pdf (accessed: 08.05.2023).

⁴¹ Boukhars A. Simmering Discontent in the Western Sahara // Carnegie Endowment for International Peace. 12.03.2012. URL: <https://carnegieendowment.org/2012/03/12/simmering-discontent-in-western-sahara-pub-47461> (accessed: 03.05.2023).

расположены на территории Алжира, в алжирскую экономику они интегрированы лишь частично⁴².

Об уровне жизни⁴³ могут свидетельствовать такие цифры:

- Средняя продолжительность жизни составляет около 50 лет, при чрезвычайно высоком уровне детской смертности, в основном из-за диареи и острых респираторных инфекций [Volpato 2014, p. 115].
- Министерство здравоохранения САДР имеет в общей сложности 1400 служащих, из них 38 врачей с высшим образованием.
- В Министерстве образования работает 3000 учителей, из которых 2880 человек имеют начальную подготовку, а остальные 23 – профессиональную подготовку [Sidi Hamudi 2018, p. 87].
- Согласно данным Всемирной продовольственной программы ООН, на 2018 г. лишь 12% проживающих в лагерях беженцев полностью обеспечены продовольствием, 30% не имеют продовольственной безопасности и 58% уязвимы к отсутствию продовольственной безопасности⁴⁴.

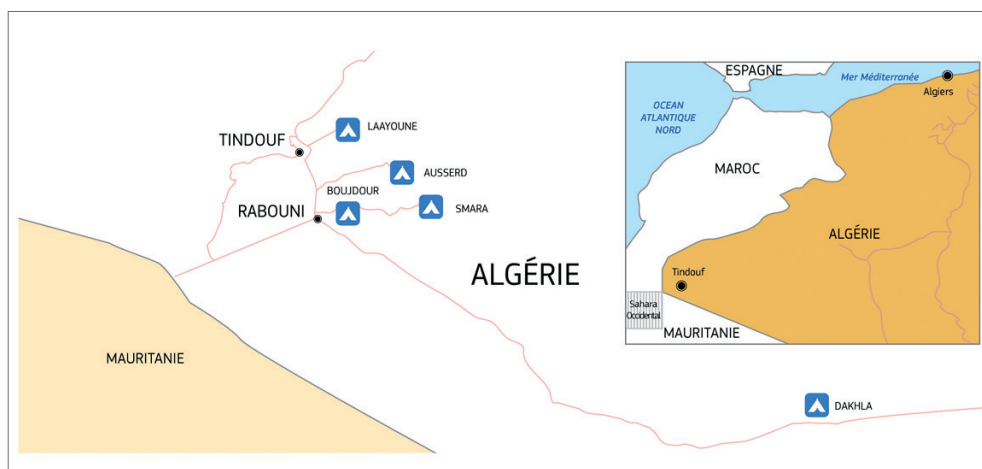

Рис. 6. Карта лагерей беженцев на территории провинции Тиндуф

Источник: Camps de Réfugiés de Tindouf. O-CR Observatoire des Camps de Réfugiés. P. 3. URL: <https://www.o-cr.org/wp-content/uploads/2020/10/Camps-de-Tindouf-Algerie.pdf> (accessed: 03.05.2023)

⁴² Camps de Réfugiés de Tindouf // O-CR Observatoire des Camps de Réfugiés. P. 7. URL: <https://www.o-cr.org/wp-content/uploads/2020/10/Camps-de-Tindouf-Algerie.pdf> (accessed: 03.05.2023).

⁴³ Сахрави. Народ без государства [Видео] // Russia Today Doc. 2015. URL: <https://doc.rt.com/filmy/sahravi-narod-bez-gosudarstva/> (accessed: 03.05.2023).

⁴⁴ Algeria. Annual Country Report: Country Strategic Plan 2019–2022. World Food Programme Reports. 2019. P. 7. URL: <https://docs.wfp.org/api/documents/WFP-0000113825/download/> (accessed: 05.04.2021).

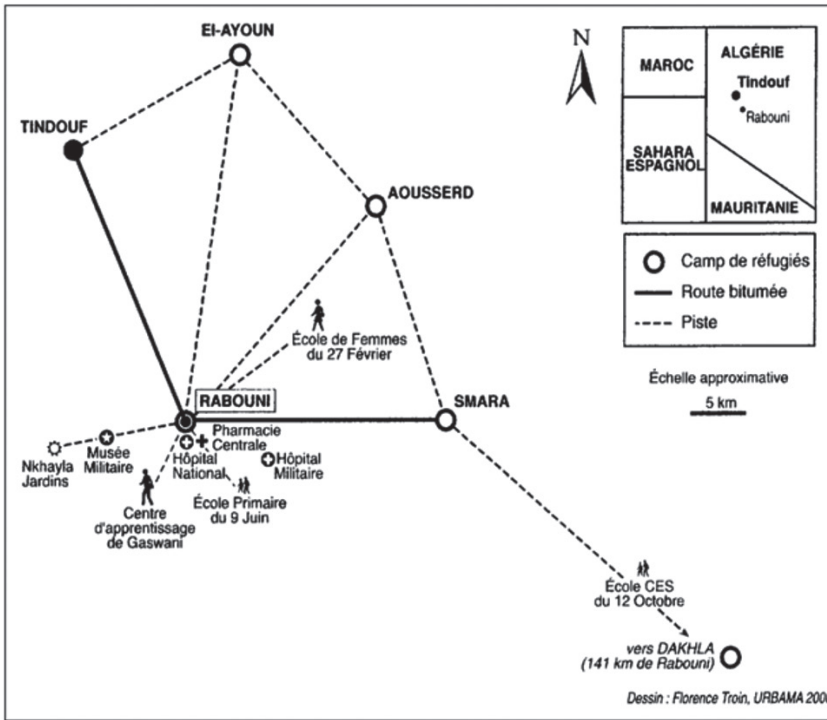

Рис. 7. Организация лагерей беженцев сахрави

Источник: [Caratini, 2003, p. 320]

В ходе модернизации последних десятилетий происходит процесс седентаризации кочевого населения (в лагерях беженцев на территории Алжира, но также в Марокко и отчасти в Мавритании), что, впрочем, пока не приводит к размыванию кланово-племенной структуры общества [Molina Otárola 2021].

Социально-экономическая система лагерей основана на жестком клиентелизме и рестрибуции международной помощи⁴⁵. Контроль над распределением всех благ, включая удовлетворение базовых потребностей населения (включая продукты), осуществляют власти САДР, то есть руководство Фронта ПОЛИСАРИО, принадлежащее к племени *ргибат* (Rguibat, самая большая племенная группа *сахрави*). ПОЛИСАРИО с одной стороны и алжирские службы безопасности с другой контролируют все перемещения людей, товаров и услуг на этих территориях⁴⁶. Кроме того,

⁴⁵ Western Sahara: The Cost of the Conflict. Crisis Group Middle East/North Africa Report N°65. 11 June 2007. Pp. 13–14. URL: <https://www.crisisgroup.org/middle-east-north-africa/north-africa/western-sahara/western-sahara-cost-conflict> (accessed: 03.05.2023).

⁴⁶ Camps de Réfugiés de Tindouf // O-CR Observatoire des Camps de Réfugiés. P. 23. URL: <https://www.o-cr.org/wp-content/uploads/2020/10/Camps-de-Tindouf-Algerie.pdf> (accessed: 03.05.2023).

именно структуры САДР (Министерство сотрудничества) взаимодействуют с международными организациями, осуществляют распределение гуманитарной помощи.

Тем не менее, за последние годы ситуация, согласно испанским источникам [Trasosmontes 2011; Sidi Hamudi 2018], несколько изменилась. Если раньше единственным источником жизнеобеспечения являлась гуманитарная помощь, то в 2000-е гг. начали медленно развиваться некоторые элементы рыночной экономики⁴⁷. Сегодня основными продаваемыми товарами являются одежда, товары для дома и основные продукты питания⁴⁸. Появление общества потребления в лагерях позволило возобновить торговлю с Мавританией – страной, которая в основном экспортирует текстиль, одежду и косметические товары. В дополнение к коммерческой деятельности по покупке и продаже продуктов широкое распространение получила деятельность в сфере услуг: рестораны, парикмахерские, мастерские по ремонту автомобилей. Своей банковской системы в лагерях нет, валютная система алжирская. Денежные переводы поступают главным образом наличными, через частных лиц, неофициально, соответственно, подсчитать их невозможно.

Парадоксально, но тормозящим фактором в развитии местной экономики выступает именно международная помощь. Получая определенные выгоды от контроля над распределением этой помощи, власти, по мнению ряда исследователей, опасаются, что развитие официальных экономических связей может уменьшить объем внешнего финансирования [Bhatia 2001].

В целом, экономическое положение лагерей за последнее десятилетие значительно изменилось в связи с появлением новых видов экономической деятельности, связанных с коммерцией, предоставлением услуг и строительством. Возникают также новые проблемы, связанные с регулированием указанной деятельности, появлением неравенства в уровне доходов населения, доступом к финансированию, диверсификацией коммерческой деятельности и т. д.

* * *

Таким образом, если для марокканской стороны конфликт является стимулом для развития этих территорий и глубокой и всесторонней трансформации общества – социальной, экономической и поли-

⁴⁷ Juan Canales D. de. Emergencia civil y economía del refugio en los campamentos de refugiados saharauis de Argelia // *Gazeta de Antropología*. 2010. №26/1, Artículo 11. URL: https://www.ugr.es/~pwlac/G26_11David_deJuan_Canales.html (accessed: 08.05.2023).

⁴⁸ Camps de Réfugiés de Tindouf. O-CR Observatoire des Camps de Réfugiés. 2020. P. 20. URL: <https://www.o-cr.org/wp-content/uploads/2020/10/Camps-de-Tindouf-Algerie.pdf> (accessed: 03.05.2023).

тической, то для территорий, контролируемых ПОЛИСАРИО, конфликт является основой существования этих территорий, а также основой выстраивания системы экономических и политических отношений, однако никакого развития не предполагает.

Несмотря на существование отличных друг от друга экономических систем, обе стороны сталкиваются с одинаковыми вызовами, связанными с незаконной торговлей, процессом седентаризации местного населения, трансформацией традиционного клиентелизма, не говоря уже о непосредственно связанных с конфликтом вопросах милитаризации общества, повышенных расходов на оборону и безопасность и т. д.

Развитие экономических связей осложняется не только самим конфликтом, но и международно-правовым статусом Западной Сахары. Большая часть государств разделяет позицию ООН⁴⁹ в том, что Западная Сахара является недеколонизованной (несамоуправляющейся) территорией, и не признает чьего-либо суверенитета над ней, настаивая на реализации права на самоопределение. За последнее время число стран, признающих САДР и установивших с ней дипломатические отношения, значительно снизилось в результате успехов марокканской дипломатии⁵⁰.

Наличие значительных ресурсов, прежде всего, находящихся на территориях, подконтрольных Марокко, является важным фактором конфликтности и международной борьбы за контроль над этими территориями. Вместе с тем отсутствие минимальных ресурсов в Свободной зоне и частичная изолированность этой территории препятствует ее нормальному социально-экономическому развитию и создает множество гуманитарных рисков.

С точки зрения политэкономии именно то обстоятельство, что за три десятилетия на западносахарских территориях сформировались две или три независимые друг от друга экономические системы, по-разному связанные с внешним миром, по-разному организованные внутри, основанные на разных источниках ренты и по-разному эту ренту распределяющие, делает урегулирование конфликта особенно сложным.

Список литературы / References

1. Али Салем М. Ф. Западная Сахара: ресурсный потенциал и политические реалии. СПб.: Роза мира, 2010. 107 с. [Ali Salem M. F. Western Sahara: Resource Potential and Political Realities. Saint Petersburg: Rosa mira, 2010. 107 p. (in Russian)].

⁴⁹ Camps de Réfugiés de Tindouf. O-CR Observatoire des Camps de Réfugiés. 2020. P. 5. URL: <https://www.o-cr.org/wp-content/uploads/2020/10/Camps-de-Tindouf-Algerie.pdf> (accessed: 03.05.2023).

⁵⁰ Laâyoune et Dakhla, l'incarnation des avancées diplomatiques du Maroc sur la question de son Sahara (Jeune Afrique) // Maghreb Arabe Presse. 22.03.2023. URL: <https://www.mapnews.ma/fr/actualites/monde/la%C3%A2youne-et-dakhla-lincarnation-des-avanc%C3%A9es-diplomatiques-du-maroc-sur-la-question> (accessed: 08.05.2023).

2. Декларация о предоставлении независимости колониальным странам и народам. Принята резолюцией 1514 (XV) Генеральной Ассамблеи от 14 декабря 1960 г. [Declaration on the Granting of Independence to Colonial Countries and Peoples. Adopted by General Assembly resolution 1514 (XV) 14 December 1960 (in Russian)]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/colonial.shtml (accessed: 06.05.2020).
3. Западная Сахара: инвестиции неотделимы от политики // Инвест-Форсайт. 03.03.2021. [Western Sahara: investment is inseparable from politics // Invest-Foresight. 03.03.2021. (in Russian)]. URL: <https://www.if24.ru/zapadnaya-sahara-investitsii-neotdelimy-ot-politiki/> (accessed: 08.05.2023).
4. Западная Сахара. Консультативное заключение от 16 октября 1975 года. Краткое изложение решений, консультативных заключений и постановлений Международного суда (1948–1991). Нью-Йорк: ООН, 1993. С. 125–128. [Western Sahara. Advisory Opinion of 16 October 1975. Summaries of Judgments, Advisory Opinions and Orders of the International Court of Justice 1948–1991. New-York: UN, 1993. Pp. 125–128 (in Russian)]. URL: https://legal.un.org/icsjsummaries/documents/russian/st_leg_serf1.pdf (accessed: 06.05.2020).
5. Западная Сахара: Преданная независимость / сост. Е. Висенс. М.: REGNUM, 2007. 118 с. [Western Sahara: Independence Betrayed / comp. by E. Vicens. Moscow: REGNUM, 2007. 118 p. (in Russian)].
6. Новейшая история арабских стран Африки. 1917–1987 / отв. ред. В. В. Наумкин. М.: Наука, 1990. 472 с. [Modern History of the Arab Countries of Africa. 1917–1987 / ed. V. V. Naumkin. Moscow: Nauka, 1990. 472 p. (in Russian)].
7. Сахрави. Народ без государства [Видео] // Russia Today Doc. 2015. [Sahrawi. A people without a state [Video] // Russia Today Doc. 2015. (in Russian)]. URL: <https://doc.rt.com/filmy/sahravi-narod-bez-gosudarstva/> (accessed: 03.05.2023).
8. Сухов Н. В. Западная Сахара: «арабская весна» в пустыне // Институт Ближнего Востока. 22.01.2013. [Sukhov N. V. Western Sahara: "Arab spring" in the desert // Middle East Institute. 22.01.2013. (in Russian)]. URL: <http://www.iimes.ru/?p=16589> (accessed: 08.05.2023).
9. Algeria. Annual Country Report: Country Strategic Plan 2019–2022 // World Food Programme Reports. 2019. 38 p. URL: <https://docs.wfp.org/api/documents/WFP-0000113825/download/> (accessed: 05.04.2021).
10. Algeria: Sahrawi refugees in Tindouf // ACAPS Global Risk Analysis. Briefing note 19 January 2022. URL: <https://www.acaps.org/country/algeria/special-reports#container-1710> (accessed: 03.05.2023).
11. Allan J. Natural Resources and Intifada: Oil, Phosphates and Resistance to Colonialism in Western Sahara // *The Journal of North African Studies*. 2016. Vol. 21. No. 4. Pp. 645–666.
12. Benyoub D. Le Maroc, nouvelle filière du trafic de cocaïne. Des généraux de l'armée royale impliqués // *DjaZaïress*. 11.02.2007. URL: <https://www.djazairress.com/fr/liberte/72107> (accessed: 09.05.2023).
13. Besenyő J. Saharawi Refugees in Algeria // *AARMS*. 2010. Vol. 9. No. 1. Pp. 67–78.
14. Bhatia M. The Western Sahara under Polisario Control // *Review of African Political Economy*. 2001. Vol. 28. No. 88. Pp. 291–98.
15. Boukhars A., Rousselier J. Perspectives on Western Sahara: Myths, Nationalisms, and Geopolitics. Lanham: Rowman & Littlefield Publishers, 2013. 352 p.

16. Boukhars A. *Simmering Discontent in the Western Sahara* // Carnegie Endowment for International Peace. 12.03.2012. URL: <https://carnegieendowment.org/2012/03/12/simmering-discontent-in-western-sahara-pub-47461> (accessed: 03.05.2023).
17. *Camps de Réfugiés de Tindouf* // O-CR Observatoire des Camps de Réfugiés. 2020. 27 p. URL: <https://www.o-cr.org/wp-content/uploads/2020/10/Camps-de-Tindouf-Algerie.pdf> (accessed: 03.05.2023).
18. Caratini S. *La Republique des Sables: Anthropologie d'une Révolution*. L'Harmattan, 2003. 266 p.
19. *Casablanca, Rabat Regions comprise 48% of Morocco's GDP* // North Africa Post. 07.09.2016. URL: <https://northafricapost.com/13934-casablanca-rabat-regions-comprise-48-moroccos-gdp.html> (accessed: 03.05.2023).
20. *Ceasefire Monitoring* // MINUSRO. URL: <https://minurso.unmissions.org/ceasefire-monitoring> (accessed: 03.05.2023).
21. Chmourk E. M. *Le Sahara marocain: désenclavement et développement durable* // Cinq Continents. 2012. No. 2(1). Pp. 4–17. URL: <https://nbn-resolving.org/urn:nbn:de:0168-ssoar-293184> (accessed: 03.04.2023).
22. *Declaration of Principles on Western Sahara by Spain, Morocco and Mauritania (also known as Madrid Agreement or Madrid Accords)*. 14.11.1975. URL: <https://web.archive.org/web/20080416100241/http://www.wsahara.net/maccords.html> (accessed: 06.05.2020).
23. Dedenis J. *De Tifariti à Tifariti. Périphe dans les 'territoires libérés'*. Sahara Info. No. 138, March 2007. URL: <https://www.association-des-amis-de-la-rasd.org/de-tifariti-a-tifariti-periple-dans-les-territoires-liberes-julien-dedenis-doctorant-en-geographie/> (accessed: 08.05.2023).
24. Dedenis J. *Le Sahara occidental: un territoire revendiqué... des territoires imaginés?* // L'Information géographique. 2011. Vol. 75. No. 3. Pp. 42–50.
25. *Exportations déngrais: une double opportunité pour le Maroc* // Medias24. 05.06.2022. URL: <https://medias24.com/2022/06/05/engrais-une-double-opportunit%C3%A9-pour-le-maroc/> (accessed: 08.05.2023).
26. Harsi A. *Expulsion des Marocains d'Algérie et droit International de la migration. L'expulsion des Marocains vivant en Algérie (1975) Regard du droit international humanitaire* // Actes du Colloque organisé le 17 mai 2013. Publication du Conseil national des droits de l'Homme. Rabat, 2014. Pp. 3–15.
27. Juan Canales D. de. *Emergencia civil y economía del refugio en los campamentos de refugiados saharauis de Argelia* // Gazeta de Antropología. 2010. No. 26/1, Artículo 11. URL: https://www.ugr.es/~pwlac/G26_11David_deJuan_Canales.html (accessed^ 08.05.2023).
28. *Laâyoune et Dakhla, l'incarnation des avancées diplomatiques du Maroc sur la question de son Sahara (Jeune Afrique)* // Maghreb Arabe Presse. 22.03.2023. URL: <https://www.mapnews.ma/fr/actualites/monde/la%C3%A2youne-et-dakhla-lincarnation-des-avanc%C3%A9es-diplomatiques-du-maroc-sur-la-question> (accessed^ 08.05.2023).
29. Largueche D. *Territoire sans frontieres*. Centre de publication universitaire, 2002. 232 p.
30. De Larramendi M. H. *Doomed regionalism in a redrawn Maghreb? The changing shape of the rivalry between Algeria and Morocco in the post-2011 era* // The Journal of North African Studies. 2019. Vol. 24(3). Pp. 506–531.

31. Le Maroc accélère l'intégration économique du Sahara occidental // Franceinfo. 19.11.2020. URL: https://www.francetvinfo.fr/monde/afrique/economie-africaine/le-maroc-accelere-l-integration-economique-du-sahara-occidental_4186569.html (accessed^ 08.05.2023).
32. Manby B. Nationality and statelessness among persons of Western Saharan origin // *Tottel's Journal of Immigration, Asylum and Nationality Law*. 2020. № 1. Pp. 9–29.
33. Martin L. Le dossier du Sahara occidental // *Les Cahiers de l'Orient*. 2011/2. No. 102. Pp. 43–57. DOI: 10.3917/lcdlo.102.0043.
34. Molina Otárola R. Construcción del tiempo entre los nómadas saharauis. *Sáhara Occidental – norte de África* // *Tabula Rasa*. 2021. No. 37. Pp. 49–70. <https://doi.org/10.25058/20112742.n37.03>
35. Mundy J. Colonial Formations in Western Saharan National Identity // *North African Mosaic: A Cultural Reappraisal of Ethnic and Religious Minorities* / ed.: N. Boudraa and J. Krause. Newcastle: Cambridge Scholars Publisher, 2007. 448 p.
36. Phosphates: le Maroc et l'Inde concluront un important accord de long terme à la mi-janvier // *Le Desk*. 31.12.2022. URL: <https://ledesk.ma/encontinu/phosphates-le-maroc-et-linde-concluront-un-important-accord-de-long-terme-a-la-mi-janvier/> (accessed: 08.05.2023).
37. Résolution 33/31 de l'Assemblée Générale de l'ONU «Question du Sahara occidental». 13.12.1978. URL: <https://www.un.org/french/documents/ga/res/33/fres33.htm> (accessed: 07.05.2020).
38. Saddiki S. *World of Walls: The Structure, Roles and Effectiveness of Separation Barriers*. Cambridge: Open Book Publishers, 2017. 146 p.
39. Shaw M., Reitano T. The Political Economy of Trafficking and Trade in the Sahara: Instability and Opportunities. *Sahara Knowledge Exchange* // World Bank. December 2014. 42 p. URL: <https://globalinitiative.net/wp-content/uploads/2014/12/Shaw-Reitano-%E2%80%93-The-Political-Economy-of-Trafficking-and-Trade-in-the-Sahara-December-2014.pdf> (accessed: 08.05.2023).
40. Sidi Hamudi M. *Sahara Occidental: La Economía Desperdiciada*. Grado De Administración Y Dirección De Empresas. Valencia, 2018.
41. Situation concerning Western Sahara. Report of the Secretary-General // United Nations Security Council. S/2022/733. URL: https://minurso.unmissions.org/sites/default/files/sg_report_october_2022_0.pdf (accessed: 08.05.2023).
42. Suárez Saponaro J. A. Sahara Occidental: El potencial económico de las “Zonas Liberadas”. *Elminuto.cl*. URL: <https://elminuto.cl/sahara-occidental-el-potencial-economico-de-las-zonas-liberadas/> (accessed: 08.05.2023).
43. Territory of Western Sahara. UNMAS. URL: <https://www.unmas.org/en/programmes/westernsahara> (accessed 08.05.2023).
44. The World Factbook – Western Sahara. CIA. URL: <https://web.archive.org/web/20070612210735/https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/wi.html> (accessed: 06.09.2021).
45. Three regions dominate Morocco's GDP with 60% // *North Africa Post*. 14.09.2022. URL: <https://northafricapost.com/60742-three-regions-dominate-moroccos-gdp-with-60.html> (accessed: 08.05.2023).
46. Torres-Garcia A. US diplomacy and the North African 'War of the Sands' (1963) // *The Journal of North African Studies*. 2013. Vol. 18. No. 2. Pp. 324–348.

47. Trasmontes V. Los campamentos de refugiados saharauis en Tinduf: una aproximación desde le economía // *Revistade Economíamundia*. 2011. Vol. 29. Pp. 285–315
48. Treaty Between France and Spain Regarding Morocco // *The American Journal of International Law*. 1913. Vol. 7. No. 2. Pp. 81–99. URL: www.jstor.org/stable/2212275 (accessed: 06.04.2020).
49. Une nouvelle dynamique économique au Sahara marocain // *Aujourd'hui Le Maroc*. 02.11.2022. URL: <https://aujourd'hui.ma/actualite/une-nouvelle-dynamique-economique-au-sahara-marocain> (accessed: 08.05.2023).
50. Volpato G. Exile, Camps, and Camels: Recovery and Adaptation of Subsistence Practices and Ethnobiological Knowledge among Sahrawi Refugees. PhD thesis. Wageningen University, Wageningen, NL, 2014. 274 p.
51. Western Sahara. Landmine and Cluster Munition Monitor. Archives: 1999–2014. URL: http://archives.the-monitor.org/index.php/publications/display?act=submit&pqs_year=2009&pqs_type=lm&pqs_report=western_sahara&pqs_section#footnote-11294-1 (accessed: 08.05.2023).
52. Western Sahara: The Cost of the Conflict. Crisis Group Middle East/North Africa Report N°65. 11 June 2007. 28 p. URL: <https://www.crisisgroup.org/middle-east-north-africa/north-africa/western-sahara/western-sahara-cost-conflict> (accessed: 03.05.2023).
53. Western Sahara. The wall that nobody talks about // *South World*. 01.11.2019. URL: <https://www.southworld.net/western-sahara-the-wall-that-nobody-talks-about/> (accessed: 08.05.2023).
54. Zurutuza K. Des «territoires libérés» sans âmes ni eau // *Le Temps*. 12.07.2012. URL: <https://www.letemps.ch/monde/territoires-liberes-ames-eau> (accessed: 08.05.2023).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Василенко Анастасия Игоревна – младший научный сотрудник Центра арабских и исламских исследований, Институт востоковедения Российской Академии наук, Москва, Россия

Vasilenko Anastasia I. – Junior Researcher, Centre for Arab and Islamic Studies, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Science, Moscow, Russian Federaton

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 12.07.2023.

Одобрена после рецензирования и принята к публикации: 01.08.2023.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Article info

Submitted: 12.07.2023.

Approved after peer reviewing and accepted for publication: 01.08.2023.

The author has read and approved the final manuscript.

Научная статья. Экономические науки
УДК 332.13 + 330.34 (567)
<https://doi.org/10.31696/2227-5568-2023-04-066-077>

ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ АВТОНОМИЕЙ ИРАКСКОГО КУРДИСТАНА И БАГДАДОМ В 2023 г.

Илья Николаевич Веденеев

Институт востоковедения РАН, Москва, Россия,
ilya.vedeneev@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-8808-9745>

Аннотация. исследование посвящено рассмотрению экономических и политических отношений между региональным правительством Иракского Курдистана (г. Эрбиль) и центральным правительством Ирака (г. Багдад). Ввиду специфики курдской тематики также были затронуты отношения, с одной стороны, между руководством Иракского Курдистана и Турцией, а с другой – между Ираком и Турцией. В обоих случаях позиция Турции играет большую роль, что особенно рельефно продемонстрировал кризис весны 2023 г., приведший к прекращению экспорта нефти по нефтепроводу из Иракского Курдистана в Турцию.

По состоянию на данный момент кризис по-прежнему не преодолен. С одной стороны, турецкое руководство не имеет принципиальных возражений по поводу возобновления экспорта, однако иракское правительство продолжает настаивать на том, что Анкара должна выплатить пеню, наложенную международным арбитражем, в полном объеме.

В том, что касается отношений внутри Иракского Курдистана, следует отметить, что два ведущих политических субъекта курдской политики – Демократическая партия Курдистана (ДПК) и Патриотический союз Курдистана (ПСК) по-прежнему находятся в состоянии вражды, несмотря на усиливающееся давление со стороны Багдада. Пользуясь поддержкой со стороны США, иракские курды в то же время оказываются заложниками противостояния между Ираком и Турцией в сфере энергетики. Курдские элиты уже лишились возможности независимого экспорта и в ситуации, пока он не возобновлен, их положение остаётся шатким.

Ключевые слова: Ирак, Турция, США, Иракский Курдистан, Демократическая партия Курдистана (ДПК), Патриотический союз Курдистана (ПСК), нефть

Для цитирования: Веденеев И. Н. Политические и экономические отношения между автономией Иракского Курдистана и Багдадом в 2023 г. *Восточная аналитика*. 2023;14(4):66-77. <https://doi.org/10.31696/2227-5568-2023-04-066-077>

Original article. Economics studies

POLITICAL AND ECONOMIC RELATIONS BETWEEN THE KURDISTAN REGIONAL GOVERNMENT (IRAQ) AND BAGHDAD IN 2023

Ilya Vedeneev

Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia,
ilya.vedeneev@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-8808-9745>

Abstract. the study examines the economic and political relations between the regional government of Iraqi Kurdistan (Erbil) and the central government of Iraq (Baghdad). Due to the specific nature of the Kurdish issue, relations were also touched upon, on the one hand,

This work is licensed under a Creative Commons
Attribution-ShareAlike 4.0 International (CC BY-SA 4.0).

between the leadership of Iraqi Kurdistan and Turkey, and, on the other, between Iraq and Turkey. In both cases, Turkey's position plays a big role, which was especially clearly demonstrated by the crisis in the spring of 2023, which led to the cessation of oil exports via an oil pipeline from Iraqi Kurdistan to Turkey.

As of now, the crisis has still not been overcome. On the one hand, the Turkish leadership has no fundamental objections to the resumption of exports, but the Iraqi government continues to insist that Ankara must pay the fine imposed by international arbitration in full.

Regarding relations within Iraqi Kurdistan, it should be noted that the two leading political entities of Kurdish politics – the Kurdistan Democratic Party (KDP) and the Patriotic Union of Kurdistan (PUK) – are still in a state of hostility, despite increasing pressure from Baghdad. While enjoying support from the United States, the Iraqi Kurds find themselves hostage to the confrontation between Iraq and Turkey in the energy sector. The Kurdish elites have already lost the possibility of independent exports, and in the situation until it is resumed, their position remains precarious.

Keywords: Iraq, Turkey, the US, Kurdish Regional Government, Kurdistan Democratic Party (KDP), Patriotic Union of Kurdistan (PUK), oil

For citation: Vedeneev I. N. Political and Economic Relations between the Kurdistan Regional Government (Iraq) and Baghdad in 2023. *Eastern Analytics*. 2023;14(4):66-77. (In Russ.) <https://doi.org/10.31696/2227-5568-2023-04-066-077>

Исторический экскурс

По состоянию на данный момент этногеографический ареал Курдистан¹ представляет собой один из тех субрегионов Ближнего Востока, которые заслуживают наиболее пристального рассмотрения. Это связано со следующими обстоятельствами. С одной стороны, Курдистан всегда представлял собой перекрёсток основных сухопутных путей региона. С другой стороны, исторически этот горный регион являлся «местом встречи» различных культур. В известной степени эта ситуация сохраняется и в настоящее время, поскольку Иракский Курдистан остаётся ареной активного противоборства (как явного, так и имплицитного) интересов сразу нескольких центров силы региона: как минимум Ирана и Турции, но также стран арабо-суннитского мира (Саудовской Аравии, ОАЭ), влияние которых в Ираке также ощутимо. Сам Ирак в последнее время тоже демонстрирует некоторые признаки внутренней стабилизации²,

¹ Слово «Курдистан» не имеет никакого практического политического значения, т. к. нет государства, которое имело бы такое название. Данное слово имеет значение лишь как территория, большинство (абсолютное или относительное) населения которой составляют люди, относящиеся к курдам этнически (причём данный критерий может быть оспорен кейсом езидов). В настоящее время этногеографический ареал Курдистан разделён границами, занят вплотную подогнанными друг к другу «национальными телами» четырёх государств региона: Ирака, Сирии, Турции и Ирана.

² Юрченко В. П. Военно-политическая обстановка в Ираке (март 2023 года) // Институт Ближнего Востока. 05.04.2023. URL: <http://www.iimes.ru/?p=96582> (дата обращения: 01.05.2023).

что в значительной степени связано с приходом к власти в стране осенью прошлого года «Координационной платформы» (коалиции шиитских, проиранских партий) во главе с премьер-министром Мухаммедом Шиа ас-Судани.

Поскольку Курдистан, как и Ближний Восток в целом, является неотъемлемым элементом мировой политики, тренды, затрагивающие «высший» уровень системы международных отношений (например, проведение ВС РФ СВО), также оказывают на него воздействие (хотя не всегда прямое).

Данная работа ограничивается рассмотрением только иракской части Курдистана (северного Ирака, Иракского Курдистана) и по преимуществу в плоскости экономики, а не политики или культуры (настолько, насколько это вообще возможно ввиду региональной специфики).

В том, что касается отношений между иракскими курдами и центральным правительством, необходимо отметить, что на протяжении всего XX в. они вели национально-освободительную борьбу, целью которой (со второй половины XX в.) было обретение автономного статуса в составе Ирака. Весь XX в. правительство в Багдаде прилагало максимальные усилия, чтобы подавить национальное движение. Именно такая политика – вместо предоставления культурных прав – была принята как хашимитской монархией (у власти до 1958 г.), так и пришедшими ей на смену военными хунтами (единственным исключением стал период премьерства Абд аль-Рахмана Баззаза, но и тогда в итоге возобладала «партия войны») [Веденеев, 2022, с. 106]. Речь идёт прежде всего о Партии арабского социалистического возрождения («Баас»), повторно пришедшей к власти в 1968 г. и руководившей Ираком – в лице её лидера, Саддама Хусейна – до 2003 г.

Война в Персидском заливе (1990–1991 гг.), а также вторжение международной коалиции во главе с США в 2003 г. создали благоприятные предпосылки для становления курдского самоуправления. Уже в 1992 г. – сразу после создания бесполётной зоны над северным Ираком – курдами было создано собственное правительство, известное в отечественной литературе как Курдская региональная автономия Ирака – КРАИ (в западной литературе принят термин *Kurdish Regional Government* – KRG) [Иванов 2011, с. 7]. Управление КРАИ осуществляется, в первую очередь, крупными функционерами Демократической партии Курдистана (ДПК), более того – прямыми потомками вождя племени *барзан* и руководителя национального движения иракских курдов 1958–1975 гг. Моллы Мустафы Барзани. Можно сказать, что после вторжения международной коалиции курды получили тот максимум свободы, на какой они – за всё время своей борьбы – только могли рассчитывать.

Экономические отношения Багдад-Эрбиль

В том, что касается экономической жизни Ирака и отношений с КРАИ с начала 2023 г., следует выделить ключевые моменты:

- 1) решение международного арбитража по иску центрального правительства Ирака к Турции, согласно которому экспорт руководством КРАИ нефти, добываемой на территории Автономии, является незаконным;
- 2) принятие 12 марта проекта о федеральном бюджете на 2023–2025 гг.;
- 3) достижение 4 апреля соглашения между руководством КРАИ и премьер-министром Ирака о возобновлении экспорта нефти.

23 марта 2023 г. Международная торговая палата (г. Париж) вынесла вердикт, согласно которому решение, предоставленное Турцией руководством КРАИ относительно экспорта нефти, добываемой на территории КРАИ посредством трубопровода «Киркук-Джейхан», является нарушением ирако-турецкого соглашения о трубопроводе 1973 г. В соответствии с этим соглашением Турция прямо предписывалось придерживаться инструкций иракской стороны по всем вопросам, имеющим отношение к экспорту сырья по трубе.

По состоянию на начало 2023 г. нефтепровод прокачивал порядка 370 тыс. баррелей добываемой на территории Иракского Курдистана нефти в день, в то время как на нефть «центрального правительства» приходилось не более 75 тыс. баррелей в день³. Как следствие этого, международный арбитраж присудил Турции выплатить Ираку штраф порядка 1,5 млрд долл. в порядке компенсации за прокачку курдской нефти (которая имела место с 2014 г.).⁴ Вместе с тем, как отмечают обозреватели, данная сумма оказалась в разы меньше той, что предъявлялась к Анкаре руководством в Багдаде⁵. Само судебное разбирательство продолжалось почти девять лет.

Уже спустя два дня после вынесения решения Международной торговой палаты в Багдад направилась высокопоставленная курдская делегация, целью которой было достичь договорённости с центральным правительством. Однако несмотря на то, что соглашение между руководством КРАИ (в лице премьер-министра Масрура Барзани) и Ирака

³ Iraq halts northern crude exports after winning arbitration case against Turkey // Reuters. 25.03.2023. URL: <https://www.reuters.com/business/energy/iraq-halts-northern-crude-exports-after-winning-arbitration-case-against-turkey-2023-03-25/> (accessed: 01.05.2023).

⁴ Arbitration court ruling not about Kurdistan Region's oil: Finance minister // Rudaw. 30.04.2023. URL: <https://www.rudaw.net/english/kurdistan/30042023> (accessed: 01.05.2023).

⁵ 'Hollow victory': Iraq is not really a winner in the Turkey oil arbitration case // Middle East Eye. 28.03.2023. URL: <https://www.middleeasteye.net/news/turkey-iraq-oil-arbitration-win-hollow-victory> (accessed: 01.05.2023).

(в лице премьер-министра ас-Судани) было подписано ещё 4 апреля, по состоянию на 1 мая нефть из КРАИ в Турцию по-прежнему не поступала. Относительно причин этого не говорилось ничего определённого. Согласно заявлению спикера правительства Ирака (слова которого приводятся курдскими СМИ), речь идёт о необходимости доработки некоторых технических моментов⁶. Однако это в равной степени может быть предлогом, целью которого является оказание давления на руководство КРАИ.

Вместе с тем заявление министра финансов КРАИ о том, что «решение парижского суда не имеет ничего общего с нефтью Курдистана»⁷, представляется сознательным введением в заблуждение. Подобное утверждение, будучи рассчитанным, в первую очередь, на внутреннюю аудиторию, ставит своей целью вывести из-под какой-либо ответственности руководство КРАИ, «переведя стрелки» на Багдад и Анкару. Косвенным свидетельством в пользу этого является то, что данное высказывание было приведено в интервью, где министр финансов также был вынужден признаться, что Автономия не располагает средствами достаточными, чтобы осуществить выплаты сотрудникам бюджетной сферы за апрель. В то время как ещё в начале года региональные СМИ отчитывались о том, что цены на нефть в прошлом году были достаточно высоки, чтобы руководство Автономии могло осуществить выплаты сотрудникам бюджетной сферы «в полном объёме и почти своевременно» после года финансового кризиса вследствие «спора с Багдадом»⁸.

Министр финансов имеет в виду ежемесячные выплаты Автономии из федерального бюджета, доля которых (12,6%)⁹ была оговорена в процессе утверждения федерального бюджета на 2023–2025 гг. В финансовом выражении эта доля составляет 400 млрд иракских динаров (274 млн долл.). В свою очередь, доходов Автономии оказывается недостаточно, чтобы покрывать собственные расходы. Во всяком случае, после решения международного арбитража, согласно которому иракские курды лишились юридического права поставлять свою нефть на международные рынки непосредственно, минуя какого-либо посредника (прежде всего, иракскую *Государственную компанию по экспорту нефти* – SOMO).

⁶ US Rep urges Erbil, Baghdad to move on oil deal // Rudaw. 29.04.2023. URL: <https://www.rudaw.net/english/middleeast/iraq/290420231> (accessed: 30.04.2023).

⁷ Arbitration court ruling not about Kurdistan Region's oil: Finance minister // Rudaw. 30.04.2023. URL: <https://www.rudaw.net/english/kurdistan/30042023> (accessed: 01.05.2023).

⁸ KRG gains net \$2.8 billion in oil sales in 2nd half of 2022: Report // Rudaw. 14.02.2023. URL: <https://www.rudaw.net/english/kurdistan/14022023> (accessed: 01.05.2023).

⁹ Iraqi government approves federal budget for 2023 // Rudaw. 13.03.2023. URL: <https://www.rudaw.net/english/middleeast/iraq/130320232> (accessed: 01.05.2023).

Следует отметить, что ситуация с отказом Багдада выплачивать задолженность перед Автономией имела место ещё в конце 2022 г. – применительно к траншам за ноябрь и декабрь (также в объёме 400 млрд иракских динаров). Тогда Федеральным верховным судом было вынесено отдельное постановление, согласно которому данные выплаты были признаны нарушением закона о бюджете. Несмотря на то, что впоследствии было заявлено, что эта выплата всё-таки была осуществлена (ещё до постановления Международной торговой палаты)¹⁰, в середине 2023 г. руководство КРАИ находилось в худшем положении, чем в конце 2022 г.: и без центрального финансирования, и без возможности экспорта собственной нефти на международный рынок.

В соответствии с последним соглашением, достигнутым с Багдадом, доходы КРАИ от продажи нефти (в объёме ориентировочно 400 тыс. баррелей в день) будут перечисляться на счёт в Центральном банке Ирака, по отношению к которому у иракского правительства будет возможность проведения аудита¹¹. По другим данным возможность контроля за счётом также получит премьер-министр Автономии¹². Как бы то ни было, региональные эксперты закономерно отмечают, что вопрос о контроле над данным авуаром станет «наибольшим камнем преткновения с точки зрения претворения данной инициативы в жизнь»¹³.

Памятуя об аналогичной ситуации – неспособности руководства КРАИ в срок и в полном объёме выплачивать заработную плату сотрудникам бюджетной сферы (что имело место несколько лет назад) – мы не можем исключать начала беспорядков, которые были бы направлены против офисов ведущих политических партий КРАИ: Демократической партии Курдистана (ДПК) и Патриотического союза Курдистан (ПСК).

По состоянию на данный момент (конец ноября 2023 г.) ситуация по вопросу о возобновлении экспорта нефти по трубопроводу остаётся неразрешённой. 12 ноября состоялась встреча между представителями Багдада и Эрбиля, по итогам которой предполагалось достижение договорённости в «ближайшие три дня»¹⁴. В итоге никаких сообщений

¹⁰ Юрченко В. П. Военно-политическая обстановка в Ираке (март 2023 года).

¹¹ US Rep urges Erbil, Baghdad to move on oil deal // Rudaw. 29.04.2023. URL: <https://www.rudaw.net/english/middleeast/iraq/290420231> (accessed: 30.04.2023).

¹² Юрченко В. П. Военно-политическая обстановка в Ираке (март 2023 года).

¹³ Will Iraqi lawmakers approve record government spending, deficit? // Amwaj.media. 23.03.2023. URL: <https://amwaj.media/media-monitor/will-iraqi-lawmakers-approve-record-government-spending-deficit> (accessed: 09.04.2023).

¹⁴ Iraq has reached an understanding with Turkey on resuming northern oil exports // Al-Arabiya News. 12.11.2023. URL: <https://english.alarabiya.net/News/middle-east/2023/11/12/Iraq-has-reached-an-understanding-with-Turkey-on-resuming-Northern-oil-exports> (accessed: 21.11.2023).

о возобновлении экспорта не поступало. До этого курдские СМИ (подконтрольные ДПК) писали о том, что Багдад остаётся единственным препятствием, поскольку Турция якобы согласна на возобновление экспорта¹⁵. С нашей точки зрения всё не столь однозначно, как стараются преподнести курды. Впрочем, здесь от них мало что зависит: речь идёт не об их позиции, но о том, согласится Багдад на получение от Анкары меньшей суммы штрафа, нежели была наложена международным арбитражем, или нет. В любом случае основными потерпевшими в данной ситуации остаются курды, элиты которых по-прежнему лишены основного (если не сказать, единственного) источника дохода (рентной прибыли), что также чревато ростом социальной нестабильности на территории Автономии, как это уже неоднократно случалось.

Позиция и роль США

Помимо собственно политэкономического аспекта, также представляется необходимым отметить позицию и роль американских представителей по данному вопросу. Так, 28 апреля Элисса Слоткин – член Палаты представителей США (по совместительству эксперт ЦРУ по вопросам ополчений в Ираке) – призвала Багдад и Эрбиль к достижению соглашения. В интервью крупнейшему курдскому каналу “Rudaw” (подконтролен ДПК) она заявила, что обеим сторонам «необходимо продвигать соглашение. Оно не может просто лежать, как лист бумаги»¹⁶. Она также указала, что в качестве «руководства» по разрешению проблемы необходимо опираться на иракскую конституцию.

Следует отметить, что данный подход – ссылка на конституцию 2005 г. – является стандартным «реверансом» американской дипломатии по вопросам, которые касаются отношений Багдад – Эрбиль. Связано это с тем, что именно в ней – впервые за всю историю национальной борьбы курдов во всех четырёх странах – право этого народа (меньшинства во всех странах, разделивших Курдистан) на автономию было признано и закреплено на самом высоком уровне.

Наряду с этим нельзя обойти стороной вопрос об отношениях между США и иракскими курдами. Взаимодействие между сторонами очень активно. В числе приоритетов следует отметить военное сотрудничество между *пешимерга* (вооружёнными ополчениями Автономии) и американскими советниками. Так, 7 марта в ходе своего ближневосточного турне министр обороны США Ллойд Остин совершил не анонсирован-

¹⁵ Iraqi government, oil companies discuss fate of Kurdish oil exports // Rudaw. 08.11.2023. URL: <https://www.rudaw.net/english/middleeast/iraq/08112023> (accessed: 21.11.2023).

¹⁶ US Rep urges Erbil, Baghdad to move on oil deal // Rudaw. 29.04.2023. URL: <https://www.rudaw.net/english/middleeast/iraq/290420231> (дата обращения: 30.04.2023).

ный заранее визит в Ирак, в ходе которого провёл встречи с премьер-министром Ирака ас-Судани и президентом КРАИ Нечирваном Барзани. В свою очередь, Н. Барзани заверил руководителя ВС США в том, что КРАИ привержено своему плану по реформированию подразделений пешмерга¹⁷.

Разговоры о реформе пешмерга ведутся достаточно давно. С одной стороны, реформа призвана способствовать повышению боеспособности ВС КРАИ. С другой стороны, нельзя сказать, что в этом направлении был достигнут какой-то значительный прогресс. Утверждается, что в ходе последней встречи «обсуждалась необходимость продолжать поддержку со стороны США в вопросе реорганизации министерства пешмерга». В то же время Барзани выразил свою признательность Остину за «за помощь силам пешмерга и постоянную поддержку Ирака и Иракского Курдистана в вопросах безопасности»¹⁸.

С сугубо организационной точки зрения необходимо упомянуть, что обе ведущие политические партии Иракского Курдистана обладают собственными ополчениями-пешмерга, которые не только неподотчётны центральному правительству (командованию иракской армии), но и не обладают никакой «общекурдской» координацией. Пешмерга подчиняются непосредственно руководителям ДПК и ПСК. В более широком смысле вопрос о пешмерга представляется «лакмусовой бумажкой», наиболее наглядно свидетельствующей о степени разобщённости курдского общества (*курдских политических субъектов*) даже в пределах Ирака (в т. ч. перед лицом центрального правительства). С этой точки зрения заявление Л. Остина о том, что США поддерживают «формирование объединённой бригады»¹⁹ (между иракской армией и силами пешмерга) представляется не более чем благопожеланием. Во всяком случае, способность США как-либо повлиять на этот процесс в конструктивном русле представляется минимальной.

Ввиду высокой активности западных держав (прежде всего США и Великобритании) в Иракском Курдистане представляется, что он рассматривается в качестве своего рода «плацдарма» западного присутствия на Ближнем Востоке. С одной стороны, это связано с ослаблением влияния США в регионе в целом, с другой стороны – с наличием противоречий между Багдадом и Эрбилем. Запад может использовать эти противоречия, чтобы – опираясь уже на курдов – сохранить определённое влияние в Ираке (в то время как центральное правительство в значи-

¹⁷ Юрченко В. П. Военно-политическая обстановка в Ираке (март 2023 года).

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же.

тельной степени находится под влиянием Ирана). Собственно, интервенция 2003 г. и её успех стал возможен в т. ч. вследствие поддержки США в северном Ираке.

Отношения внутри КРАИ (ДПК–ПСК)

В то же время рассматривать экономические отношения между Ираком и КРАИ, исходя исключительно из роли внешнего фактора, представляется не вполне правомочным; не обойтись и без того, чтобы рассмотреть отношения, существующие в пределах КРАИ, тем более, что они также содержат экономический аспект.

Следует отметить, что несмотря на то, что иракские курды находятся под постоянным давлением со стороны Багдада, это несколько не способствует их сплочённости. Отношения между ДПК и ПСК носят амбивалентный характер (что также имеет исторические предпосылки, связанные с конкуренцией за руководство национальным движением во второй половине XX в.) [Веденеев 2022, с. 114–115]. Можно сказать, что лидеры ДПК и ПСК склонны скорее искать себе союзников в Багдаде, нежели стремятся к компромиссу друг с другом.

Согласно сообщениям от источников «на местах», в настоящее время отношения между ДПК и ПСК находятся на низшей точке и перспективы их улучшения не просматриваются. Руководство ПСК игнорирует регулярные встречи регионального правительства, т. к. «просто не имеет иного способа воздействовать на ДПК». Подобные утверждения свидетельствуют об относительной слабости ПСК.

Бойкот имеет место с октября 2022 г. Предлогом к нему стало убийство бывшего офицера разведки ПСК, 41-летнего Хавкера Абд-Аллаха Расула, который, согласно расследованию, проведённому Reuters, спустя примерно двадцать лет работы на руководителей ПСК (представителей семьи Талабани), перешёл на сторону ДПК. 7 октября он был убит в результате подрыва автомобиля в Эрбиле, столице КРАИ и штаб-квартире ДПК. В итоге руководство ДПК опубликовало видеосвидетельство, ясно указывающее на причастность к этому убийству ПСК²⁰. Это, конечно, не могло способствовать улучшению отношений между сторонами.

Очевидно, что убийство перебежчика стало лишь «последней каплей», в то время как причины конфронтации лежат глубже. Если смотреть на это сквозь призму экономики, то, следует отметить, что ещё в 2021 г. году руководством ДПК было заявлено о намерении расширить газопровод с месторождений до Эрбиля и Дохука (т. е. границы с Тур-

²⁰ An assassination, a feud and the fight for power in Iraq's Kurdistan // Reuters. 05.12.2022. URL: <https://www.reuters.com/world/middle-east/an-assassination-feud-fight-power-iraqs-kurdistan-2022-12-05/> (accessed: 01.05.2023).

цией)²¹. Амбициозным планам представителей семьи Барзани соответствовала международная конъюнктура лета 2022 г., подразумевавшая, что после вытеснения российских компаний вследствие санкций, последовавших за началом СВО, на европейском газовом рынке появились новые ниши, которые могут быть заполнены другими иностранными экспортёрами.

Следует отметить, что на территории Автономии практически не существует мощностей по добыче природного газа (90% доходов Автономии составлял экспорт нефти). На юге Ирака в настоящее время планируется реализация масштабных проектов по привлечению попутного газа (от нефтяных месторождений)²², однако страна по-прежнему нуждается в импортном газе для внутреннего потребления, не говоря уже о (ре)экспорте. Этот газ Ирак получает из Ирана.

По данным Министерства природных ресурсов автономии, на её территории находится 5,67 трлн куб. м природного газа, что составляет порядка 3% общемировых запасов. Добыча природного газа на территории Автономии осуществляется на месторождениях *Хор Мор*, *Чемчамаль* и *Хурмала*. В свою очередь, политический аспект состоит в том, что крупнейшие газовые месторождения КРАИ находятся в сфере влияния ПСК. Как следствие этого – ввиду наличия неурегулированных противоречий между руководством партий – инженеры ДПК просто не были допущены до месторождений пешмергой ПСК²³.

Здесь же возникает внешнеполитический аспект, в соответствии с которым Иран не заинтересован в расширении газовой инфраструктуры Ирака, т. к. он является крупнейшим экспортёром газа не только в Ирак, но и в Турцию. Свидетельством в пользу этого являются ракетные обстрелы нефтегазовых месторождений на территории КРАИ, которые были проведены, в частности, весной прошлого года (что также привело к уходу иностранных специалистов). Помимо этого необходимо иметь в виду фактор ориентации ПСК на Иран: с этой точки зрения ПСК вполне может выступать проводником интересов Ирана в Ираке (подобно тому как Турция, в свою очередь, является крупнейшим торговым партнёром ДПК).

Однако, с другой стороны, ввиду инициативы международного «газового хаба», анонсированной президентом России В. В. Путиным²⁴ –

²¹ Веденеев И. Н. Курдистан 2022: перекрёсток противоречий // Российский совет по международным делам. 02.12.2022. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/kurdistan-2022-pererekryes-tok-protivorechiy/> (дата обращения: 01.05.2023).

²² Белокурова П. Ф. О проблемах нефтегазового сектора Ирака // Институт Ближнего Востока. 04.12.2022. URL: <http://www.iimes.ru/?p=92590> (дата обращения: 01.05.2023).

²³ Веденеев И. Н. Курдистан 2022: перекрёсток противоречий.

²⁴ Встреча с Президентом Турции Реджепом Тайипом Эрдоганом // Президент России. 13.10.2022. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/69590> (дата обращения: 01.05.2023).

и активно поддержанной президентом Турции Р. Т. Эрдоганом – у проекта «курдского газа» могут появиться новые перспективы.

Резюмируя, можно сказать, что ДПК, будучи доминирующей партией Автономии, игнорирует требования и интересы ПСК. Несмотря на то, что, пользуясь своим положением, она может продолжать давить своего конкурента, это, во-первых, не может способствовать единству курдов (прежде всего, перед лицом воздействия центрального правительства, которое нарастает), а во-вторых, препятствует реализации проектов в экономической (нефтегазовой) сфере, бенефициарами которых могли бы стать обе стороны. Вместе с тем перспективы какого-либо урегулирования между сторонами остаются крайне неопределёнными. Исключительно важной остаётся роль внешнего фактора (в т. ч. между такими региональными центрами силы как Иран и Турция, взаимодействие которых также далеко не бесконфликтно).

Выводы

Таким образом, можно сделать следующие выводы:

Отношения между центральным правительством и руководством автономии остаются напряжёнными. Новое правительство в Багдаде не торопится идти навстречу курдам, во всяком случае, в плоскости практических шагов. Более того, фактически можно утверждать, что центральное правительство продолжает оказывать давление на КРАИ чтобы сделать курдов более «сговорчивыми», добиться от них уступок по другим вопросам. Аргументом в пользу этого является удержание очередного транша из федерального бюджета (за апрель).

С этой точки зрения динамика отношений между центром и Автономией (если не сказать, логика постепенного восстановления и «централизации» Ирака на современном этапе) скатывается к той системе отношений, что существовала до 1992 г. (создания бесполётной зоны над северным Ираком и правительства Автономии). В свою очередь, то обстоятельство, что у власти в современном Ираке находятся шииты (в отличие от суннитов «тикритского клана» С. Хусейна) также не способствует симпатиям к курдам.

Иными словами, с одной стороны, негативное отношение к курдам обусловлено упомянутой выше логикой консолидации (стремлением выстроить своего рода «вертикаль власти») в стране в целом. Практически это находит своё выражение в том, что Багдад прилагает все усилия к получению инструментов давления на Автономию. Именно этим сообщением был продиктован иск иракского правительства; в то время как то обстоятельство, что международный арбитраж принял сторону Багдада, резко ослабило «переговорную позицию» КРАИ.

Однако, с другой стороны, также необходимо отдавать себе отчёт в том, что пришедшая к власти осенью 2022 г. «Координационная платформа», представляющая собой коалицию шиитских партий, ориентируется на Иран, который также питает мало симпатий по отношению к курдам, исторически рассматривая их в качестве угрозы собственной безопасности, а также фактора, теоретически способного дестабилизировать весь регион.

В этом, с нашей точки зрения, проявляется тот неизбежный аспект курдской проблематики, что внешний фактор неизменно оказывает на национальное движение большее влияние, нежели собственно «внутрикурдская» динамика. С этой точки зрения сами иракские курды – в лице их политических субъектов, ДПК и ПСК – остаются непреодолимо разобщёнными.

Литература / References

1. Веденеев И. Н. Курдское национальное движение Ирака и Турции в 1918–1980 гг. Факторы взаимовлияния. Дисс. ... канд. ист. наук. Институт востоковедения РАН, 2022. 221 с.
2. Иванов С. М. Иракский Курдистан на современном этапе (1991–2011 гг.). М.: ИМЭМО РАН, 2011. 86 с.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Веденеев Илья Николаевич – канд. ист. наук, научный сотрудник Центра изучения стран Ближнего и Среднего Востока, Институт востоковедения Российской академии наук, г. Москва, Россия

Vedeneev Iliia N. – PhD (History), scientific researcher, Center for Middle East Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 21.11.2023.

Одобрена после рецензирования и принята к публикации: 28.11.2023.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Article info

Submitted: 21.11.2023.

Approved after peer reviewing and accepted for publication: 28.11.2023.

The author has read and approved the final manuscript.

Научная статья. Экономические науки
УДК 332.13 + 351.761.3
<https://doi.org/10.31696/2227-5568-2023-04-078-101>

ИОРДАНИЯ И ПРОБЛЕМА НАРКОТРАФИКА ИЗ СИРИИ

Александр Владимирович Демченко

Институт востоковедения РАН, Москва, Россия,
demchok@yandex.ru, <http://orcid.org/0009-0000-2344-5879>

Аннотация. Нестабильность, ослабление государственных институтов и экономические трудности в Сирии после начала в 2011 г. вооруженного конфликта способствовали возникновению крупного производства синтетических наркотиков (каптагона). Основной сухопутный маршрут его экспорта в страны Аравийского полуострова проходит через территорию Иордании. Контрабанда наркотиков через сирийско-иорданскую границу выросла после деэскалации на юге Сирии в 2018 г. В 2022 и 2023 гг. был зафиксирован резкий рост случаев контрабанды, сопровождающихся вооруженными столкновениями с иорданскими силовиками. Иорданская сторона объясняет рост наркотрафика уходом российских военных из южной Сирии и укреплением там проиранских группировок, частных, по мнению Аммана, к наркоторговле. Если раньше на сирийско-иорданской границе самыми большими угрозами были неконтролируемый приток беженцев и террористы, то теперь их место заняла контрабанда наркотиков. Вопрос о совместном противодействии Иордании и Сирии наркотрафику стал важной составляющей процесса восстановления членства Сирии в Лиге арабских государств в 2023 г. Дело в том, что борьба силовых структур Иордании с наркотрафиком способна дать лишь ограниченный эффект. Обнадешивает то, что в отличие от наркобизнеса, основанного на выращивании наркотиков, производство синтетических наркотиков не затрагивает массы населения, не создавая таким образом низовой слой заинтересованных производителей сырья. Однако для успеха необходим многократный рост усилий Дамаска по борьбе с производством и экспортом наркотиков, а также восстановление его контроля над всей территорией страны и восстановление сирийской экономики.

Ключевые слова: Иордания, Сирия, наркотрафик, производство наркотиков, каптагон

Для цитирования: Демченко А. В. Иордания и проблема наркотрафика из Сирии. *Восточная аналитика*. 2023;14(4):78-101. <https://doi.org/10.31696/2227-5568-2023-04-078-0101>.

Original article. Economics studies

JORDAN AND DRUG TRAFFICKING FROM SYRIA

Aleksandr Demchenko

Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia,
demchok@yandex.ru, <http://orcid.org/0009-0000-2344-5879>

Abstract. Weak institutions, armed violence and economic crisis in Syria after the outbreak of war in 2011 contributed to the emergence of large-scale production of synthetic drugs (captagon). The Kingdom of Jordan became the main land route for its export to the Arabian Peninsula. Drug smuggling across the Jordanian Syrian border and armed clashes with Jordanian security forces have increased since the de-escalation in southern Syria in 2018, especially in

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-ShareAlike 4.0 International (CC BY-SA 4.0).

2022–2023 years. Jordan explains the increase in drug trafficking by the withdrawal of the Russian military police from southern Syria. According to Amman, pro-Iranian military groups are involved in illicit drug trafficking. If previously the biggest threat on the Syrian-Jordanian border was the influx of refugees and penetration of terrorist groups, now their place has been taken by drug smuggling. Syria has agreed to help end drug trafficking across its border with Jordan during discussing the normalization of ties of Arab states with Damascus. Nevertheless, the Jordanian effort to combat illegal drug can produce only a limited effect. Unlike the drug business, which is based on the cultivation of drugs, the production of synthetic drugs, on the contrary, does not engage many people. This could facilitate the war on drugs in the future, provided the regaining Syrian government control over the entire territory and successful the post-conflict reconstruction.

Keywords: Jordan, Syria, drug trafficking, drug production, captagon

For citation: Demchenko A. V. Jordan and drug trafficking from Syria. *Eastern Analytics*. 2023;14(4):78-101. (In Russ.) <https://doi.org/10.31696/2227-5568-2023-04-78-101>

Рост незаконного оборота наркотических и психотропных веществ в мире¹ является одной из серьезных современных угроз человеческому развитию и национальной безопасности. Изготовление, торговля и потребление наркотиков наносят ущерб окружающей среде, ведут к криминализации общества, служат источником финансирования терроризма, подрывают политические институты, препятствуют урегулированию конфликтов, пагубно влияют на здоровье людей. Производство наркотиков в зонах вооруженных конфликтов и на недостаточно контролируемых властями территориях является одним из факторов, способствующих расширению глобального наркотического рынка. Так, выращивание сырья для тяжелых наркотиков (опиатов, включая героин, и кокаина) сосредоточено в странах «Золотого полумесяца» (Афганистан, Пакистан, Иран), «Золотого треугольника» (Мьянма, Таиланд, Лаос), «Андского треугольника» (Колумбия, Боливия, Перу)².

¹ В 2020 г. каждый восемнадцатый житель Земли в возрасте от 15 до 64 лет, что соответствует 284 млн человек (5,6% населения), употреблял наркотики хотя бы раз за последние 12 месяцев. Численность лиц, употреблявших наркотики в 2020 г., была на 26% больше, чем в 2010 г., что отчасти объясняется приростом мирового населения [Всемирный доклад о наркотиках... 2022, с. 65].

² «В центре всех трех основных зон мирового наркопроизводства расположены районы многолетних вооруженных конфликтов – в Колумбии, Афганистане и Мьянме (Бирме). Конечно, само по себе это еще не является доказательством обязательной и безусловной взаимосвязи между наркобизнесом и конфликтами. Во-первых, ареал коммерческого возделывания наркокультур в том или ином районе наркопроизводства, как правило, гораздо шире ареала основной конфликтной зоны. ... Во-вторых, так называемые конфликтные зоны в основных мировых районах наркопроизводства не всегда являются ареной четко структурированного, широкомасштабного и повсеместного вооруженного противостояния – нередко оно, скорее, носит характер хронического “структурного насилия”. Тем не менее, в каждой такой зоне функционирует региональная теневая экономика, влияние которой распространяется далеко за пределы районов наркопроизводства. Центром – своеобразной “воронкой” – такой

Распространение синтетических наркотиков серьезным образом повлияло на наркобизнес и потребление психоактивных веществ. Амфетамины и метамфетамины, синтетические опиоды и синтетические каннабиноиды популярны во многих странах, а число их потребителей нередко превышает количество зависимых от героина и/или кокаина. Согласно Докладу о наркотиках за 2022 г. Управления ООН по наркотикам и преступности с 2016 по 2020 гг., число стран, где изымался один из самых востребованных синтетических наркотиков – метамфетамин – выросло с 84 до 117. Количество изъятого вещества с 2010 по 2020 гг. увеличилось в пять раз [Всемирный доклад о наркотиках... 2022, с. 69]. Производство синтетических наркотиков в отличие от культивации опийного мака, коки и каннабиса не требует жесткой локализации по природно-климатическим условиям и осуществляется в десятках самых разных стран мира. Однако зоны вооруженных конфликтов и недостаточно контролируемые властями территории остаются предпочтительными районами не только для выращивания наркотических растений, но и для развертывания нарколабораторий, чему способствуют слабость или другие приоритеты правоохранительных органов, коррупция, наличие плохо контролируемых районов и границ, заинтересованность участников конфликта в дополнительных источниках доходов, расцвет теневой экономики как безальтернативный путь в условиях нарушения хозяйственной жизни. В Докладе о наркотиках за 2022 г. подчеркивается, что «этот эффект усиливается, если район конфликта находится вблизи крупных потребительских рынков» [Всемирный доклад о наркотиках... 2022, с. 53]. Так, Афганистан, имеющий репутацию крупного поставщика героина и каннабиса, стал заметным производителем метамфетаминов.

Одной из конфликтных зон, оказавшейся благоприятной для развития наркобизнеса, является Сирия, где с 2011 г. идет вооруженное противостояние между правительственными силами и оппозиционными и террористическими группировками при вмешательстве иностранных государств. Зачастую конфликты угрожают негативными последствиями для сопредельных стран. От нестабильности в Сирии пострадал Ирак, примером чему стала деятельность ИГИЛ (признана террористической, ее деятельность запрещена на территории РФ), в ограничен-

региональной теневой экономики, как правило, является район затяжного вооруженного конфликта или серии конфликтов» [Степанова 2005, с. 15–16]. К этому стоит добавить наблюдение шведского исследователя С. Корнелла, что еще в 1960-е гг. ключевыми поставщиками опиума и коки были вполне стабильные Турция, Иран и Боливия [Cornell 2005, p. 751]. Когда же речь заходит о каннабисе, ЛСД и прочих галлюциногенах, то связь с конфликтами тем более не просматривается, хотя это не исключает производства этих видов наркотиков в зонах вооруженного противостояния, чему есть достаточно примеров [Andreas 2019, p. 59].

ных масштабах сирийский конфликт затронул южные районы Турции и Ливан. Для Иордании негативное влияние также оказалось достаточно велико, тем более для такой небольшой страны. На территорию королевства от войны бежали до полутора миллионов сирийцев, активизировались иорданские сторонники радикального ислама, часть из которых уехала в Сирию воевать в рядах джихадистов, из-за разрыва традиционных торгово-экономических связей с северным соседом и наплыва сирийских беженцев обострились застарелые социально-экономические и ресурсные проблемы (безработица, рост цен, недостаток водных ресурсов и проч.). Превращение Иордании в основной сухопутный маршрут транзита сирийского каптагона – популярного на Ближнем Востоке синтетического наркотика – в страны Аравийского полуострова и рост потребления среди населения самого королевства в последние годы оказались еще одной проблемой, связанной с конфликтом в Сирии, и стали предметом серьезной международной озабоченности.

Исследование вопросов, касающихся производства, локализации лабораторий, экспорта и распространения каптагона, установление круга возможных бенефициаров, связи наркобизнеса и коррумпированных чиновников и силовиков, выяснение финансовых и логистических нюансов осложняется недостатком достоверной информации. Во многом она имеет фрагментарный и оценочный характер. Доступные данные не дают полной картины, но позволяют сформировать общее представление о динамике и источниках наркоугрозы, основных рынках сбыта и политике Иордании по борьбе с наркотрафиком³.

Путь каптагона из Европы на Ближний Восток

Каптагон – коммерческое название фенетиллина, психостимулятора, синтезированного западногерманской фармацевтической компанией Degussa AG в 1961 г. Препарат, состоящий из двух других психоактивных веществ – амфетамина и теофиллина⁴, более двух десятилетий использовался в европейской медицине для лечения широкого спектра психоневрологических расстройств (причем первые три года был доступен без рецепта), например, синдрома дефицита внимания у детей, нарколепсии, абулии, депрессии. Тогда считалось, что фенетиллин имеет

³ Для сравнения, о феномене афганского наркобизнеса известно куда больше, учитывая, что его анализом давно и плотно занимаются УНП ООН, антинаркотический Координационный совет при ОДКБ и спецслужбы США, тем более что 20 лет между свержением правительства талибов и их возвращением к власти у органов наркоконтроля была возможность работать «на земле» и получать помощь афганских коллег.

⁴ Позднее состав каптагона изменился из-за того, что на смену фенетиллину пришли другие, более доступные, составляющие. По сути то, что сейчас известно как каптагон – это один из амфетаминов с различными примесями, а название «каптагон» осталось как раскрученный бренд.

меньше побочных эффектов, чем амфетамин, также применявшийся во врачебных целях. Постепенно каптагон становился популярен у наркозависимых. В Западной Германии в 1983 г. 50,3% наркоманов имели опыт его употребления. С 1986 г. после включения Всемирной организацией здравоохранения фенетиллина в международный перечень психоактивных веществ, вызывающих зависимость и сильные побочные эффекты, фенетиллин был запрещен в большинстве стран [Katselou 2016, p. 131–134, 138].

В проникновении каптагона («кокаина для бедных») на Ближний Восток, в частности в Сирию, ключевую роль сыграла Болгария, имевшая развитую фармацевтическую промышленность. В социалистический период производство лекарственного каптагона контролировалось властями, а продукция шла на экспорт, в том числе в арабские страны. В 1990-е гг. социально-экономические трудности в Болгарии, а также Сербии и Словении, увеличение внутреннего потребления наркотиков в странах Восточной и Юго-Восточной Европы, спрос на них на Ближнем Востоке и значение Балкан как транзитной зоны на стыке Азии и Европы способствовали росту могущества местных криминальных группировок, связанных с незаконным оборотом наркотических веществ. «Балканский период» продолжался до середины 2000-х гг. Борьба с незаконным производством наркотиков на Балканах и особенности европейского наркорынка, где потребители предпочитали марихуану, кокаин и МДМА (более известный как «экстази»), с одной стороны, были серьезными помехами для болгарского криминала, а с другой – способствовали перемещению нарколабораторий в Турцию и Ливан. Сирия приобрела важное значение для транзита каптагона в страны Аравийского полуострова. При этом болгарская оргпреступность сохранила репутацию организатора контрабанды наркотиков по балканскому пути и консультанта по налаживанию их производства за рубежом [Rose 2022, p. 6–7; The nexus... 2016, p. 5–7].

Производство каптагона на территории Турции процветало недолго – с середины 2000-х гг. – и пошло на спад к 2009 г. [The nexus... 2016, p. 8]. Для устройства наркобизнеса больше подходил Ливан. Ослабленная конфессионализмом центральная власть, наличие неподконтрольных властям анклавов, коррупция, близость к рынкам сбыта способствовали развитию производства синтетических наркотиков. Тем более, что к тому времени Ливан уже имел прочные позиции на международном наркорынке. Целенаправленное выращивание крестьянами опийного мака и особенно каннабиса в долине Бекаа – важном сельскохозяйственном регионе страны – началось в 1920–1930-е гг. Сдвиг в наркопроизвод-

стве произошел после 1975 г. на фоне гражданской войны, когда этот бизнес стал статьей доходов ливанских криминальных группировок и политических фракций. Ливан завоевал репутацию ведущего поставщика наркотиков растительного происхождения на Ближнем Востоке и не только. По данным издания *The Middle East Quarterly*, к началу 1980-х гг. более половины объема марихуаны и гашиша, изъятых в Западной Европе, были из Ливана. Израильские и некоторые ливанские источники, прежде всего из числа правохристианских сил, выступавших против сирийского присутствия на территории Ливана, подозревали Хизбаллу и сирийских военных в причастности к наркоторговле, хотя скорее всего, как писала израильская газета «Едиот ахронот», в наркобизнес были вовлечены почти все общины и силы Ливана [Хасянов 2006; Levitt 2012, p. 34–37]. Громкое расследование в отношении подполковника ЦАХАЛ, израильского бедуина по происхождению, Омара Хейба, который в 2002 г. был обвинен в предоставлении Хизбалле разведывательных данных об израильской армии в обмен на деньги и партии наркотиков, демонстрирует, насколько неожиданными и повсеместными могут быть связи наркопроизводителей и коррумпированных госслужащих и военных⁵.

Окончание гражданской войны в 1990 г., давление со стороны Запада и помощь США позволили властям Ливана вплотную заняться борьбой с наркобизнесом. В 1990-х и начале 2000-х гг. уничтожение ливанской армией и сирийским контингентом в Ливане полей конопли привело к существенному снижению объема наркотиков. Тогда местный наркобизнес начал развивать производство героина и кокаина в лабораторных условиях на основе зарубежного сырья из стран «Золотого треугольника», Турции, Латинской Америки [Хасянов 2006], а позднее освоил синтез амфетаминов с использованием легально производимых мировой фармацевтической промышленностью прекурсоров. Амфетаминовые лаборатории (первая из них была обнаружена властями в 2007 г.) [Rose 2022, p. 7] оказались очень кстати как замена посевам конопли и мака, так как их легче скрыть, синтетические наркотики дешевы в производстве, а технология не требует от непосредственного изготовителя глубоких знаний химии и фармацевтики. Чтобы не привлекать внимание правоохранительных органов, владельцы лабораторий все чаще использовали не прекурсоры, оборот которых в мире регулируется жестче, а пре-прекурсоры, из которых затем синтезировали прекурсоры.

⁵ Military Court Convicts IDF Officer of Spying for Hezbollah // Haaretz. 27.04.2006. URL: <https://www.haaretz.com/2006-04-27/ty-article/military-court-convicts-idf-officer-of-spying-for-hezbollah/0000017f-e596-d97e-a37f-f7f72a390000> (accessed: 30.06.2023).

Превращение Сирии в производителя и экспортера наркотиков

Первые нарколаборатории появились в Сирии еще в конце 2000-х гг., но ее превращение в крупного производителя и экспортера синтетических наркотиков на Ближнем Востоке стало возможным благодаря вооруженному конфликту, начавшемуся в 2011 г. Наличие базы в виде развитой фармацевтической промышленности и соответствующих кадров способствовали укреплению местного наркобизнеса. Этот процесс проходил в два этапа. На первом этапе (2011–2017 гг.) из-за боевых действий и успехов вооруженной оппозиции и террористических группировок Сирия фактически распалась на ряд территорий, подконтрольных разным силам, а производство и торговля наркотиками выросло в объеме и стали одним из источников доходов боевиков и местного криминала. На втором этапе (с 2018 г. по настоящее время) правительственными силами с помощью зарубежных союзников удалось восстановить контроль над большей частью территорией страны. К тому времени процесс криминализации и теннизации экономических отношений в Сирии зашел далеко. «Полюсами криминализации стали, с одной стороны, невиданный для страны рост организованной преступности и числа преступлений против личности и государства, а с другой – расцвет коррупции и ускоренная теннизация, которые <...> в принципе были присущи и доконфликтной Сирии», – пишет российский арабист И. А. Матвеев [Матвеев 2022, с. 265]. Экспорт каптагона остался чрезвычайно выгодным бизнесом и частью местной криминально-теневой экономики, а открытие границ с Иорданией способствовало росту наркотрафика через ее территорию.

Итак, производство каптагона пошло вверх уже в первые годы конфликта в Сирии. Первоначально интерес, особенно журналистов, к забытому в Европе наркотику был связан не столько с его контрабандой за пределы Сирии, которая на тот момент еще не достигла рекордных показателей 2021–2023 гг., а по причине распространения психостимуляторов среди членов ИГИЛ. На территориях, находившихся под контролем террористов, появились лаборатории по производству «боевого наркотика», благодаря которому джихадисты притупляли чувство страха, повышали агрессивность, испытывали эйфорию, уменьшали боль и усталость и совершали жестокие казни гражданских и пленных военных⁶. Сирийские власти и иностранные журналисты регулярно сообщали, что у убитых игольцов находили т. н. таблетки

⁶ Эксперты из США раскрыли секрет работы «боевого наркотика» ИГ// РИА Новости. 16.08.2017. URL: <https://ria.ru/20170816/1500486423.html> (дата обращения: 30.06.2023).

джихада⁷. Запрет в исламе на употребление наркотиков как одурманивающих веществ радикалы обходили, полагая, что каптагон является просто стимулирующим медицинским препаратом. Впрочем, игиловцы не гнушались бизнеса, связанного с тяжелыми наркотиками. По оценке Федеральной службы РФ по контролю за оборотом наркотиков ИГИЛ, вовлеченное в транзит афганского героина, по состоянию на декабрь 2018 г. ежегодно зарабатывало около 200–500 млн долл.⁸ Значение каптагона как дополнительного источника финансирования выросло после поражений джихадистов, когда произошло падение доходов от продажи углеводородов, были потеряны многие территории с налогооблагаемым населением и в значительной мере были исчерпаны возможности получения прибыли от силового предпринимательства, продажи антикварных ценностей, помощи извне.

Приблизительные оценки доходов от производства и распространения наркотиков свидетельствуют о чрезвычайном подъеме наркобизнеса в сирийской конфликтной зоне. Как отмечают эксперты американского НПО New Lines Institute for Strategy and Policy К. Роуз и А. Седерхольм, сирийская наркоторговля в 2017 г. принесла 1,8 млрд долл. дохода, в 2020 г. – от 2,9 до 3,46 млрд, в 2021 г. – как минимум 5,7 млрд долл. Эти цифры весьма приблизительные, так как основаны на неполной информации, данных об изъятии только крупных партий наркотиков и средней цене в регионе. Вероятно, финансовые показатели могут быть больше. Кроме того, такие оценки дают представление скорее о масштабах наркоторговли, но чистые доходы от производства и наркотрафика остаются неизвестными [Rose 2022, p. 13]. Наконец, неясно, как именно распределяются доходы от наркоторговли на разных этапах, хотя общемировая практика свидетельствует, что наибольший доход получают не производители наркотиков, а организаторы международного наркотрафика и распространители наркотиков среди потребителей на конечных рынках.

Выделяется один ключевой рынок сбыта сирийского каптагона за рубежом, который можно называть аравийским (арабские страны Аравийского полуострова). Гораздо меньшую роль играют Турция и Иордания. Потребители в Саудовской Аравии, Объединенных Арабских Эмиратах, Катаре, Кувейте, Бахрейне в сумме составляют немалый и платежеспособный контингент и формируют конечный рынок сбыта.

⁷ Итальянский журналист: Головорезы «ИГ» используют «таблетки ужаса» // Российская газета. 07.12.2014. URL: <https://rg.ru/2014/12/07/tabletka-site.html> (дата обращения: 30.06.2023); ФСКН подтвердила употребление боевиками ИГИЛ боевых наркотиков // РЕН ТВ. 01.03.2015. URL: <https://ren.tv/news/v-mire/22691-fskn-podtverdila-upotreblenie-boevikami-igil-boevykh-narkotikov> (дата обращения: 30.06.2023).

⁸ ФСКН: ИГ получает до \$500 млн в год от контрабанды афганского героина // ТАСС. 22.12.2015. URL: <http://tass.ru/politika/2548163> (дата обращения: 30.06.2023).

К примеру, на протяжении 2010-х гг. в Саудовской Аравии быстро росло потребление запрещенных стимуляторов, в первую очередь каптагона. Преимущество аравийского рынка состоит в близости к Леванту, возможностях контрабанды морским (из сирийских портов Тартус и Латакия или ливанского Триполи), сухопутным (через Иорданию или Ирак) и воздушным путем (через аэропорт Бейрута). Отмечены случаи перехвата наркотических грузов в Италии, Румынии, Греции⁹, не исключено что, для реэкспорта в арабские страны Персидского залива или же с прицелом на распространение среди ближневосточной диаспоры в Европе. Турция в 2013–2014 гг. столкнулась с ввозом сирийской «синтетики», в том числе для последующего транзита в Саудовскую Аравию и ОАЭ, однако из-за усиления мер властей по контролю за границей уже в 2015 г. потеряла прежнее значение для контрабандистов, переориентировавшихся на аравийский рынок [Kravitz 2016].

Второй рынок сбыта каптагона – североафриканский – выглядит скромно. Наркотики ввозятся морским путем в порты Ливии, где гражданская война создала условия для криминализации экономики. Так, в декабре 2018 г. греческие пограничники перехватили грузовое судно, шедшее из Сирии в Ливию, на котором обнаружили крупную партию каптагона и каннабиса стоимостью более ста миллионов евро¹⁰. По подсчетам турецкого и ливийского журналистов, после открытия регулярного морского сообщения между сирийской Латакией и ливийским Бенгази в марте 2018 г. подобные инциденты стали регулярными¹¹. Однако каптагон пока не приобрел широкой популярности в Ливии и Северной Африке, где сложились свои предпочтения (в первую очередь, каннабис и трамадол) и транзитные пути [Mangan 2020, p. 9; Micallef 2019, p. 26].

Распространяемые на Ближнем Востоке таблетки каптагона выпускаются в разном оформлении: белые, желто-коричневые, розовые. Белый каптагон считается лучшим. Самый качественный каптагон дополнительно помечается эмблемой как у автомобиля «Лексус». Покупая дешевые таблетки, пользователь может даже не знать, на основе чего они сделаны – амфетамина или метамфетамина, возрастает риск передозировки. На арабских улицах каптагон известен как «Отец двух лун», так как на белых и желто-коричневых таблетках оттиснуты две

⁹ Ближний Восток наводнили дешевые наркотики. Как молодежь подседа на таблетки террористов и почему на помощь зовут Россию? // Лента.Ру. 28.12.2022. URL: https://lenta.ru/articles/2022/12/28/narkotik_jihada/ (дата обращения: 30.06.2023).

¹⁰ Контрабандисты переправляли из Сирии в Ливию партию «наркотика джихадистов» // Вести.Ру. 15.12.2018. URL: <https://www.vesti.ru/article/1462500> (дата обращения: 30.06.2023).

¹¹ Ahmad S., Hamza K. From Syria to Libya: Inside the booming drugs trade thriving on regional chaos // The New Arab. 24.08.2021. URL: <https://www.newarab.com/analysis/capta-gon-and-cannabis-inside-syrias-booming-drugs-trade> (accessed: 30.06.2023).

буквы «С». В зависимости от источника производства, местоположения, трудностей доставки, качества препарата и платежеспособности конечных потребителей каптагон обычно продается по цене от 3 до 7 долл. за таблетку в Сирии, Иордании, Ираке и Ливане и может стоить до 25 долл. в Саудовской Аравии. Наркотик распространяется через уличных дилеров и даркнет [Rose 2022, p. 8–11].

Иорданский маршрут сирийского наркотрафика

На Ближнем Востоке наркобизнес и наркомания долгое время не были в числе острых проблем, несмотря на многовековую практику употребления каннабиса и то, что некоторые страны были заметными производителями наркотиков (опиум выращивался в Турции до 1975 г. и в Иране до 1980-х гг. и отчасти сейчас, конопля в Ливане и Марокко по настоящее время), а через Иран и Турцию проходит один из маршрутов афганского наркотрафика. В регионе и в Иордании в частности наркотики долгое время ассоциировались с пороками современного Запада. Объем наркотрафика через территорию Хашимитского королевства десятилетиями оставался невелик, а наркотики не представляли серьезной опасности для иорданского общества.

Тем не менее с 1960-х гг., когда в мире стал актуален вопрос распространения наркотиков, Иордания включилась в борьбу с наркобизнесом. В 1968 г. было создано Антинаркотическое бюро полиции. В 1973 г. оно преобразовалось в Антинаркотический департамент, перешедший в подчинение Управления общественной безопасности. В 1974 г. в приграничных северной и южной провинциях Ирбид и Акаба, через которые шла контрабанда, были сформированы его региональные отделения. Позднее подобные структуры появились и в других иорданских провинциях [Anti-narcotics Department]. Задачи контроля за оборотом наркотиков возложены также на Главный таможенный департамент Управления общей безопасности, Командование королевской пустынной полиции, Вооруженные силы Иордании и Департамент по контролю за оборотом наркотических, психотропных веществ и прекурсоров.

Иордания является участницей Единой конвенции о наркотических средствах 1961 г. (с поправками 1972 г.) – международного документа Организации Объединенных наций, принятого на Конференции ООН и нацеленного на ограничение доступа к продуктам каннабиса (марижуана, гашиш), кокаина и опиума (морфин, героин, кодеин и т. д.), кроме медицинского назначения. В 1988 г. Иордания присоединилась к принятой в том же году Конвенции ООН о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ. Королевство взаимодействует с Интерполом, Лигой арабских государств, ООН. Подписаны

двусторонние соглашения по сотрудничеству с Сирией, Ливаном, Ираком, Саудовской Аравией, Турцией, Египтом, Пакистаном, Ираном, Израилем, США и европейскими странами [International Narcotics Control Strategy Report 2005].

Решающую роль в обострении проблемы наркотрафика через Иорданию сыграло вооруженное противостояние в Сирии. Его отрицательное влияние на эту сферу королевство ощутило, когда в самой Сирии обозначилась позитивная динамика и началась нормализация между Иорданией и САР. На протяжении большей части 2010-х гг. Амман скорее заботили большой приток беженцев из Сирии, военные инциденты на границах и активность ИГИЛ. В 2013–2014 г., когда произошел резкий скачок числа сирийских беженцев в Иордании, с которыми королевству было трудно справиться, Абдалла II ужесточил контроль за границей с Сирией, в 2015 г. последовало закрытие пограничных переходов. После 2016 г. ситуация в Сирии изменилась в пользу законных властей. Во второй половине 2017 г. при поддержке трех стран – участниц Астанинского процесса (России, Турции и Ирана) и наблюдателей (США и Иордании) были созданы четыре зоны деэскалации, в том числе на юго-западе Сирии. В июле 2018 г. сирийские войска установили контроль над приграничными с Иорданией районами провинции Дераа, выдавив оттуда отряды оппозиции. В октябре 2018 г. между Иорданией и Сирией были вновь открыты пограничный переход и зона свободной торговли «Джабер-Насыб». Во время эпидемии коронавируса пункт был закрыт и возобновил работу в сентябре 2021 г.

На фоне послаблений на границе и постепенного восстановления иордано-сирийских отношений поток наркотиков из Сирии в Иорданию усилился. Главным перевалочным маршрутом стал западный участок границы, то есть между иорданской северо-западной провинцией Ирбид и сирийской южной провинцией Дераа, где располагаются пограничные переходы Рамта-Дераа и Джабер-Насыб [Al-Sharafat 2022]. Далее наркотики следуют через территорию страны и переправляются в Саудовскую Аравию либо через пограничные переходы в южных провинциях Акаба и Маан, либо морским путем через иорданский порт Акабу. Тревожным симптомом ухудшения ситуации стало появление нарколабораторий по производству синтетических наркотиков на территории Иордании¹².

О росте объема наркотрафика свидетельствуют данные об изъятии каптагона иорданскими властями. В 2020 г. предотвращено 130 попы-

¹² Al-Qaisi E. Probing Jordan's Covert Drug War // Ammanet.net. 09.15.2020. URL: <https://ammanet.net/english/probing-jordan%E2%80%99s-covert-drug-war> (accessed: 30.06.2023); Saudi Arabia confiscates more Captagon pills at Jordan border // Al-Monitor. 02.04.2022. URL: <https://www.al-monitor.com/originals/2022/04/saudi-arabia-confiscates-more-captagon-pills-jordan-border> (accessed: 30.06.2023).

ток контрабанды наркотиков (перехвачено около 1,3 млн таблеток), в 2021 г. – 361 попытка (около 15,5 млн таблеток). Также были перехвачены тысячи небольших упаковок гашиша. С января по август 2022 г. пресечено 170 попыток ввоза наркотиков¹³. Какое количество каптагона в итоге попало в Иорданию и затем в Аравию, судить трудно, так как перехваченный объем говорит и об увеличении транзита наркотиков, и об эффективности работы иорданских силовиков. По израильским оценкам, примерно 85% каптагона ввозится в Иорданию для последующей переправки в третьи страны, а 15% расходуется на внутреннем рынке [Menachem 2022]. Непонятно, на каком основании возникла эта цифра и насколько она соответствует нынешнему положению, возможно, это лишь повторение данных Антинаркотического департамента Иордании 2012 г. [Rochefoucauld 2014, p. 7], который сообщал те же цифры, хотя в принципе соотношение ясно.

В борьбе с наркотрафиком дело доходит до крупных вооруженных столкновений. Например, в январе 2022 г. в бою на иордано-сирийской границе были убиты 27 контрабандистов, а несколько десятков вынуждены были отступить обратно на сирийскую территорию. В руки иорданцев попала партия из 3,4 млн таблеток каптагона и 2,5 тыс. небольших упаковок гашиша. В том же месяце в результате пресечения другой попытки контрабанды наркотиков было конфисковано 5,5 млн таблеток¹⁴. Вообще с 2022 г. действия контрабандистов, которые проявляют изобретательность, используя дроны для разведки и высылая отвлекающие группы, приобрели выраженную силовую окраску. Это связано с усилением проверок на пограничных переходах и с тем, что доходы от наркоторговли настолько велики, что оправдывают риск вооруженных столкновений.

Обострение проблемы наркотрафика в 2022–2023 гг.

В 2022–2023 гг. проблема сирийского наркотрафика обострилась настолько, что иорданские власти на разном уровне стали высказываться жестче, указывая на предполагаемых виновников по ту сторону границы с Сирией. В значительной мере отношения с северным соседом стали рассматриваться именно в контексте ситуации с производством

¹³ Foltyn S. Jordan battles influx of cheap amphetamines from neighboring Syria // PBS NewsHour. 23.12.2022. URL: <https://www.pbs.org/newshour/show/jordan-battles-influx-of-cheap-amphetamines-from-neighboring-syria> (accessed: 30.06.2023); Jordan says drug trafficking from Syria is «organised» // France 24. 17.02.2022. URL: <https://www.france24.com/en/live-news/20220217-jordan-says-drug-trafficking-from-syria-is-organised> (accessed: 30.06.2023); Omari R. Jordan army foils drug smuggling attempt from Syria // Arab News. 21.06.2023. URL: <https://www.arabnews.com/node/2102061/middle-east> (accessed: 30.06.2023).

¹⁴ Dadouch S., Warrick J. Jordanian army kills 27 alleged drug smugglers in wintry clash on Syrian border // The Washington Post. 27.01.2022. URL: <https://www.washingtonpost.com/world/2022/01/27/jordan-syria-smuggler-clash/> (accessed: 30.06.2023).

и транзитом каптагона как новой основной угрозой безопасности Иордании с сирийского направления.

Заместитель главы правительства королевства и министр иностранных дел Айман Сафади, выступая в Институте Брукинга во время визита в США в январе 2022 г., отметил, что на сирийско-иорданской границе еще несколько лет назад самой большой угрозой были террористические группировки, а теперь это контрабанда наркотиков. Министр сообщил, что почти еженедельно иорданские военные пресекают одну или две попытки ввоза наркотиков в страну [US-Jordan relations 2022, p. 25].

Иорданские военные зимой 2022 г. говорили, что на правительственном уровне Сирия позитивно реагирует на запрос о сотрудничестве в борьбе с наркотрафиком, но на местах эффекта от этого нет. Иорданские силовики утверждали, что на некоторых пограничных КПП сирийские военные помогают контрабандистам, хотя нет уверенности, что это делается по указанию неких вышестоящих лиц в сирийской армии¹⁵.

Через несколько месяцев на фоне все более частых вооруженных столкновений с наркоторговцами из Сирии иорданская сторона стала вслух высказывать более конкретные оценки. Так, 19 мая 2022 г. в беседе с отставным американским генералом и сотрудником Института Гувера при Стэндфордском университете Х. МакМастером король Абдалла II заявил, что знает, кто стоит за наркоторговцами. Он рассказал, что «русские [военная полиция Минобороны РФ] на юге Сирии обеспечивали спокойствие <...> В Иордании работал центр деэскалации между США и Россией. <...> [Потом] вакуум был заполнен иранцами и их прокси. Таким образом, произошел рост проблем на границе»¹⁶. Вскоре после этого арабские СМИ опубликовали сообщения о патрулировании российскими военными провинции Дераа, предположив, что это был символический жест в ответ на озабоченность Аммана или сигнал Ирану, с которым Россия конкурирует за влияние в Сирии. Затем российское присутствие, как утверждали сирийские оппозиционные источники, было сокращено¹⁷.

¹⁵ Jordan says drug trafficking from Syria is «organised» // France 24. 17.02.2022. URL: <https://www.france24.com/en/live-news/20220217-jordan-says-drug-trafficking-from-syria-is-organised> (accessed: 30.06.2023).

¹⁶ Jordan: Perspective On Integration, Conflict, And Stability In The Middle East. H. R. McMaster in conversation with His Majesty King Abdullah II of Jordan on Wednesday, May 18, 2022. URL: <https://www.hoover.org/research/jordan-perspective-integration-conflict-and-stability-middle-east> (accessed: 30.06.2023).

¹⁷ Al Nofal W. Southern Syria's drug war: Jordan's options «limited» as Iran expands // Syria Direct. 06.06.2022. URL: <https://syriadirect.org/southern-syrias-drug-war-jordans-options-limited-as-iran-expands/> (accessed: 30.06.2023); Al-Zein R. Russian Patrols Comb Border Areas in Southern Syria // Asharq Al-Awsat. 21.06.2023. URL: <https://english.aawsat.com/home/article/3655986/russian-patrols-comb-border-areas-southern-syria> (accessed: 30.06.2023).

Тогда же в мае в интервью иорданскому телевидению официальный представитель вооруженных сил королевства полковник Мустафа аль-Хияри заявил, что за контрабандой наркотиков стоят внешние силы, а именно «опасные иранские организации, пытающиеся подорвать национальную безопасность Иордании». Рост наркотрафика полковник также объяснил уходом российских военных из южной Сирии из-за специальной военной операции на Украине и тем, что вакуум заполнили проиранские силы. Несколько дней спустя глава Управления пограничной безопасности Иордании Хашим Халифа уточнил, что некие «недисциплинированные силы внутри сирийской армии» и милиции Хизбаллы и Ирана в Сирии оказывают поддержку контрабандистам [Menachem 2022]. Такое же мнение высказал отставной иорданский генерал-майор Файез Дуэйри в интервью саудовскому изданию Arab News¹⁸.

На Западе в журналистских¹⁹, экспертных²⁰ [Lister 2022; Menachem 2022] и правительственных [Report to Congress 2022] кругах оценки более жесткие, они сопровождаются обвинениями в адрес заметных фигур в сирийской элите и предположениями, что производство и экспорт синтетических наркотиков стали финансовым источником и способом поддержания разрушенной войной экономики страны. Подобные обвинения повлияли на принятие Закона о каптагоне (The Cartagon Act), включенного в ежегодный Закон об оборонном бюджете США, подписанный в декабре 2022 г. президентом Дж. Байденом [H.R.7900. National Defense Authorization Act for Fiscal Year 2023]. В марте 2023 г. Вашингтон и Лондон ввели персональные санкции против ряда сирийских бизнесменов и командиров нерегулярных военных отрядов, причастных, по их мнению, к наркото торговле [Tackling the illicit drug trade].

Несмотря на успешную работу иорданских силовиков, изымавших в 2022–2023 гг. крупные партии наркотиков, было очевидно, что переломить ситуацию им не удастся и полагаться исключительно на контроль над границами недостаточно. Амман рассчитывает на переговоры с Б. Асадом на этом направлении, с одной стороны, и на силовые меры, с другой. Пока вершиной этих усилий стало проведение межарабского совещания министров иностранных дел Египта, Иордании, Ирака, Саудовской Аравии и Сирии 1 мая 2023 г., посвященного обсуждению сирий-

¹⁸ Omari R. Jordan army foils drug smuggling attempt from Syria // Arab News. 12.06.2022. URL: <https://www.arabnews.com/node/2102061/middle-east> (accessed: 30.06.2023).

¹⁹ Dadouch S., Warrick J. Jordanian army kills 27 alleged drug smugglers in wintry clash on Syrian border // The Washington Post. 27.01.22. URL: <https://www.washingtonpost.com/world/2022/01/27/jordan-syria-smuggler-clash/> (accessed: 30.06.2023).

²⁰ Келекеев А. Сирия вступает на путь наркодипломатии // Коммерсантъ. 11.04.2023. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5926861> (дата обращения: 30.06.2023).

ского урегулирования при содействии ЛАГ, членство САР в которой было восстановлено на саммите в Джидде в мае 2023 г. Амман, Багдад и Дамаск договорились о создании сирийско-иорданской и сирийско-иракской рабочих групп с целью установления источников производства и контрабанды наркотиков и организаторов преступного бизнеса²¹.

К силовому инструменту воздействия на Дамаск Иордания прибегла практически одновременно с использованием переговорного. Королевские ВВС 8 мая (на следующий день после голосования в ЛАГ о восстановлении членства Сирии) нанесли несколько ударов по объектам в пограничных сирийских провинциях Сувейда и Дераа, в том числе ликвидировав одного из главарей наркоторговцев²².

Проблема наркотиков не замалчивается официальными лицами Сирии. МВД периодически перехватывает очень крупные партии наркотиков. Так, по заявлению министерства, в 2020 и 2021 гг. было изъято около 50 млн таблеток каптагона и несколько тысяч кг каннабиса. В июне 2022 г. было перехвачено 2,3 тонны каптагона, а всего за первое полугодие в руки сирийских силовиков попало более 145 млн таблеток [Report of the International Narcotics Control Board 2021, p. 108]. Власти считают, что к наркобизнесу причастны Рабочая партия Курдистана, ИГИЛ, Сирийская свободная армия. Глава МВД М. аш-Шаара настаивает, что «в Сирии не выращивают, не производят никакие наркотики, ее территорию благодаря географическому положению используют только для транзита»²³.

Наркомания в Иордании как социальная проблема

Транзит каптагона через территорию Иордании закономерно привел к росту его потребления в самой стране. Как уже говорилось, до массового распространения синтетических наркотиков положение можно было оценить как благополучное в сравнении с Западом и постсоветским пространством. Иорданию, как и арабский мир в целом, миновали несколько волн популярности различных наркотиков, связанные с психоделической и сексуальной революциями 1960-х гг., героиновым бумом 1980–1990-х гг. или субкультурой рэйва конца XX в.

С 2000-х гг. с появлением дешевых синтетических наркотиков, а в следующем десятилетии благодаря их экспорту из Сирии число нар-

²¹ Amman meeting explores path to end crisis in Syria // The Jordan Times. 02.05.2023. URL: <https://jordantimes.com/news/local/aman-meeting-explores-path-end-crisis-syria> (accessed: 30.06.2023).

²² Субботин И. Иордания поднимает на Сирию «железный кулак» // Независимая газета. 23.05.2023.

²³ Enab Baladi (Сирия): в Сирии распространяются наркотики // ИноСМИ.RU. 04.01.2019. URL: <https://inosmi.ru/20190104/244323919.html> (дата обращения: 30.06.2023).

кокурьеров и наркоманов в Иордании начало расти. Проблема распространения наркотиков стала актуальной для Иордании только в 2000-е гг. Так, в 2001 г. отмечено 42 случая изъятия наркотиков, а в 2007 г. – 218²⁴. В 2005 г. в королевстве было зарегистрировано 2041 преступление наркотической направленности, а в 2020 г. – 20 055²⁵. В 2012 г. за хранение наркотиков было арестовано 4713 человек и 732 за распространение [Rochefoucauld 2014, p. 14]. В 2021 г. за хранение арестовали уже 14 129 человек, за распространение – 4858, за употребление – 135. Около 42% преступлений приходится на столичную махазу Амман [Аль-Китаб... 2021, с. 216], что примерно соответствует ее доле в общей численности населения. По итогам 2022 г. Антинаркотический департамент заявил о заметном снижении числа преступлений наркотического характера. По словам его директора Хасана аль-Куда, 80% изъятых наркотиков предназначались для контрабанды в другие страны. Число преступлений снизилось до 18 334, в том числе 13 039 случаев злоупотребления (вероятно, включая хранение) и 5295 фактов распространения. Было изъято 69 млн таблеток каптагона, 7,3 тонны гашиша, 130 кг кокаина, 37,5 кг героина, 56,7 кг кристаллического метамфетамина²⁶.

Данные о числе наркозависимых и эпизодических потребителей в стране очень приблизительные. Сбор статистики по наркозависимым и их лечение осложняются двумя факторами: криминализацией употребления наркотиков иорданским законодательством и стигматизацией наркоманов в обществе²⁷. В 2012 г. Антинаркотический департамент сообщал о менее чем 1% населения [Rochefoucauld 2014, p. 7]. Более новых данных нами не обнаружено, но если исходить из того, что 20% изъятых наркотиков предназначено для внутреннего потребления, а изымается как правило только часть от общего оборота, учитывая высокий процент молодежи в структуре населения и молодежную безработицу²⁸, распространенность психических расстройств, особенно среди бежен-

²⁴ Maayeh S. Drug abuse on the rise in Jordan // The National. 09.02.2009. URL: <https://www.thenationalnews.com/world/mena/drug-abuse-on-the-rise-in-jordan-1.589733> (accessed: 30.06.2023).

²⁵ Davis H. On Jordan's streets, the captagon epidemic ruins lives // Middle East Eye. 18.09.2022. URL: <https://www.middleeasteye.net/news/jordan-captagon-epidemic-ruins-lives> (accessed: 30.06.2023).

²⁶ Jordan records nine percent drop in drug abuse cases in 2022 // Roya News. 01.21.2023. URL: <https://en.royanews.tv/news/39412/2023-01-21> (accessed: 30.06.2023).

²⁷ Davis H. On Jordan's streets, the captagon epidemic ruins lives // Middle East Eye. 18.09.2022. URL: <https://www.middleeasteye.net/news/jordan-captagon-epidemic-ruins-lives> (accessed: 30.06.2023).

²⁸ Unemployment down 0.4% in Q4 of 2022 // Petra. 28.02.2023. URL: https://www.petra.gov.jo/Include/InnerPage.jsp?ID=48519&lang=ar&name=en_news (accessed: 30.06.2023).

цев²⁹, табуированность темы наркотиков, то не исключено, что численность постоянных или эпизодических потребителей наркотиков составляет шестизначную цифру. Некоторые из перечисленных социальных проблем способствуют не только употреблению наркотиков, но и втягиванию в наркобизнес новых людей, для которых он становится источником дохода.

Первое место по популярности в Иордании занимают каннабис и наркотики амфетаминового ряда. Затем следуют опиоиды, кокаин и MDMA³⁰. Продвижению каптагона способствуют его доступность и дешевизна. Отличие текущей ситуации от того, что наблюдалось еще в середине 2010-х гг., не только в распространении синтетических наркотиков, но и в увеличении числа полинаркоманов, которые регулярно употребляют три-четыре вида наркотиков³¹. С середины 2010-х гг. на территории королевства появился в обороте синтетический каннабиноид, известный на улицах как «джокер», который быстро завоевал позиции как дешевая замена марихуане³².

Характер потребления отдельных видов наркотиков варьируется от желания поэкспериментировать до пагубной привычки и зависимости. Использование наркотиков чаще наблюдается среди молодых мужчин, чем женщин и лиц старших возрастных групп. Иорданские исследователи, проводившие интервью с наркозависимыми, в числе причин наркомании отмечают интерес респондентов к рекреационным или стимулирующим свойствам наркотиков. При этом в стране наблюдается достаточно высокий уровень осведомленности о вреде наркотиков [Al Atom 2018, p. 5], хотя, возможно, синтетические стимуляторы и каннабис ошибочно воспринимаются не как наркотики, а как относительно безобидные вещества, а их потребители считают, что следуют т. н. контролируемой модели потребления наркотиков.

Иорданское антинаркотическое законодательство очень сурово. Закон № 11 «О наркотиках и психоактивных веществах» 1988 г. запрещает ввоз, вывоз, транспортировку, употребление и хранение наркотиков за исключением медицинских и исследовательских задач, реализу-

²⁹ Vidal M. «Amman is a prison»: Rise in suicides highlights mental health crisis in Jordan // *The New Humanitarian*. 14.06.2022. URL: <https://www.thenewhumanitarian.org/news-feature/2022/06/14/Rise-in-suicides-highlights-mental-health-crisis-in-Jordan> (accessed: 30.06.2023).

³⁰ Jordan campaigns to combat drug addiction taboo // *Arab News*. 19.03.2019. URL: <https://www.arabnews.com/node/1469081/middle-east> (accessed: 30.06.2023).

³¹ Davis H. On Jordan's streets, the captagon epidemic ruins lives // *Middle East Eye*. 18.09.2022. URL: <https://www.middleeasteye.net/news/jordan-captagon-epidemic-ruins-lives> (accessed: 30.06.2023).

³² Al-Qaisi E. Probing Jordan's Covert Drug War // *Ammannet.Net*. 15.09.2020. URL: <https://amman-net.net/english/probing-jordan%E2%80%99s-covert-drug-war> (accessed: 30.06.2023).

емых под контролем властей. Употребление наркотиков до недавнего времени каралось лишением свободы на срок до двух лет [Rochefoucauld 2014, p. 12–13]. После трехлетних усилий парламента в 2016 г. вступила в силу поправка, которая позволяет впервые арестованным за употребление наркотиков избежать тюремного заключения в обмен на согласие пройти лечение. Можно предположить, что реально эта норма не работает в должном объеме, так как потребителей, арестованных именно за хранение, уже не обязательно помещать в лечебницу. Для потребителей со стажем закон, как и ранее, предусматривает лишение свободы. Распространение наркотиков наказывается сроком заключения от трех до 20 лет в зависимости от размера партии и типа наркотического вещества³³.

В 2018 г по данным Управления общественной безопасности за преступления наркотического характера было арестовано около 20 тыс. из 25 тыс. человек, подвергшихся этой мере вообще. В абсолютных цифрах это в три раза больше, чем в 2015 г. Данные о том, сколько из них были признаны судом виновными, недоступны. Рост числа арестованных отмечался по всем категориям преступлений (перевозка, хранение, употребление наркотиков), хотя больше всего увеличилось именно число подозреваемых в распространении (рост в четыре раза). Частыми причинами арестов являются хранение и употребление (20% арестованных, рост в два раза). Введенные в 2016 г. послабления не дали ожидаемого эффекта. Впервые пойманных с наркотиками граждан все равно привлекают к уголовной ответственности, но не за употребление, а за хранение³⁴.

Сложившаяся ситуация показала, что Иордании необходима радикальная переоценка и реформирование системы уголовного преследования за преступления, связанные с наркотиками. Иорданские парламентарии предложили изменить закон, чтобы закрыть возможность для злоупотреблений полицией, решить проблему резкого увеличения числа осужденных по наркотическим статьям и переориентировать правоохранительные органы с борьбы против рядовых потребителей на наркоторговцев. В сентябре 2021 г. нижняя палата парламента одобрила поправки в рамках курса на частичную либерализацию антинаркотического законодательства. Предлагалось, чтобы употребление, контрабанда, импорт, экспорт, покупка, доставка, перевозка, изготовление, хранение или производство наркотиков и психотропных веществ или

³³ Jordan campaigns to combat drug addiction taboo // Arab News. 19.03.2019. URL: <https://www.arabnews.com/node/1469081/middle-east> (accessed: 30.06.2023).

³⁴ Al-Qaisi E. Probing Jordan's Covert Drug War...

растений больше не наказывались в рамках уголовного кодекса, если это первое правонарушение. Часть поправок была направлена на борьбу с изготовлением наркотиков. Законопроект ужесточал контроль за оборотом химических веществ, необходимых для изготовления наркотических и психотропных средств. Предполагалось расширение полномочий правоохранителей по изъятию незаконных материалов и введение превентивного ареста денежных средств, если будет установлено, что они были получены в результате нарушения какого-либо из предусмотренных законом действий. Предлагалось объявить незаконным использование информационных инструментов и технологий для осуществления незаконных сделок с наркотиками и психотропными веществами³⁵. Однако сверхлиберальный проект закона не прошел последующие инстанции, возможно, потому что столь радикальное смягчение антинаркотического законодательства могло бы способствовать росту наркобизнеса, так как исчез бы сдерживающий эффект страха перед уголовным наказанием, а также из-за вывода из-под уголовных санкций низового звена распространителей наркотиков, что привело бы к вовлечению в наркобизнес новых людей и новых потребителей.

В дополнение к законодательной реформе, к которой, возможно, власти еще вернуться, развернута антинаркотическая пропагандистская кампания, особенно среди молодежи. Со стороны государства помощь наркозависимым оказывает Национальный центр по реабилитации наркозависимых, подчиняющийся министерству здравоохранения Иордании, и частные клиники. Реализуется Национальная стратегия по борьбе с наркоманией. Целевая аудитория – иорданцы в возрасте от 17 до 39 лет. В документе указывается на неразвитость и неэффективность практики лечения и реабилитации наркозависимых. В этой связи ставятся три задачи: борьба с ввозом, торговлей и употреблением наркотиков, пропаганда вреда наркотиков среди населения, реабилитация наркозависимых и их реинтеграция в общество [The National Strategy to fight Drugs 2009, p. 6]. Особое внимание уделяется социально неблагополучным районам на востоке и северо-востоке страны, уязвимым как с точки зрения распространения наркотиков, так и вовлечения местных жителей в их контрабанду [Al Atom 2018, p. 5], но это трудновыполнимая задача, учитывая, что для социально-экономического развития бедных и отдаленных провинций у государства не хватает ресурсов.

³⁵ Amendments to Narcotic Drugs and Psychotropic Substances Law passed // The Jordan Times. 02.09.2021. URL: <https://www.jordantimes.com/news/local/amendments-narcotic-drugs-and-psychotropic-substances-law-passed> (accessed: 30.06.2023).

* * *

Для Иордании приток наркотиков через границу с Сирией за короткий период превратился в серьезную и долговременную угрозу общественной безопасности. Страна, которую ранее отличал низкий уровень потребления наркотиков и небольшие объемы их контрабанды, стала основным путем сухопутного транзита каптагона в монархии Аравийского полуострова и растущим промежуточным рынком сбыта. Борьба силовых структур Иордании с наркотрафиком, какой бы напряженной и успешной она ни была и какую бы помощь иорданские профильные ведомства ни получали со стороны зарубежных партнеров, способна дать лишь ограниченный эффект и в целом проблему не решит. Мировой опыт свидетельствует, что правоохрнительными органами изымается только небольшая часть наркотиков и финансовых доходов от наркоторговли. Например, в руки правоохранителей разных стран попадает 10–15% наркотиков афганского происхождения, а конфискация наркододходов не превышает 0,5% [Отчет ФАТФ... 2014, с. 7]. Кроме рестриктивных и репрессивных средств иорданское правительство должно продолжить совершенствовать и расширять меры превентивного характера.

Очевидно, что решение проблемы скорее находится за пределами страны. Несмотря на прекращение широкомасштабных боевых действий в Сирии, сохраняются неподконтрольные центру турецкая зона влияния на севере, курдская зона под патронажем США на северо-востоке и провинция Идлиб на северо-западе, находящаяся под влиянием организации «Хай’а Тахрир Аш-Шам» (признана террористической, ее деятельность запрещена на территории РФ), во внутренних пустынных районах продолжает действовать ИГИЛ, а на подчиненном Дамаску юге (треугольник Дераа-Сувейда-Кунейтра) тоже часто случаются вооруженные столкновения. В глубоком кризисе находятся экономика и социальная сфера. На направлении политического урегулирования также нет успехов – работа Конституционного комитета практически парализована [Аксененок 2023]. С учетом этого комплекса проблем трудно ожидать, что борьба с производством и контрабандой синтетических наркотиков будет в ряду приоритетов властей и силовых структур Сирии. В некоторой степени их стимулируют озабоченности со стороны Иордании, Ирака и стран Аравийского полуострова. Но для Дамаска это очень даже благоприятное обстоятельство, так как обещания бороться с контрабандой каптагона из Сирии создают выгодный фон для нормализации отношений с ключевыми арабскими игроками. У ряда арабских стран есть запрос на ответственную силу в Сирии для решения этой проблемы, и кроме режима президента Б. Асада ни у кого нет потенциала, чтобы претендовать на эту роль.

Положение в САР и перспектива, что в ближайшие годы оно в лучшем случае не ухудшится, исключают возможность проведения властями жесткой и системной антинаркотической кампании, сходной с теми, которые реализовывали, к примеру, власти Болгарии и Турции, когда смогли добиться массового закрытия лабораторий по производству синтетических наркотиков. Экономические трудности, гуманитарный кризис и сложная внутривластная обстановка в Сирии не дают возможности выделять необходимые ресурсы для противодействия наркобизнесу. Масштабная борьба с коррупцией, без которой немыслимо эффективное противодействие наркотрафику, предполагает некоторые риски, особенно если затронет заметных фигур в Сирии, что может нарушить сложившийся порядок вещей и равновесие. Наконец, Дамаск контролирует примерно две трети территории, и производство каптагона, коль скоро на него сформировался большой и устойчивый спрос как на главный экспортный продукт сирийской теневой экономики, может быть частично перенесено в другие части Сирии или вообще уйти в другие страны региона.

Пожалуй, единственным обнадеживающим обстоятельством является то, что наркобизнес в нестабильной зоне, построенный на базе производства и контрабанды синтетических наркотиков, ввиду своей специфики не может столь же глубоко встроиться в структуру конфликта и стать его неотъемлемой частью, как это произошло в Афганистане и Колумбии. Выращивание опийного мака и коки требует территорий с конкретными климатическими условиями и привлечения массового труда беднейших крестьян, которые не обязательно принуждаются к этому полевыми командирами и наркобаронами, но и сами заинтересованы, получая минимальный, но гарантированный доход, кредитную поддержку, а значит лояльны повстанческим группировкам, курирующим этот сектор теневой экономики. Специфика производства синтетических наркотиков, напротив, не затрагивает массы населения Сирии, непричастного к этому процессу, что потенциально в будущем может облегчить борьбу с наркобизнесом. Пока же можно заключить, что массовое распространение синтетических наркотиков для Иордании стало хронической проблемой, угрозой безопасности и значимым фактором сирийско-иорданских отношений.

Литература / References

1. Матвеев И. А. Политэкономика Сирии в конфликте: в 2 т. Т. 1: Битва за выживание / отв. ред. В. А. Кузнецов. М.: ИВ РАН, 2022.
2. Степанова Е. А. Роль наркобизнеса в политэкономии конфликтов и терроризма. М., Весь мир, 2005.

3. Al Atom B. Analyzing the prevalence of illicit drug use in Jordan's rural towns // *International Journal of Sociology and Anthropology Research*. Vol. 4, 2018. № 1. P. 1–9.
4. Andreas P. Drugs and War: What Is the Relationship? // *Annual Review of Political Science*. 2019. Vol. 22. P. 57–73.
5. Cornell S. The Interaction of Narcotics and Conflict // *Journal of Peace Research*. 2005. Vol. 42. № 6. P. 751–760.
6. Katselou M., Papoutsis I., Nikolaou P., Qammaz S., Spiliopoulou Ch., Athanaselis S. Fenethylamine (Captagon) Abuse – Local Problems from an Old Drug Become Universal // *Basic & Clinical Pharmacology & Toxicology*. Vol. 119. № 2. 2016. P. 133–140.
7. Micallef M. Shifting sands – Libya's changing drug trafficking dynamics on the coastal and desert borders Background paper commissioned by the EMCDDA for the EU Drug Markets Report 2019. P. 1–29.
8. Rose C., Söderholm A. The Captagon Threat. A Profile of Illicit Trade, Consumption, and Regional Realities. The New Lines Institute for Strategy and Policy. April 2022. P. 1–55.
9. The nexus of conflict and illicit drug trafficking Syria and the wider region. The Global Initiative against Transnational Organized Crime. November 2016. P. 1–34.

Электронные ресурсы / Electronic sources

1. Аксененок А. Г. Сирийский конфликт: 12 лет спустя. Российский совет по международным делам, 01.03.2023. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/siriyskiy-konflikt-12-let-spustya/> (дата обращения: 30.06.2023).
2. Аль-Китаб аль-ихсанай аль-санауй аль-урдуний, 2021 [Иорданский статистический ежегодник, 2021]. URL: <http://dosweb.dos.gov.jo/databank/yearbook/YearBook2021.pdf> (дата обращения: 30.06.2023) (на араб. яз).
3. Отчет ФАТФ: Финансовые потоки связанные с незаконным оборотом афганских опиатов. Июнь 2014. С. 7. URL: https://eurasiangroup.org/files/FATF_docs/Afganskie_opiaty_2014_-_dlya_sajta.pdf (accessed: 30.06.2023).
4. Хасянов А. Ж. Трансформации наркобизнеса в Ливане, или ливанский опыт антинаркотической борьбы // Институт изучения Ближнего Востока, 25.04.2006. URL: <http://www.iimes.ru/?p=4502> (дата обращения: 30.06.2023).
5. Al-Sharafat S. The Captagon War: Smuggling on the Jordanian-Syrian Border // The Washington Institute. 30.09.2022. URL: <https://www.washingtoninstitute.org/policy-analysis/captagon-war-smuggling-jordanian-syrian-border> (accessed: 30.06.2023).
6. Anti-narcotics Department. Overview. URL: <https://psd.gov.jo/en-us/psd-department-s/anti-narcotics-department/> (accessed: 30.06.2023).
7. International Narcotics Control Strategy Report – 2005. Released by the Bureau of International Narcotics and Law Enforcement Affairs. March 2005. URL: <https://2001-2009.state.gov/p/nea/ci/jordan/77383.htm> (accessed: 30.06.2023).
8. Kravitz M. Nichols W. A Bitter Pill To Swallow: Connections Between Captagon, Syria, And The Gulf // *Journal of international affairs*. 2016, Vol. 69. № 2. URL: <https://jia.sipa.columbia.edu/bitter-pill-swallow-connections-captagon-syria-gulf> (accessed: 30.06.2023).

9. H.R.7900. National Defense Authorization Act for Fiscal Year 2023. URL: <https://www.congress.gov/bill/117th-congress/house-bill/7900/text?s=1&r=4&q=%7B%22search%22%3A%5B%22CAPTAGON+Act%22%5D%7D> (accessed: 30.06.2023).
10. Levitt M. Hizbullah narco-terrorism a growing cross-border threat. IHS Defense, Risk and Security Consulting. September 2012. P. 34–41. URL: <https://www.washingtoninstitute.org/media/3195> (accessed: 30.06.2023).
11. Lister Ch. We cannot ignore Syria's emergence as a narco-state // The Middle East Institute. 20.04.2022. URL: <https://www.mei.edu/publications/we-cannot-ignore-syrias-emergence-narco-state> (accessed: 30.06.2023).
12. Mangan F. Illicit Drug Trafficking and Use in Libya: Highs and Lows // *Peaceworks*. № 161. May 2020. URL: <https://substanceabusepolicy.biomedcentral.com/articles/10.1186/s13011-020-00285-3> (accessed: 30.06.2023).
13. Menachem Y. The «War on Drugs» at the Syrian-Jordanian Border // Jerusalem Center for Public Affairs. 31.05.2022. URL: <https://jcpa.org/the-war-on-drugs-at-the-syrian-jordanian-border/> (accessed: 30.06.2023).
14. Report of the International Narcotics Control Board for 2021. URL: https://www.incb.org/documents/Publications/AnnualReports/AR2022/Annual_Report_Chapters/064_Asia.pdf (accessed: 30.06.2023).
15. Report to Congress on The Estimated Net Worth and Known Sources of Income of Syrian President Bashar Assad and His Family Members Section 6507 of the National Defense Authorization Act for Fiscal Year 2022 (P.L. 117–81). URL: <https://www.state.gov/report-to-congress-on-the-estimated-net-worth-and-known-sources-of-income-of-syrian-president-bashar-assad-and-his-family-members-section-6507-of-the-national-defense-authorization-act-for-fiscal-year/> (accessed: 30.06.2023).
16. Rochefoucauld M. Jordan. Drug situation and policy. P-PG/Med (2014) 17. Co-operation Group to combat drug abuse and illicit trafficking in drugs. URL: <https://rm.coe.int/drug-situation-and-policy-by-matthieu-de-la-rochefoucauld/168075f2a7> (accessed: 30.06.2023).
17. Tackling the illicit drug trade fuelling Assad's war machine. From: Foreign, Commonwealth & Development Office and Lord Ahmad of Wimbledon. 28.03.2023. URL: <https://www.gov.uk/government/news/tackling-the-illicit-drug-trade-fuelling-assads-war-machine> (accessed: 30.06.2023).
18. The National Strategy to fight Drugs. The Hashemite Kingdom Of Jordan The National Council to Fight Drug. 2009 // The European Monitoring Centre for Drugs and Drug Addiction (EMCDDA). URL: https://www.emcdda.europa.eu/drugs-library/national-strategy-fight-drugs-jordan-2009_en (accessed: 30.06.2023).
19. US-Jordan relations: Jordan's vision for the future. The Brookings Institution. 13.01.2022. URL: <https://www.brookings>.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Демченко Александр Владимирович – канд. ист. наук, ученый секретарь, Институт востоковедения Российской академии наук, Москва, Россия

Demchenko Aleksandr V. – PhD (Hist.), Academic secretary, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 31.07.2023.

Одобрена после рецензирования и принята к публикации: 16.08.2023.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Article info

Submitted: 31.07.2023.

Approved after peer reviewing and accepted for publication: 16.08.2023.

The author has read and approved the final manuscript.

Научная статья. Экономические науки
УДК 351.761.3
<https://doi.org/10.31696/2227-5568-2023-04-102-113>

БОРЬБА ДВИЖЕНИЯ ТАЛИБАН С ПРОИЗВОДСТВОМ НАРКОТИКОВ В АФГАНИСТАНЕ В 2023 г.

Ольга Евгеньевна Митрофаненкова

Институт востоковедения РАН, Москва, Россия,
mitrofanenkova.olga@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0003-076-2956>

Аннотация. Автор исследует борьбу Движения Талибан с производством наркотиков в 2023 г. Для лучшего понимания антинаркотической политики талибов в статье приводится сравнительный анализ политики по борьбе с незаконным производством наркотиков в Афганистане в первый период их нахождения у власти (1996–2001 гг.) и после 2021 г., когда они снова установили свой режим в этой стране. Рассмотрены основные факторы, которые оказывали влияние на действия талибов по борьбе с незаконным наркобизнесом.

Ключевые слова: наркобизнес, Афганистан, Движение Талибан, политика талибов по борьбе с наркотиками

Для цитирования: Митрофаненкова О. Е. Борьба Движения Талибан с производством наркотиков в Афганистане в 2023 г. *Восточная аналитика*. 2023;14(4):102-113. <https://doi.org/10.31696/2227-5568-2023-04-102-113>.

Original article. Economics studies

THE TALIBAN'S FIGHT AGAINST DRUG PRODUCTION IN AFGHANISTAN IN 2023

Olga Mitrofanenkova

Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia,
mitrofanenkova.olga@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0076-2956>

Abstract. The author examines the Taliban's fight against drug production in 2023. However, for a better understanding Taliban's anti-drug policy the article provides a comparative analysis of the policy to combat illegal drug production in Afghanistan in the first period of their stay in power (1996–2001) and after 2021 when they again established their regime in this country. The main factors that influenced the actions of Taliban in the fight against illegal drug business are considered.

Keywords: drug business, Afghanistan, Taliban movement, Taliban's anti-drug policy

For citation: Mitrofanenkova O. E. The Taliban's Fight Against Drug Production in Afghanistan in 2023. *Eastern Analytics*. 2023;14(4):102-113. (In Russ.) <https://doi.org/10.31696/2227-5568-2023-04-102-113>.

Движение Талибан¹ вновь пришло к власти в Афганистане 15 августа 2021 г. после того, как было свергнуто в 2001 г. в результате действий

¹ Запрещено в РФ.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-ShareAlike 4.0 International (CC BY-SA 4.0).

международной антитеррористической коалиции. Предыдущий двадцатилетний период истории страны (2001–2021 гг.) характеризовался стабильным ростом незаконного наркопроизводства, причем некоторые годы отмечались пиковыми значениями увеличения объёмов производимых наркотиков (2008 г. – 7700 т опия-сырца [3, Р. 227], 2017 г. – 9000 т опия-сырца [4, Р. 20], что стало мировым рекордом). Тем не менее, последние несколько лет, 2018–2022 гг., объем производимого опия-сырца находился в пределах 6300–6800 т [4] в год.

Незаконное производство наркотиков было как важным источником финансирования талибов, так и зачастую практически единственным средством выживания крестьян особенно в отдалённых от центра провинциях преимущественно на Юге страны (Гильменд, Кандагар и т. д.)².

Политика Движения Талибан по борьбе с наркотиками

Прежде чем перейти непосредственно к рассмотрению антинаркотической политики Движения Талибан (далее ДТ) в 2023 г., стоит отметить, что именно в первый период нахождения их у власти в Афганистане (1996–2001 гг.) незаконное производство наркотиков было полностью перенесено на афганскую территорию³, сформировалось два из трех маршрутов незаконного распространения наркотиков («Северный маршрут»⁴ и «Балканский маршрут»⁵) и были налажены поставки реагентов (преимущественно уксусного ангидрита), необходимых для производства героина. Именно талибы, полностью контролировавшие в 1990-е гг. производство наркотиков в Афганистане, создали там один из мировых центров незаконного наркобизнеса – в стране была сформирована полноценная индустрия, включавшая в себя получение сырья, поставки необходимых реагентов, получение финального продукта и его сбыт на мировых черных рынках.

Парадоксальным образом одновременно с этим ДТ, как в 1990-е гг., так и после своего возвращения к власти, вело борьбу с наркотиками.

² См. Митрофаненкова О. Е. Источники финансирования Движения Талибан (2001–2021 гг.). URL: <https://afghanistan.ru/doc/150177.html> (дата обращения: 13.06.2023).

³ Первую половину 1990-х гг. лаборатории в которых из опия-сырца делали героин находились в соседнем Пакистане в зоне племен.

⁴ Северный маршрут проходит через территорию стран Центральной Азии в Россию.

⁵ Балканский маршрут проходит через территорию Пакистана, также проходил и через территорию Ирана. Основным рынком сбыта были страны Европы.

Первый период антинаркотической политики талибов: 1996–2001 гг.

С одной стороны, в этот период талибы, не имевшие четкой экономической политики, сделали ставку на производство наркотиков и сформировали полноценную наркоиндустрию под своим относительно централизованным контролем (на местах ее, как правило, контролировали полевые командиры, платившие талибам налоги). С другой стороны, в это же время рост производства наркотиков в Афганистане стал вызывать беспокойство у международного сообщества. В это время вышло несколько резолюций СБ ООН, которые призывали талибов решить проблему наркотиков⁶. Понимая, что фактически режим является непризнанным (его признали только Пакистан, ОАЭ и Саудовская Аравия), а население страны зависит от гуманитарной помощи, талибами неоднократно делались заявления о намерениях бороться с наркопроизводством. Когда ими был взят Кандагар (1994 г.), было заявлено, что они положат конец производству и торговле наркотическими веществами⁷. Однако ДТ быстро осознало как собственную потребность в доходах от мака, так и то, что запрет на его выращивание может спровоцировать крестьянские бунты. Тогда оно начало собирать закят со всех торговцев опиумом [8, С. 165]. Вместе с тем, поскольку армия талибов состояла преимущественно из крестьян, талибские войска в большой степени зависели от поддержки земледельцев, в том числе и от самых бедных из них [6, С. 98], что, в свою очередь, способствовало росту зависимости талибов от производства наркотиков.

В этот период политика талибов по борьбе с наркотиками носила преимущественно спекулятивный характер. Заявления о борьбе с наркотической угрозой или попытки борьбы делались, только когда международное сообщество акцентировало внимание на данной проблеме и грозило лишить их гуманитарной помощи. Тем не менее они быстро обнаружили выгодные способы спекуляций, чтобы одновременно получать помощь и при этом не бороться с наркопроизводством.

Например, после шести месяцев тайных переговоров Управление ООН по наркотикам и преступности (далее УНП ООН) в октябре 1997 г.

⁶ Резолюция 1193 (1998), принятая СБ ООН на 3921-м заседании, 28 августа 1998 г. URL: <http://hrlibrary.unm.edu/resolutions/SC98/R1193SC98.html> (дата обращения: 13.06.2023); Резолюция 1214 (1998), принятая СБ ООН на 3952-м заседании, 8 декабря 1998 г. URL: <http://hrlibrary.unm.edu/resolutions/SC98/R1214SC98.html> (дата обращения 13.06.2023); Резолюция 1076 (1996), принятая СБ ООН на 3706-м заседании, 22 октября 1996 г. URL: <http://hrlibrary.unm.edu/russian/resolutions/SC96/R1076SC96.html> (дата обращения: 13.06.2023).

⁷ Производство наркотиков в Афганистане появилось еще в конце 1970-х гг., но было весьма ограничено и не привлекало сильного внимания до середины 1990-х гг. Тем более, что основным поставщиком опиатов на мировой рынок практически до 1998 г. была Мьянма.

заключило с ДТ соглашение, согласно которому талибы обязались уничтожить посевы мака, если международное сообщество даст средства на помощь крестьянам по замене его на другие культуры. Пино Арлакки, глава УНП ООН, просил у стран-доноров 25 млн долл. на десятилетнюю программу уничтожения опийного мака в районах, подконтрольных талибам [1, р. 178]. Однако данное соглашение ДТ не выполнило.

Важным переломным моментом в антинаркотической политике талибов стал 2000 г. За год до этого была принята очередная резолюция СБ ООН 1267 (1999)⁸ – поскольку предыдущие резолюции режимом талибов фактически игнорировались, она носила более жесткий характер. Уже в самых первых ее пунктах упоминалась проблема наркотиков. Кроме того, в ней отмечалось, что действия ДТ представляют собой угрозу международной безопасности. Согласно пункту 4 резолюции на талибов накладывались определенные санкции, которые существенно ограничивали их возможности получать ресурсы от международного сообщества. В результате режим ДТ оказался в международной изоляции, практически полностью лишенным поддержки извне (прежде всего гуманитарной помощи, в которой крайне остро нуждалось местное население). Теперь талибы были вынуждены выполнять условия ООН.

В 2000 г. производство наркотиков сократилось и составило 3276 т. С одной стороны, это было результатом издания муллою Омаром фетвы, запрещавшей выращивание опийного мака, с другой же – результатом засухи [7, с. 96–106].

В 2001 г. в результате строгого запрета талибов на выращивание опийного мака производство наркотиков в Афганистане достигло рекордно низкого уровня и составило всего 185 т [9, с. 78].

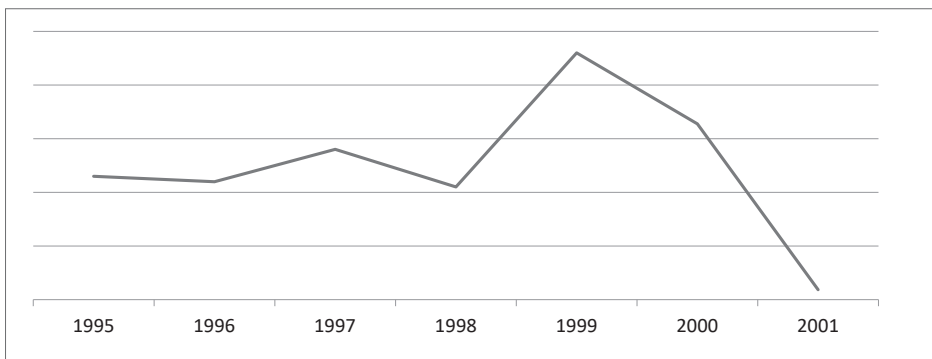

График 1. Производство наркотиков в Афганистане 1995–2001 гг.

⁸ Резолюция 1267 (1999) принята Советом Безопасности ООН на его 4051-м заседании, 15 октября 1999 г. // Университет Миннесоты. Библиотека прав человека [Электронный ресурс]. URL: <http://hrlibrary.umn.edu/russian/resolutions/SC99/R1267SC99.html> (дата обращения: 13.10.2018).

Таким образом, в этот период антинаркотической политики основной мотивацией талибов к борьбе с производством наркотиков стала угроза лишиться гуманитарной помощи от международного сообщества, а также практически полная изоляция их режима. При этом весьма часто их попытки и заявления относительно борьбы с наркобизнесом носили спекулятивный характер. Талибы пытались как сохранить доход от наркотиков, так и продолжить получать гуманитарную помощь. Попыток развивать легальную экономику ими не предпринималось.

Второй период антинаркотической политики талибов (с 2021 г. по июнь 2023 г.)

Второй период антинаркотической политики талибов связан непосредственно с их повторным приходом к власти в Афганистане в августе 2021 г., после того как их первый режим пал в 2001 г. Предшествующий этому двадцатилетний период, как было отмечено ранее, характеризовался стабильным ростом наркопроизводства. Тогда же помимо двух основных маршрутов наркотрафика сформировался и третий, так называемый Южный маршрут, позволивший охватить помимо европейского и центральноазиатского рынков наркотиков еще и африканский, азиатский и североамериканский рынки. Другой отличительной особенностью этих двадцати лет было то, что наркобизнес не находился под контролем какой-то одной конкретной группы. В него были по-прежнему вовлечены крестьяне, местные полевые командиры, а также чиновники и правительственные лица. Кроме того, этот вид нелегальной деятельности продолжил выступать одним из ключевых источников финансирования талибов.

Важно отметить, что длительное время для афганских крестьян (которые составляют основную часть населения страны) опиный мак, а позднее эфедра (из которой производят метамфетамин, который стал набирать популярность в последние 8–10 лет) являлись практически единственным средством к существованию. В 2021 г., придя к власти, талибы делали заявления о своих намерениях бороться с производством наркотиков. Это привело к панике среди местного населения, что способствовало росту цен на опиаты, так как существовал риск потенциального их дефицита или даже полного исчезновения с рынков. Двадцатью годами ранее, в 2001 г. запрет на производство и его сокращение уже повлекли за собой существенный рост цен на афганские опиаты⁹. Тем не менее в 2022 г. наркотики в Афганистане продолжали производиться,

⁹ Kennedy L., Southern N. P. How the Taliban's 'War on drugs' could backfire. URL: <https://foreign-policy.com/2023/02/01/taliban-afghanistan-drugs-war-ban-heroin-ephedra-economy/> (accessed: 06.07.2023).

и общий объем опиоя-сырца составил 6800 т несмотря на то, что талибы уже в апреле ввели запрет [2, р. 8]. При этом с конца 1990-х гг. Афганистан фактически являлся мировым монополистом в области производства наркотиков опиатной группы, производя от 84% до 95% мирового объема.

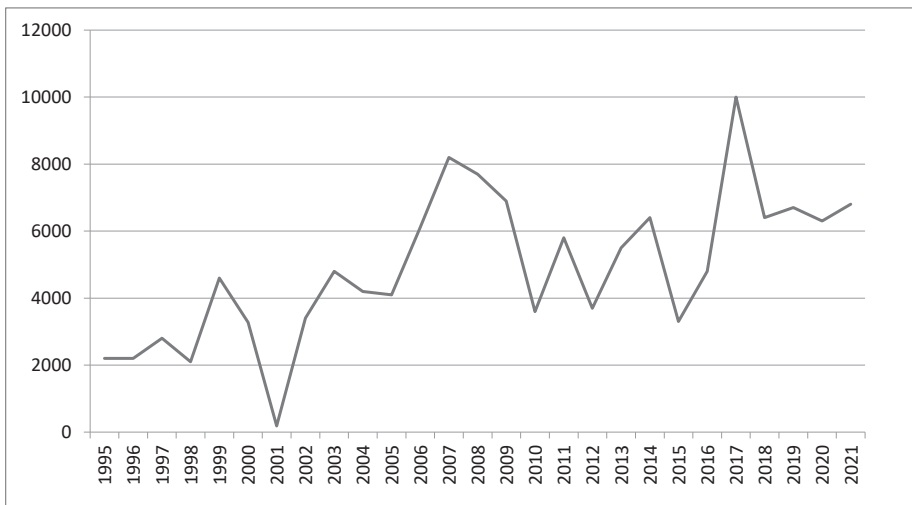

График 2. Объем произведенного в Афганистане опиоя сырца, 1995–2022 гг., т

Источник: Управление по наркотикам и преступности ООН (УНП ООН) 1996–2022 гг.

Стоит также упомянуть, в каких условиях оказался новый талибский режим в 2021 г. В отличие от первого их прихода к власти, с 2021 г. и до июня 2023 г. их не признала ни одна страна¹⁰, что означает определенную (хотя и не полную) изоляцию их режима от международного сообщества, мировых рынков, кредитов, инвестиций и другой финансовой помощи, т. е. они не имеют возможности в полной мере действовать как полноценное государство. При этом в самом Афганистане уже многие десятилетия складывалась крайне тяжелая экономическая ситуация, страна сильно зависит как от импорта, так и от экономической помощи извне, постоянно возникает угроза голода. К значимым факторам стоит также отнести и то, что в последние годы в связи с пандемией COVID-19 и на фоне украинского кризиса в мире складывается сложная экономическая ситуация. В свою очередь, это приводит к тому, что возможности поставлять гуманитарную помощь у более развитых стран сокращаются.

Помимо того, с 2021 г. по 2023 г. на территории страны продолжили действовать и террористические организации, в частности ИГИЛ (запре-

¹⁰ Тем не менее талибам удалось установить дипломатические отношения с Россией, Китаем, Пакистаном, Ираном, Турцией, Саудовской Аравией, Киргизией, Туркменистаном, Узбекистаном, Катаром.

щена в РФ), которые совершали террористические атаки на этноконфессиональные меньшинства (апрель 2022 г. – теракты в шиитских мечетях) и представителей других государств (теракт у посольства России 5 сентября 2022 г., а также в декабре 2022 г. у посольства Пакистана в Кабуле). В 2023 г. на территории Афганистана было совершено несколько терактов, направленных против талибов¹¹.

Все это крайне негативно сказывалось на положении талибов и не способствовало росту доверия к их режиму со стороны других государств. В целом можно сказать, что талибам не удается в полной мере обеспечить безопасность на своей территории и решить проблему терроризма. То есть они не смогли выполнить обещание, связанное с тем, что с территории Афганистана не будет исходить террористической угрозы.

Тем не менее в течение почти двух лет своего существования режим талибов демонстрирует относительную устойчивость. Талибам удалось установить контроль над всей территорией страны, тогда как в 1990-е гг. они не могли контролировать некоторые районы на севере. У них, судя по всему, есть желание превратить Афганистан в своеобразный «торговый перекресток» Азии, что, в свою очередь, диктует необходимость налаживания торговых связей со странами Центральной и Южной Азии¹². Кроме того, талибы крайне заинтересованы в разработке месторождений столь важных сегодня металлов, как литий и медь, которыми богат Афганистан¹³, однако, учитывая отсутствие инфраструктуры, недостаток квалифицированной рабочей силы и капитала, совершенно очевидно, что в данном вопросе без внешней помощи им не обойтись. Наконец, можно сказать, что в отличие от 1990-х гг., когда ими было провозглашено строительство исламской экономики без чёткого понимания того, как проводить экономическую политику, сегодня у них уже есть представление о том, как выстраивать внешнеэкономические связи.

Однако в сложившейся ситуации наличие таких взаимосвязанных элементов, как наркобизнес и террористическая угроза, делает реализацию экономических проектов весьма затруднительной. Таким образом, в отличие от 1990-х гг., когда ключевым фактором борьбы с наркопроизводством был внешний – давление международного сообщества,

¹¹ В провинции Афганистана прогремел взрыв у офиса по борьбе с наркотиками. URL: <https://iz.ru/1524815/2023-06-07/v-provintcii-afganistana-progremel-vzryv-u-ofisa-po-borbe-s-narkotikami> (дата обращения: 08.06.2023).

¹² Конаровский М. А., Белков Е. А., Зимин И. А. Афганистан: вызовы и перспективы. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/afganistan-vyzovy-i-perspektivy/> (дата обращения: 1.07.2023).

¹³ Afghan needs, global priorities, and the treasures of Mes Aynak. URL: <https://www.aljazeera.com/opinions/2022/11/17/afghan-needs-global-priorities-and-the-treasures-of-mes-aynak> (accessed: 13.06.2023).

сегодня к нему добавился и внутренний – стремление развивать экономические проекты.

В апреле 2022 г. талибы ввели запрет на культивирование опийного мака и производство опия. При этом в источниках отмечается, что согласно снимкам со спутников, площадь посевов в провинции Гильменд (на нее приходится до половины посевов опийного мака) сократилась со 120 тыс. га в 2022 г. до 1 тыс. га к лету 2023 г. Подобное сокращение площади посевов даже на примере только одной этой провинции может говорить о серьезных успехах в борьбе с наркопроизводством. Отмечается также, что практически вся площадь посевов опийного мака замещена посевами пшеницы. В некоторых провинциях (Нангархар) сохраняются незначительные очаги, засеянные опийным маком. При этом в других провинциях на северо-востоке страны, таких как Бадахшан¹⁴, посевы не только сохраняются, но, возможно, и немного увеличиваются¹⁵.

Стоит также отметить, в каких условиях ДТ вводило запрет на опий на этот раз. Талибы до сих пор не выполнили многое из обещаний мирного процесса в Дохе. При этом их руководство решило объявить о запрете на опий в тот момент, когда оно отозвало свое согласие на возобновление работы школ для девочек. Поскольку женский вопрос является одним из самых сложных для талибов и именно из-за него они постоянно получают критику со стороны международного сообщества, запрет на опий отчасти напоминает отвлекающий маневр.

Другой важной составляющей этого запрета является то, в какой период сельскохозяйственного сезона он был введен. Согласно данным УНП ООН, большая часть урожая опия 2023 г. должна была быть засеяна в ноябре 2022 г. [2, р. 2]. При этом обычно мак сеют в октябре-ноябре, к весне растения начинают цвести, урожай можно начинать собирать в мае, хотя основную его массу получают летом и в начале осени. Вдобавок к этому есть и яровые посевы опийного мака, которые сажают ранней весной, получая урожай в конце лета. За сезон в среднем собирают два-три урожая опийного мака.

Поскольку урожай 2022 г. был посажен за пять месяцев до того, как Хайбатулла объявил о запрете на наркотики (выращивание мака и производство)¹⁶, критика расширения площадей посевов мака в 2022 г. на 32% по сравнению с 2021 г. в данном случае оказывалась нерелевантна – запрет фактически мог распространяться лишь на урожай 2023 г.

¹⁴ Изначально основное наркопроизводство в 1980–1990-е гг. было сконцентрировано в провинции Бадахшан.

¹⁵ Mansfield D. The Taliban drugs ban. URL: <https://www.alcis.org/post/taliban-drugs-ban> (accessed: 12.06.2023).

¹⁶ Ibid.

Впрочем, усилия талибов по запрету культивирования мака начались весной 2022 г., сразу после объявления запрета. В частности, были уничтожены недавно высаженные яровые посевы на юге и юго-западе страны. При этом власти не полностью уничтожили урожай, посаженный осенью 2021 г., до сбора которого оставалось одна или две недели, поскольку это спровоцировало бы массовые беспорядки, учитывая, сколько ресурсов и сил вложили крестьяне в свои посевы мака¹⁷.

Начатые действия по борьбе с наркопроизводством способствовали росту цен на опий. Так к ноябрю 2022 г. цены выросли до 360 долл. за 1 кг на юге и юго-западе и до 475 долл. за 1 кг на востоке страны. Эти показатели в три раза больше, чем в аналогичный период в 2021 г.¹⁸ Можно сделать предположение, что подобная ситуация побудила крестьян начать посев осенью, мотивируя их более высокими доходами. Однако ситуация развивалась несколько иначе. Из-за возросшего риска ареста и уничтожения урожая, а также благодаря запасам, сделанным в 2022 г. и растущим ценам многие предпочли не сажать мак¹⁹. В наиболее выгодном положении оказались крестьяне, обладавшие большой земельной собственностью и те, кто делал запасы своего урожая. Ясно, что крестьяне, которые не сажали мак в ноябре 2022 г., рассчитывали на то, что они получат сверхприбыль в 2023 г. из-за ограниченности предложения (а спрос на внешних рынках на афганский опий остаётся неизменным), продав запасы, сделанные ранее. Подобная ситуация складывалась преимущественно на юге и юго-западе Афганистана.

В 2022 г. в таких провинциях как Нангархар и Бахшан особых усилий по борьбе с посадками мака не предпринималось. Однако в этих районах не такие плодородные почвы, как на юге страны, и хуже развита система орошения. Мак наиболее плотно возделывался на востоке и северо-востоке страны²⁰.

Особенностью борьбы с наркопроизводством в 2023 г. стало то, что талибы начинали уничтожать посевы опийного мака, как правило, сразу после его высадки. Они делали это в тех областях, где отмечалось сокращение посевов в результате того, что крестьяне осенью не стали сажать новый урожай (так как у них были запасы)²¹. При этом, если бы талибы начали уничтожать посевы опийного мака непосредственно перед началом сбора урожая, это бы вызвало массовое недовольство крестьян.

¹⁷ Mansfield D. The Taliban drugs ban.

¹⁸ Ibid.

¹⁹ Ibid.

²⁰ Ibid.

²¹ Ibid.

Тем не менее, в данном сезоне уровень выращивания опийного мака крайне низкий.

Впрочем, важно подчеркнуть, что европейский рынок наркотиков не столкнётся с дефицитом предложения афганских опиатов в ближайшее время. Несмотря на то, что цены на опий в Афганистане были в 2022 г. самыми высокими за 20 лет, с декабря 2022 г. они начали падать, что свидетельствовало о наличии значительных запасов, особенно на юге страны²².

Стоит отметить, что есть некоторые ограничения на торговлю наркотиками. Опий, выращенный до введения запрета Хайбатуллы, по-прежнему продаётся, а изъятия его не только в соседних с Афганистаном странах свидетельствуют о продолжающихся поставках как опиатов, так и метамфетамина. В марте 2023 г. талибы даже отменили формальный налог, который был ими введен на экспорт опиатов с момента прихода к власти, что снизило транзакционные издержки при трансграничной торговле²³.

От запрета на опий сегодня выигрывают в основном крестьяне, которые обладают большими земельными ресурсами. При этом наркоиндустрия обеспечивала работой большой процент малоземельных или безземельных крестьян, для которых работа на маковых полях была единственным средством к существованию. Выращивание традиционных сельскохозяйственных культур, таких как пшеница, арахис, дыни, гранаты, хлопок, может прокормить обычных крестьян. Но доход от этих видов сельскохозяйственной продукции не сможет покрыть расходы крестьян в случае болезни родственника, свадьбы, покупки мотоцикла, строительства колодца и т. п. В данном случае крайне уязвимыми в краткосрочной перспективе оказываются малоземельные и безземельные крестьяне, которых в стране большинство.

Заключение

Если сравнивать антинаркотическую политику талибов в 1990-е гг. и на современном этапе, то прежде всего стоит отметить, что сегодняшний режим талибов находится в совершенно другом положении. Несмотря на отсутствие официального признания со стороны других государств талибы сегодня более интегрированы в международную систему отношений. На данный момент они полностью контролируют территорию страны (но обеспечить полную ее безопасность пока у них не получается), и в целом текущий режим выглядит устойчивым.

²² Ibid.

²³ Ibid.

Схожим для ввода запрета на опий как в 2000–2001 гг., так и на сегодняшний день является давление со стороны международного сообщества, хотя его характер за 20 лет и изменился. Если в первый период издавались декларации СБ ООН, режим талибов находился в международной изоляции и был менее устойчивым (связи с той же Аль-Каидой (запрещена в РФ) и зависимость от получаемого от нее финансирования, невозможность осуществить контроль над всей страной), то на сегодняшний день талибы осуществляют контроль над всей территорией страны, и несмотря на то, что их режим никем не признан, с ними все равно взаимодействуют другие государства. Если в первом случае запрет на опий вводился под угрозой лишиться гуманитарной помощи, то сегодня он вводится при наличии желания развивать экономические проекты и впервые интегрировать страну в легальную мировую экономическую систему. Немаловажно отметить и тот факт, что у международного сообщества нет доверия к талибам, так как на протяжении длительного времени они зачастую свои обещания не выполняли. Борьба с наркобизнесом, а тем более явный результат может существенно помочь им улучшить свой имидж и сформировать доверие к себе со стороны партнеров.

Кроме того, борясь с наркобизнесом, они борются и с терроризмом, лишая его одного из источников финансирования.

Тем не менее, как в первом, так и во втором случае талибы допустили одну и ту же ошибку. Крестьянам не было предложено равнозначной альтернативы опиюному маку. При этом, учитывая особенности системы землевладения (которая в упрощённом сравнении напоминает европейскую в период Средних веков) и проблемы земельной реформы, а также ограниченность водных ресурсов, традиционные сельскохозяйственные культуры не могут стать равнозначной альтернативой опиюному маку.

Выше было отмечено, как и при каких условиях осуществлялась антинаркотическая политика талибов в этот раз. Совершенно очевидно, что они не лишили полностью афганское население выгод, которые дает опий. Сегодняшняя антинаркотическая политика талибов выглядит более продуманной и прагматичной, чем она была в 1990-е гг.

Но к текущим успехам талибов по борьбе с наркопроизводством стоит относиться с осторожным оптимизмом. Эта борьба по-прежнему имеет серьёзные недочёты, и талибы до сих пор не оправдали доверия. О существенных успехах в области борьбы с наркотиками в Афганистане можно будет говорить только весной–летом 2024 г., когда выяснится, что в ноябре в ноябре 2023 г. опиный мак в стране не сажали. Таким образом запрет на культивирование опиного мака будет продлён на второй сезон и будет соблюдаться местным населением.

Литература / References

1. Neamatollah Nojumi The rise of the Taliban in Afghanistan. Mass mobilization, civil war and the Future of the region. P. 171.
2. Opium cultivation in Afghanistan 2022. Latest findings and emerging threats / UNODC, Vienna, 2022. P. 2.
3. World drug report 2008. New York, Vienna, 2009. P. 227.
4. World drug report 2017. Market analysis of plant-based drugs (opiates, cocaine, cannabis). New York, Vienna, 2018. P. 20.
5. World drug report 2018–2022. New York, Vienna, 2019–2023.
6. Белокреницкий В. Я., Сикоев Р. Р. Движение Талибан и перспективы Афганистан и Пакистана. М., 2014. С. 98.
7. Лалетин Ю. П. Производство наркотиков в Афганистане // Ближний Восток и современность. Вып. 18. М., 2003. С. 96–106.
8. Рашид А. Талибан. Ислам, нефть и новая Большая Игра в Центральной Азии. М., 2003. С. 165.
9. Степанова Е. А. Роль наркобизнеса в политэкономии конфликтов и терроризма. М., 2005. С. 78.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Митрофаненкова Ольга Евгеньевна – **Mitrofanenkova Olga E.** – PhD (Hist.), канд. ист. наук, научный сотрудник scientific researcher, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Science, Moscow, Russian Federation
ЦИС БСВ, Институт востоковедения
Российской академии наук, Москва, Россия

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 08.09.2023.

Одобрена после рецензирования и принята к публикации: 22.09.2023.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Article info

Submitted: 08.09.2023.

Approved after peer reviewing and accepted for publication: 22.09.2023.

The author has read and approved the final manuscript.

Научная статья. Экономические науки
УДК 332.13
<https://doi.org/10.31696/2227-5568-2023-04-114-137>

ПОЛИТЭКОНОМИЯ ЙЕМЕНСКОГО ВОЕННОГО КОНФЛИКТА: ВЛИЯНИЕ ПРОЦЕССОВ ДЕЗИНТЕГРАЦИИ И КОНСОЛИДАЦИИ ВЛАСТИ НА ТИПЫ ХОЗЯЙСТВЕННЫХ КОМПЛЕКСОВ

Сергей Николаевич Серебров

Институт востоковедения РАН, Москва, Россия,
s.serebrov@ivran.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4188-5039>

Аннотация. Вступление в 2023 г. в девятый год йеменского военного конфликта с участием арабской коалиции (АК) сопровождалось переходом его на качественно новый этап – движения в сторону фиксации фрагментации Йемена и легитимации нескольких враждебных центров политического влияния (ЦПВ). Этот разворот был подготовлен дезинтеграционными процессами в экономике, усилившимися с начала войны. Дана характеристика политэкономической динамики кризиса в двух сегментах зоны конфликта – южном, занимающим около 70% площади страны и формально контролируемом международно-признанным правительством Йемена (МПП), и Санским альянсом (СА) во главе с хуситским движением Ансарулла, контролирующим около 70% населения Йемена. Показана роль дихотомии саудовского и эмиратского флангов АК в поддержании хаоса и экономического упадка в южном сегменте и влияние консолидации власти СА на функционирование разрушенной и частично уничтоженной войной экономики в северном сегменте. Элементы принципиально разных типов хозяйственных комплексов – зависимой от АК модели на Юге и мобилизационной, максимально ориентированной на внутренние ресурсы – на Севере сочетаются в них с общими трендами образования обширных теневых зон выживания социума в экстремальных условиях гуманитарной катастрофы. Активизация процесса дезинтеграции Йемена в 2022–23 гг. в условиях продолжающегося военного вмешательства извне усилила роль борьбы за экономические ресурсы Йемена как со стороны внутренних, так и со стороны иностранных претендентов на влияние в этой стране.

Ключевые слова: Йеменский военный конфликт, хуситы, конфликтная экономика, типы хозяйственных комплексов, хаваля, центральный банк Йемена, Ходейда

Для цитирования: Серебров С. Н. Политэкономия йеменского военного конфликта: влияние процессов дезинтеграции и консолидации власти на типы хозяйственных комплексов. *Восточная аналитика*. 2023;14(4):114-137. <https://doi.org/10.31696/2227-5568-2023-04-114-137>

Original article. Economics studies

THE POLITICAL ECONOMY OF YEMEN'S MILITARY CONFLICT: THE IMPACT OF POWER DISINTEGRATION AND CONSOLIDATION ON TYPES OF ECONOMIC COMPLEXES

Sergey N. Serebrov

Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia,
s.serebrov@ivran.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4188-5039>

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-ShareAlike 4.0 International (CC BY-SA 4.0).

Abstract. Entering its ninth year in 2023, the Yemeni military conflict involving the Arab coalition was accompanied by its transition into a qualitatively new phase – its movement towards fixing Yemen's fragmentation and legitimizing several hostile centers of political influence. This reversal was prepared by the disintegration processes in the economy, which intensified since the beginning of the war. The paper characterizes the political and economic dynamics of the crisis in two segments of the conflict zone – the southern one, which occupies about 70% of the country's area and formally controlled by the internationally recognized government of Yemen and the Sana'a Alliance (SA) led by the Ansarullah Houthi movement, which controls about 70% of the Yemeni population. It articulates the role of the dichotomy between the Saudi and Emirati flanks of the Coalition in maintaining chaos and economic decline in the southern segment and the impact of the consolidation of SA power on the functioning of the war-torn and partly destroyed economy in the northern segment. Elements of fundamentally different types of economic complexes – the Coalition-dependent model in the South and the mobilization model maximally oriented on internal resources – in the North are combined in them with common trends in the formation of vast shadow zones of social survival in the extreme conditions of the humanitarian catastrophe. The intensification of the process of Yemen's disintegration in 2022–23 in the context of continuing foreign military intervention has intensified the role of the struggle for Yemen's economic resources by both domestic and outside claimants for influence in the country.

Keywords: Yemeni military conflict, Houthis, conflict economy, types of economic complexes, hawwali, Yemeni central bank, Hodeida

For citation: Serebrov S. N. The Political Economy of Yemen's Military Conflict: The Impact of Power Disintegration and Consolidation on Types of Economic Complexes. *Eastern Analytics*. 2023;14(4):114–137. (In Russ.) <https://doi.org/10.31696/2227–5568-2023-04-114-137>

Эволюция политэкономии йеменского военного конфликта после начала операции «Буря решимости» в марте 2015 определялась динамикой военной кампании, ростом дезинтеграции между конкурирующими йеменскими центрами политического влияния (ЦПВ), расколом арабской коалиции (АК) на два конкурирующих лагеря во главе с обоими участниками операции – КСА и ОАЭ, прогрессирующим включением в инструментарий гибридной войны экономических и монетарных методов. Тяжелое исходное (на момент начала войны) экономическое положение Йемена характеризовалось потерей около 15% ВВП за период 2011–2015 гг. в результате событий «йеменской весны», вызвавших падение добычи и экспорта нефти и газа из-за актов саботажа. Высокая зависимость Йемена от импорта базовых продовольственных товаров, державшаяся последние три десятилетия на уровне свыше 80%, особенно болезненно сказалась на гуманитарном положении всего населения страны после введения командованием АК режима блокады Йемена в марте 2015 г. Все это обусловило быстрое наступление там самой масштабной гуманитарной катастрофы на планете. «Начало конфликта в марте 2015 г., – отмечено в докладе Всемирного банка, – повлекло немедленное начало

Контент доступен под лицензией Creative Commons «Attribution-ShareAlike» («Атрибуция-СохранениеУсловий») 4.0 Всемирная.

гуманитарного бедствия с охватом 65% населения очень плохого или пограничного уровня потребления к ноябрю 2016» [Eliana Favari 2023, p. 4]. К концу 2021 г. число смертей в зоне конфликта оценивалось в 377 тыс. чел., в т. ч. 70% – детей до 5 лет, 15,6 млн человек находилось в состоянии экстремальной бедности, а потери ВВП составили 126 млрд долл. [Taylor Hanna 2021, p. 44], что соответствовало уже потери около 40% ВВП от предвоенного уровня. К 2023 г. социальное бедствие охватило более 24 млн йеменцев – [24 million Yemenis... 11.01.2021].

Принципиально разное восприятие политической природы йеменского кризиса внутри страны и в международном дискурсе зародило явный политологический диссонанс, ускоривший дивергенцию всех йеменских политических акторов, в т. ч. оказавшихся вне рамок официального конструкта кризиса, принятого ООН. Не попавшие в бинарное поле конструкта резолюции СБ ООН 2216 (апрель 2015), признавшей лишь одну из осей кризиса в виде гражданской войны между международно-признанным правительством (МПП) и хуситами (движением Ансарулла), йеменские претенденты на власть стали активно продвигать свои интересы в пику признанным лидерам обоих полюсов. Сведение роли мощной АК во главе с КСА и с активным участием ОАЭ в Йемене к поддержке МПП только усложняло адекватное понимание сути кризиса в международном пространстве и вызывало недоверие внутри страны.

Редуцирование его параметров к бинарной схеме сильно тормозило миротворческую роль миссии ООН и стимулировало появление обходных треков, пытавшихся компенсировать однобокость существующей нормативной базы, чтобы сдвинуть мирный процесс с мертвой точки, в которой он де-факто пребывает все восемь лет войны. Таковым, например, является «оманский трек» прямых контактов КСА с Саной, который помог в апреле 2022 г. установить и поддерживать при номинальной роли ООН режим деэскалации конфликта, организовать обмен пленными и в 2023 г. начать прямые переговоры на уровне официальных делегаций. Тем не менее общая ситуация в Йемене остается далекой от нормализации. Без внесения корректировок в упомянутую платформу ООН ситуация останется взрывоопасной. Сохранится угроза гуманитарного коллапса в Йемене и нового разворота конфликта как в региональную, так и внутрийеменскую плоскость. Особенно амбивалентной выглядит роль сохраняющегося иностранного присутствия в Йемене, которое при известной стратегической важности географического положения страны на ключевом отрезке морского пути из Азии в Европу генерирует, помимо прочего, риски вовлечения в конфликт и других иностранных претендентов на влияние в этой точке Аравии.

Материалами для статьи служили публикации ООН, доклады Crisis Group, UNDP, WB, независимых аналитических центров и йеменских периодических изданий.

Целью статьи является обзор факторов, влияющих на политэкономические процессы в обеих частях расколотовой войной страны, как-то: политическая и военная динамика, гуманитарные факторы, методы экономической войны, роль центральных институтов, роль идеологии и др. Первостепенную роль играет политическая динамика в зоне конфликта, без понимания которой невозможно объяснить состояние перманентного кризиса у одних участников конфликта, в т. ч. имеющих почти неограниченную поддержку извне и неожиданного успеха у других, находящихся по всем объективным показателям в гораздо менее благоприятных, даже почти безнадежных по сравнению с первыми, условиях. Главным критерием успеха в условиях военного конфликта является положение на фронтах, но и за ним всегда стоит политэкономическая обстановка, способность акторов к адаптации и мобилизации ресурсов в предельно экстремальных обстоятельствах, которая, собственно, и определяется сложной комбинацией материальных, социальных и социокультурных факторов.

Одной из главных ловушек йеменского конфликта было ясное априорное осознание наблюдателями несопоставимости военных и финансовых потенциалов враждующих сторон – АК и хуситов. Допущенные на этом этапе просчеты оказали долгосрочное влияние на всех участников конфликта и его внешних наблюдателей. Кажущаяся ясность с победителем негативно отразилась и на упоминавшихся выше формулировках нормативных документов СБ ООН, которые со временем превратились в тормоз, а не инструмент урегулирования, заранее определив искомый результат – капитуляцию хуситов.

Уже к маю 2015 г. на авансцену кризиса начали выходить неучтенные факторы «мягкой силы» – идеология, отношение самих йеменцев к вопросу о легитимности той или иной власти, у каких акторов было больше прав на звание государственных, а у каких его в действительности не было, даже наличие воли к реализации тех или иных целей. Они стали решающей силой определения вектора развития кризиса, результаты которого мы имеем возможность наблюдать спустя восемь лет войны.

С самого начала проявилась яркая особенность йеменского конфликта. Все разрозненные длительной взаимной конфронтацией йеменские акторы, включая выбравших сторону МПП и АК, по существу, дали асимметричный ответ на иностранное военное вмешательство, в конечном итоге спутав планы командования. Стремление попасть в лагерь АК среди противников Ансарулла и ВНК оказалось никак не связанным с поддержкой президента А. М. Хади и МПП – с одной стороны, а военная угроза в адрес хуси-

тов, выделенных в резолюции ООН из состава альянса в роли главного врага мощной коалиции, не привела к распаду политического альянса, выбравшего роль защитника Йемена от внешнего врага.

Также важную роль играла эволюция массового сознания и настроений йеменцев, оказавшихся в силу избранной командованием АК тактики войны либо в одной, «дружественной» АК зоне, либо в другой, объявленной «враждебной». Одна часть в обмен на лояльность МПП получала возможность пользоваться благами от поддержки АК президента А. М. Хади, а на другую обрушились воздушные удары, вся тяжесть экономической блокады и другие экстремальные экзистенциальные риски. Первая часть, находясь в выигрышном положении, доверилась своим лидерам, опекунами которых стали региональные участники кампании. Вторая часть жителей искала опору в сохранении имевшихся государственных институтов, максимальном использовании традиционных регулятивных механизмов, которые сохраняли прежде всего составлявшие большинство населения племена. Борьба за сердца и умы городского населения контролируемых территорий и обладавших полуавтономными силовыми возможностями племен со стороны альянса, одержавшего в 2014 г. верх над партией Ислах, в составе хуситского движения Ансарулла и ядра партии власти ВНК во главе с бывшим президентом А. А. Салехом была выиграна уже в первые недели войны. Стороны альянса отложили в сторону все глубокие внутренние противоречия и сконцентрировались на удержании контроля. Военная операция АК была позиционирована ими как агрессия, направляемая из США и Англии с целью порабощения Йемена. Трудно переоценить роль исторической памяти в этом контексте. Избранная ими стратегия помогла сформировать аксиологический шаблон, с помощью которого новый режим в Санае обеспечил себе верховенство на все последующие годы.

Разницу в оценках текущего положения жителей первой и второй части расколотой страны можно проиллюстрировать сравнением восприятия ими социально-экономических тягот, которые обрушились на них с марта 2015 г. Фиксируемое социологическими исследованиями примерное равенство уровней показателей нищеты (выше 70%) в одном случае рассматривалось как провал МПП и недоработка командования АК, а в другом – как почти чудесное достижение членов СА. Эта пропасть в самооценках имеет прямое отношение и к текущему положению, которое характеризуется угрозой ретроградного отката от упомянутого выше движения к завершению войны, обязанного «оманскому треку» к замораживанию или новому всплеску эскалации. Упомянутые настроения северной и южной частей страны составляют основу для их кардинально разных ожиданий, связанных с перспективой прекращения войны: одни

(«южане») не видят в состоянии войны главную причину своего бедствия, сталкиваясь ежедневно с подтверждением мнения о том, что их исток служат политическая возня и связанный с ней хаос, расшатанная и неэффективная работа органов власти, отсутствие стабильности и деятельность банд и террористов; другие («северяне»), наоборот, верят что именно конец войны принесет им быстрое восстановление экономики и рост благосостояния, поскольку действующий у них ЦПВ в лице созданного СА режима власти государственного типа доказал свою эффективность в почти безвыходной ситуации.

Невозможно представить, что отмеченная разница в оценках своего положения может принести какие либо выгоды СА в случае запуска диалога на территориях, лояльных АК и контролируемых другими ЦПВ. Это крайне маловероятно. Наш вывод состоит в ином: неуверенность «южан» в своих ЦПВ, входящих в структуры МПП, порождает у политических вождей неуверенность в способности удержать свой статус в случае сокращения уровня поддержки со стороны своих иностранных патронов, без которой они не смогли бы достигнуть имеющегося теперь влияния. У них не накопилось достаточного опыта управления, а все надежды на будущее так или иначе связаны с некими вариантами зависимой модели развития, в которой их социальная база поддержки успела разочароваться за годы войны. Это обстоятельство необходимо учитывать при переходе к проектам созыва национального диалога в йеменском формате, который по мнению большинства экспертов только и может стать мостом к устойчивому миру в Йемене. Вероятно, надо отметить, что никакой победы какого бы то ни было актора над другими в качестве монопольного претендента на власть в Йемене в силу пылающего там конфликта идентичностей быть в принципе не может, что означает либо движение к созданию составного государства, либо к его фрагментации.

Приоритет прекращения войны у жителей северной части Йемена, где проживает 3/4 населения страны, с одной стороны, и первостепенный запрос у жителей южной части, которая занимает около 70% площади Йемена, на эффективную власть и правительство, способное устранить дефицит продовольствия, электроэнергии и топлива, восстановить работу государственной сферы услуг, включая образование, здравоохранение и безопасность, составляют вместе важный источник движения к урегулированию, который остается не раскрытым в обстановке нагнетаемой сторонами враждебности друг к другу по идеологическим, политическим, религиозным и прочим мотивам.

На ситуацию в Йемене сильное влияние оказал факт проживания переходного президента А. М. Хади с первого дня войны в изгнании во главе всего правительства на территории соседнего королевства – в Эр-Рияде.

Причины абсентеизма в условиях, когда ок. 70% территории Йемена оставались свободными от хуситов всю войну, было невозможно понять из официального концепта кризиса. Вакуум власти и упадок всех государственных служб на территории лояльной АК работал против МПП. Объявленный временной столицей государства город Аден в августе 2019 г. был окончательно захвачен силами Южного переходного совета (ЮПС) из эмиратского фланга АК, заявившего о своих притязаниях на вывод Юга в границах НДРЙ из состава Йемена. Это событие подтолкнуло становление на Юге (как стали называть территорию Южного Йемена сами лидеры ЮПС, опуская этноним «йемен») параллельной конкурирующей, по сути, квази-государственной структуры власти, которая, действуя в тени официального правительства (в Эр-Рияде) пыталась распространить свое влияние на всю территорию бывшей НДРЙ, но столкнулась с сильной оппозицией, также получавшей поддержку извне. В результате ни официальная, ни параллельная «южная» структура, именующая себя «хукума», так и не вышли из зачаточного состояния в институциональном отношении и не смогли содействовать улучшению положения населения.

Появление в зоне АК сначала двух, а затем и большего числа параллельных политических и управленческих структур власти, обладавших собственными политическими программами и солидными военными потенциалами, вело к фрагментации территории, лояльной АК, оставляя границы фрагментов подвижными и размытыми. Кроме локальных официальных административных органов в них действовали многочисленные военные, негосударственные и племенные структуры, оспаривающие властные права ЦПВ. Население было предоставлено во многом самому себе в поисках борьбы за выживание.

Главной осью противоборства на уровне всего конгломерата МПП выступила исламистская партия Ислах, связанная с БМ (организацией «Братья-мусульмане», запрещенной в России). Первоначально именно ее сделали ядром МПП, находившимся по этой причине безвыездно в Эр-Рияде (партия Ислах была крайне непопулярна на Юге). К весне 2023 г. в лагере йеменских акторов АК сложилось уже как минимум четыре устойчивые группировки, имевшие конкретные притязания на власть: 1) во главе с партией Ислах (составляющей традиционное ядро МПП), к которой примыкают также и структуры действующего президента, председателя Руководящего президентского совета (РПС) Рашада аль-Алими (они образуют костяк саудовского фланга АК); 2) ЮПС во главе с генералом Эйдарусом аз-Зубейди (южнотийменское сепаратистское движение), и 3) Политсовет Национального сопротивления (ПНС) во главе с племянником бывшего президента А. А. Салеха, генералом Тариком М. Салехом. Структуры 2 и 3 входят в эмиратский фланг, категорически настроенный

против признания лидерства партии Ислах. Четвертый ЦПВ не имеет пока единой структурной единицы, он представляет стоящий особо Хадрамаут – провинцию, занимающую около 40% площади всей страны и обладающую 70–80% ее нефтяных запасов. На данном этапе Хадрамаут выступает в двойном амплуа: в качестве растущего партикуляристского южнойеменского субъекта политической сцены и в роли объекта геополитического соперничества КСА и ОАЭ, видящих в нем ключ к своему успеху. Возможности Хадрамаута позволяют ему выступать как претендентом на самостоятельность и суверенитет, так и кандидатом на роль приемлемого для всех йеменских ЦПВ социально-политического ядра всего будущего здания йеменской государственности.

Впрочем, каждый ЦПВ в составе лагеря АК при благоприятных условиях может претендовать на субъектность, имея значительные потенциалы и кардинально разное видение политических перспектив Йемена. Партия Ислах стремится вернуть себе статус второй или даже ведущей партии Йемена в борьбе с главными конкурентами как в составе СА, так и в блоке ЦПВ, входящих в лагерь АК. ЮПС добивается признания права Юга на самоопределение, чтобы выйти из состава Йемена. Лидер ПСНС пытается консолидировать свою власть в провинции Таиз и в Тихаме, чтобы оттуда начать борьбу за реанимацию единства ВНК, созданного его дядей президента А. А. Салехом в 1982 г., но уже без опоры на партию Ислах, которая в 2011 г. примкнула к исламистскому флангу оппозиции и была заподозрена в организации покушения на жизнь президента.

Политическая динамика на другом полюсе конфликта, представленном СА, в ходе войны характеризовалась мощным движением к консолидации на платформе сопротивления военной интервенции сил АК под лозунгом защиты суверенитета Йемена. После краха кувейтских переговоров в 2016 г. в Санае возникло коалиционное правительство национального спасения, в котором оба участника получили равные квоты. Это позволило партнерам эффективно восстановить государственные институты власти, предусмотренные конституцией страны. Оставаясь в глазах мирового сообщества нелегитимной, мятежной стороной и мишенью военного конфликта, режим Саны получил поддержку большинства населения страны и доказал свою устойчивость. Ведущая идеология обоих членов альянса – защита отечества от иностранной агрессии – помогла режиму избежать раскола после трагической гибели лидера ВНК А. А. Салеха в декабре 2017 г. Способность лидеров ВНК и Ансарулла отложить все разделявшие их разногласия для консолидации режима государственного типа позволила ему наращивать влияние среди населения и доказывать ему свои успехи на военных фронтах. В зоне контроля СА за годы войны сложилась принципиально новая идеологическая атмос-

сфера, основанная на хусизме – одной из укорененных в йеменской культурной почве исламистских идеологий новой волны, отличающейся формированием у мусульман глубокой враждебности по отношению к США и Израилю, которых лидеры Ансарулла называют главными действующими в данное время вселенскими врагами ислама.

За политэкономическими успехами СА лежит весь революционный опыт идеологического лидерства движения Ансарулла и консервативный административный опыт, накопленный ВНК за тридцатилетний период пребывания у власти. Правительство национального спасения во главе с выходцем из НДРЙ премьером Абдулазизом бин Хабтуром (от ВНК) сумело создать централизованную модель управления экономикой, позволившую обеспечить контроль за сбором и распределением ресурсов в интересах достижения указанной выше главной цели режима. Это обеспечило ему признание большинства населения страны и несомненно первостепенное место в политическом процессе при любом сценарии урегулирования йеменского конфликта. Оба участника СА выступают за сохранение единства Йемена и созыв национального диалога в йеменском формате для решения спорных проблем. Свой весьма цельный взгляд на национальное урегулирование и строительство современного (в плане демократии и плюрализма) государства было изложено ими в Национальной концепции (ар-руйят аль-ватанийя), опубликованной 26 марта 2019 г.

Экономическая ось политического раскола всех ЦПВ лежит в установлении контроля над ресурсами, прежде всего нефтегазовыми месторождениями, сосредоточенными в трех провинциях – Марибе (северный Йемен), Шабве (южный Йемен) и Хадрамауте (восток южного Йемена); над морскими портами Аравийского и Красного морей, связанными с ними объектами инфраструктуры (дорогами, трубопроводами, промышленными предприятиями и терминалами), а также крупными городами – центрами торговли, предпринимательства и источниками налоговых поступлений. Вступление конфликта в апреле 2022 г. в фазу военной дэскалации оживило политическое соперничество между йеменскими ЦПВ, которые по-разному реагируют на успехи непризнанного режима в Санае, но солидарно проявляют опасения уступить ему пальму первенства в случае запуска инклюзивного йеменского политического диалога, к которому призывает их миссия ООН, чтобы добиться урегулирования кризиса в йеменском формате. Состояние «ни войны, ни мира» не остановило процесс усугубления гуманитарной катастрофы и не стало временем подготовки йеменских акторов к выработке формулы для достижения консенсуса. Точно также прошедший после апреля 2022 г. период деятельности президента Рашада аль-Алими во главе РПС с участием в нем семи членов, включая всех лидеров ЦПВ в ранге вице-президентов

тов Йемена, не придало единства и эффективности законному правительству, которое сталкивается с растущими протестами жителей всех контролируемых им регионов страны.

Политэкономика конфликта в треугольнике МПП (саудский фланг) – ЮПС (эмиратский фланг) – СА

Несмотря на разительный контраст в экономическом и политическом положении двух противостоящих друг другу частей Йемена, контролируемых МПП и СА, они одинаково страдают от введенной АК блокады, падения добычи и экспорта нефти и газа, упадка инфраструктуры, падения производства, нехватки всех продуктов питания, медикаментов и топлива.

Введение в силу механизмов гуманитарной помощи ООН в части продовольствия, топлива и медикаментов, тотальный двойной таможенный контроль за всеми поступающими в страну с моря и суши грузами, прекращение работы международного аэропорта Саны и жесткий внешний контроль за остальными воздушными гаванями парализовали работу традиционного коммерческого сектора и открыли дорогу к смене экономических элит под контролем новых ЦПВ, курирующих фирмы и торговые дома, военные структуры, ведущих поборы с транспортных средств и граждан.

До войны добыча и экспорт нефти и газа приносили 70% доходов бюджета, который в свою очередь на 65% использовался для выплаты зарплат для свыше 1,2 млн госслужащих. Средства на счетах Центрального банка Йемена (ЦБЙ) использовались также для создания валютных резервов для открытия банками аккредитивов, необходимых для импорта около 90% потребляемого в стране продовольствия и около половины необходимых нефтепродуктов. Остальными главными статьями доходов страны были переводы трудовых мигрантов, налоги, пошлины и таможенные сборы, причем налоги и пошлины также аккумулировались на счетах ЦБ.

Перестройка экономики обоих сегментов конфликта в режим чрезвычайного управления происходила параллельно с формированием двух правительств: МПП – в Эр-Рияде и СА – в Сане (причем председателями обоих кабинетов были члены разных фракций прежде единой партии ВНК). До сентября 2016 г. штаб-квартира ЦБЙ, формально не выходящего из подчинения МПП, оставалась в Сане, а враждующие стороны получали финансирование зарплат из единого источника, согласившись на его нейтральный статус. Перенос ЦБЙ в Аден под предлогом присвоения средств СА повлек превращение финансового оружия в один из главных инструментов гибридной войны на экономическом фронте. Наиболее болезненным ударом было прекращение выплаты зарплат госслужа-

щим, работающим в зоне контроля СА. По периметру всех фрагментов территории, контролируемых разными ЦПВ, выросли блокпосты и контрольно-пропускные пункты, взимавшие неустановленную законом плату с владельцев и водителей автоцистерн, фур и частных автомобилей. На периферии тем же занимались автономные вооруженные группировки, не входящие ни в какие политические альянсы. За неуплату пошлин они грозили арестом или расправой. Санский центр стратегических исследований в одной из своих публикаций о влиянии политической трансформации на политэкономия отмечал: «Коррупция или использование власти в личных целях глубоко укоренена в политэкономии Йемена последних десятилетий. Однако по ходу текущего военного конфликта, приведшего к фрагментации и регионализации страны, проблемы государства резко обострились. В военной экономике патронажные сети стали вырастать вокруг фигур, ранее маргинальных или неизвестных. Финансовая вовлеченность КСА и ОАЭ сделала патронаж трансграничным феноменом... Поскольку в нелегальный бизнес вовлекалось всё больше акторов, извлекающих из него выгоду, углублялась и заинтересованность этих групп в продолжении конфликта» [Corruption In Yemen's War Economy 2018, p. 1].

Схожие тенденции в начале войны наблюдались в обеих частях Йемена, но разница состояла в том, что конфликты внутри и вокруг МПП превратили большую часть территории страны в зону хаоса, которая создавала условия в т. ч. и для процветания там запрещенных террористических группировок аль-Каиды Аравийского полуострова (АКАП) и Исламского государства (ИГ), которые были ликвидированы властями Саны на своей территории еще в конце 2014 г., а созданное в 2016 г. коалиционное правительство в Санае постепенно подчиняло себе все незаконные виды взимания ренты с населения и устанавливало четкие правила, подкрепленные активной пропагандой исламских ценностей в рамках превращения идеологии движения Ансарулла в государственную, а также разветвленным и достаточно дисциплинированным силовым аппаратом, организованным по территориальному принципу и охватывающим всю контролируемую режимом территорию. Борьба за ресурсы и финансовые потоки между конкурирующими группами уполномоченных властями бизнесменов велась почти без правил на Юге и по строгим правилам – на Севере.

К моменту переноса головного офиса ЦБЙ из Саны в Аден в сентябре 2016 г. его счета опустели, но не из-за присвоения средств властями, а ввиду утраты львиной части статей дохода и остановки добычи и экспорта нефти и газа. Перенос офиса банка в Аден сопровождался сменой всего его управленческого персонала, который в реалиях йеменского

конфликта, во-первых, стал «южным» по составу управленцев и сотрудников, и, во-вторых, лишился квалифицированных кадров, способных грамотно управлять финансами, особенно в условиях войны. Все это вызвало резкую политизацию финансовой сферы в направлении принуждения Саны к капитуляции. Однако обладавшие опытными кадрами власти Саны сразу начали принимать ответные меры защиты, которые в итоге создали дуальную финансовую систему в разделенном Йемене, способную функционировать автономно, при этом используя любую возможность, чтобы получить в свою пользу дополнительные ресурсы от другой стороны. В докладе International Crisis Group «На пути к перемирию в экономическом конфликте в Йемене» авторы приводят следующие цитаты: «Президент Хади привел стратегический аргумент (для переноса ЦБ – прим. авт.), а именно – этот шаг поможет отрезать врагов от фондов. Официальный представитель предыдущего правительства сказал: “Это было не очень сложно. Они захотели опрокинуть игру так, чтобы все деньги достались им, а хуситам – ничего”» [Brokering 20.01.2022, p. 9].

Для Саны двумя основными источниками валютных поступлений стали импортные поставки через порт Ходейду, поскольку он пропускал 70% всей иностранной гуманитарной помощи населению Йемену [What the battle... 21.06.2018], а также денежные переводы трудовых мигрантов из стран Залива, которые в условиях паралича банковской сферы осуществлялись неформальными меняльными конторами – *хаваля*, переживавшими бурный расцвет. Crisis Group описывает механизм функционирования *хаваля* так: «Предприниматели или частные лица собирают деньги у желающих перевести их своим родственникам в Йемен из-за рубежа, покупают товары и перевозят их в страну. Затем товары продаются на местном рынке, а выручка за минусом комиссии передается назначенному реципиенту» [Brokering 20.01.2022, p. 11]. Они же (*хаваля*) помогали поддерживать коммерческий импорт, минуя банковские аккредитивы, которые перестали поддерживаться средствами ЦБЙ или приниматься иностранными контрагентами Йемена из-за утраты доверия к ЦБЙ.

Удар от разделения финансового сектора Йемена после переноса ЦБ в Аден для Юга, ожидавшего массивный приток валютной помощи от патронов из АК, и для режима Саны оказался обоюдным: поступавшие с 2018 г. от КСА и ОАЭ валютные депозиты на счета ЦБ для стабилизации падающего курса валюты быстро растворялись, не принося облегчения. С 2016 г. была приостановлена выплата зарплат госслужащим в сегменте СА, на который приходилось около 70% штата, что зеркально повторялось в несколько меньших масштабах также и в сегменте МПП.

Политические последствия перевода ЦБ в Аден для СА состояли в укреплении его автономной финансовой системы и в придании двум

отделениям ЦБ в Сане и Ходейде роли ключевых регуляторов его оставшейся на плаву банковской системы. Перенос ЦБЙ в Аден, с другой стороны, вызвал трения внутри лагеря АК, поскольку находившееся в Эр-Рияде правительство МПП заподозрило штат ЦБ Адена в симпатиях южному сепаратизму и стало развивать обходные каналы для использования собираемых и предоставляемых извне ресурсов, минуя его счета [Brokering 20.01.2022, p. 6].

С 2017 г. аденский ЦБЙ начал масштабную эмиссию банкнот для выплаты зарплат своим госслужащим, что было воспринято Саной как подготовка к отмене и выводу из обращения старых купюр с целью парализации правительства альянса. Этот слух предрекал наступление скорого экономического коллапса этого режима и подъем голодных бунтов по всей контролируемой СА территории. Эмиссия необеспеченных денег свидетельствовала о банкротстве, которое власти ЦБЙ в том же 2017 г. пытались неудачно прикрыть серией валютных интервенций под видом рыночного механизма перехода к девальвации национальной валюты. Истратив всю имевшуюся валютную выручку на проведение торгов и снизив официальный курс йеменского риала с 215 до 250 за доллар, ЦБЙ утратил способность кредитовать и предоставлять гарантии под операции йеменских коммерческих банков. Их иностранные партнеры поспешили закрыть корсчета йеменских банков, в т. ч. опасаясь санкций со стороны регулирующих банковскую деятельность властей США, призвавших к ограничению операций с участием йеменских граждан и учреждений [Brokering 20.01.2022, p. 11].

Хроническим бичом экономики Йемена с 2018 г. стали галопирующая инфляция в размере от 20 до 40% в год и еще более стремительный рост розничных цен на все базовые потребительские товары из-за неконтролируемого роста накладных транспортных и комиссионных издержек. Уже в 2018 г. показатели нищеты на Севере и Юге достигли примерно равного уровня – свыше 70% населения. Причины экономических тягот власти Саны объясняли расхищением выручки от остаточной добычи нефти (которая, упав до 20 тыс. в 2017 г., потом начала расти до 75 тыс. барр./сут. в 2020 г. [Reuters 14.06.2020]) структурами МПП, а МПП, в свою очередь – присвоением Саной импортных пошлин и налогов, получаемых от порта Ходейда. В итоге в 2018 г. генерал Тарик М. Салех во главе бригад «Амалика» из эмиратского фланга АК предпринял серию масштабных наступательных действий под прикрытием авиации АК от превращенного им в свою резиденцию порта Моха вблизи Баб-эль-Мандебского пролива на север, в пригород Ходейды с намерением захвата этого крупнейшего порта Йемена. Наступление Амалика было остановлено под давлением ООН, придавшей огласке мнение экспертов о неизбежности наступления

гуманитарного коллапса в Йемене в случае начала боев в городе и перекрытия порта Ходейды для гуманитарных грузов. Этот мотив стал главным аргументом для подписания Стокгольмских соглашений в декабре 2018 г., которые ввели в порт Ходейда военных инспекторов ООН для мониторинга прекращения огня и соблюдения соглашений о разводе войск воюющих сторон. Однако авторы упомянутого доклада ICG привели и другой заслуживающий внимания в контексте саудовско-эмиратского соперничества политический мотив вмешательства: захват Ходейды силами эмиратского фланга мог повлечь формирование крупного территориального анклава, который лишил бы в перспективе находившийся в Эр-Рияде МПП контроля над финансовыми потоками, т. к. этот анклав привлек бы к себе все ключевые экономические функций – от ЦБ и коммерческих банков до предприятий крупного бизнеса, находившихся поблизости – в Санае и Таизе. Этот сдвиг мог стать новым трамплином для реставрации ВНК, главного конкурента партии Ислах, ядра МПП. Превращение Ходейды и Адена (ЮПС) в реальные центры экономической активности Йемена сместили бы чашу весов в конфликте в пользу эмиратского фланга АК, сделав МПП во главе с президентом Хади в Эр-Рияде и КСА второстепенными акторами новой политической сцены [Brokering 20.01.2022, p. 13].

Стокгольмские соглашения помогли сохранить Ходейду в руках СА, оставив ему заодно и этот важнейший канал поступления таможенных сборов, налогов и пошлин от импорта. Борьба за этот источник финансирования стала первым главным пунктом экономической войны в Йемене (позже его дополнит вопрос распределения доходов от экспорта нефти, который решится перекрытием всех каналов экспорта через терминалы южной части страны осенью 2022 г.).

В сентябре 2018 г. президент Хади издал Указ об учреждении Экономического комитета для лицензирования всего топлива, поступающего в страну, независимо от порта и о передаче Аденской штаб-квартире ЦБ функции надзора за всеми долларовыми транзакциями, что должно было лишить власти Саны всех источников поступлений. В 2019 г. новый Указ президента Хади предписывал уплату всех пошлин и налогов по импорту в специальные конторы до захода иностранных судов в любые йеменские порты. Эта серия актов вызвала резкие протесты Саны как «противозаконная» и вызвала временную остановку движения судов с товарами для Йемена. И без этих драконовских мер введенный АК режим блокады Йемена предписывал всем судам, следовавшим в Йемен, проходить двойной таможенный контроль за пределами страны (ООН – режим UNVIM и властями КСА) в специальных «карантинных зонах» в Джибути и в Джидде [SEMC 2022, p. 39]. На дополнительные требования президента А. М. Хади власти Саны ответили введением санкций в виде

лишения импортных лицензий тех предпринимателей, которые последуют указам президента А. М. Хади и станут предоставлять таможенные декларации в «технические офисы» МПП. Причем их в любом случае обяжали уплачивать все налоги и пошлины портовым властям Ходейды, как было положено раньше. Тогда МПП пытался ввести запрет на поставки всех грузов через Ходейду, что повлекло быстрое истощение всех запасов топлива и продовольствия в этой части страны. Даже суда, получившие разрешение инспекции ООН с экстренными гуманитарными грузами для жителей лояльной Санае части Йемена, задерживались на рейдах, дожидаясь особого разрешения от МПП. Борьба за финансовые потоки через Ходейду вызвала рост цен и темпов инфляции во всей зоне конфликта: цена канистры бензина (20 л) выросла за 2018–2019 гг. с 12 до 33 долларов [SEMC 2022, p. 17]. В эту цену входил и уплаченный судовладельцами демередж за сверхнормативный простой танкеров в ожидании разрешений для захода в Ходейду. К октябрю 2019 г. простой составил в среднем 30 дней с максимумом до 53 дней [Salisbury 2022]. Доля демереджа к наценке на все товары достигала 2–3% [S/2023/130/ 2023, p. 30]. Кроме того, введение запретов на Ходейду заставило импортеров искать другие йеменские порты для доставки грузов, увеличивая транспортные маршруты с 200 км (через порт Ходейда) до 1200 км (через порт Адена). Причем это касалось всех грузов, включая и остродефицитные скоропортящиеся продовольствие и медикаменты.

В ноябре 2019 г. вмешательство ООН помогло снять запрет на поставку нефтепродуктов через Ходейду по гуманитарным основаниям. Стороны договорились, что все средства от сбора средств в порту Ходейда власти Саны станут перечислять на специальный целевой счет в Ходейдском отделении ЦБ с последующим их использованием на выплату зарплат госслужащим в обоих сегментах конфликта с предоставлением отчетных ведомостей ЦБЙ в Адене. Упомянутые выше президентские Указы (75 и 49) были приостановлены, но экономическая война, напротив, усилилась [Brokering 20.01.2022, p. 17]. В 2020 г. Сана ввела запрет на обращение на контролируемой территории печатаемых ЦБЙ новых банкнот, что вызвало гиперинфляцию в территориальном сегменте МПП и двухкратный разрыв курса йеменского риала к доллару США: в Адене курс колебался в диапазоне 1000–1700 риалов за 1 долл., а в Санае – от 500 до 600. В общей сложности ЦБЙ с 2017 г. ввел в обращение новые купюры на сумму от 3 до 5,32 триллионов риалов, что привело к удвоению или даже утроению массы денег в обращении к предвоенному показателю [Brokering 20.01.2022, p. 24].

Цены продовольственных товаров на территории СА стали по номиналу в риалах вдвое ниже, чем на территории МПП, но стоимость транс-

фера денег из Адена в Сану синхронно превысила 100%. Стоимость продовольственной корзины в январе 2022 г. в зоне МПП составляла 16 тыс. риалов, а в СА – ок. 7300 риалов (в долларовом выражении цена в Сане была выше, но для населения, владевшего сбережениями в национальной валюте – дешевле). В январе 2021 г. КСА и МПП вновь наложили эмбарго на поставки топлива через порт Ходейда, что привело к очередному всплеску цен и расцвету спекулятивной торговли.

Однако на этот раз власти Саны были лучше подготовлены. Они установили государственную монополию на продажу топлива через Йеменскую топливную компанию, не позволив торговцам и перекупщикам взвинчивать цены на официальных бензоколонках, получавших фиксированные квоты на поставки от государства. Неотъемлемый спутник дефицита – черный рынок – не остался в стороне, но и там власти установили регуляторов, следивших за предельным ростом цен, отсекая нарушителей. Для контроля за социально значимыми товарами рыночного сегмента власти Саны применяли практику фиксированных цен на такие продукты питания как пшеница, мука, рис, кулинарное масло, овощи. Функция разработки прейскурантов и осуществления контроля за соблюдением постановлений была передана Министерству промышленности и торговли, имевшему отделения во всех подконтрольных режиму провинциях страны.

Находившееся почти в аналогичном бедственном положении население МПП было лишено этих мер защиты от спекулянтов и страдало больше. Более того, торговцам было выгоднее перевозить и продавать топливо в зону СА, где стабильный курс риала к доллару позволял им извлекать больше доходов, продавая топливо по равной или чуть более высокой цене, чем в зоне МПП.

Традиционно сильная зависимость около половины населения Йемена от переводов трудовых мигрантов в страны Залива в годы войны достигла максимальных значений. Для многих этот ресурс стал единственным способом выживания, а для прикормленных властями или локальными авторитетами *хавалей* – источником сверхприбыли. Инвестиции частного сектора в годы военного конфликта направлялись главным образом в процветающие бизнесы, связанные со сбором незаконных комиссий, строительством жилья для переселенцев и беженцев, а также в солнечную энергетику, позволявшую переживать частые перебои в централизованном электроснабжении, покупая энергию у небольших частных владельцев батарей, устанавливаемых на крышах городских зданий или в фермерских хозяйствах.

Захват Адена силами ЮПС в августе 2019 г. создал угрозу лишения МПП контроля над головным офисом ЦБЙ. И хотя здание ЦБЙ не подверглось

разорению, а было лишь окружено силами ЮПС, сообщалось об исчезновении 250 млн риалов, которые в тот момент перевозились охраняемым автотранспортом из порта в здание ЦБЙ [Brokering 20.01.2022, p. 25].

Приведу еще несколько иллюстраций к курсовой разнице и ценовой динамики в разных сегментах конфликта. В 2020–21 гг. стоимость базовой корзины в районах МПП выросла на 170%, а в Сане – на 40%. В ноябре 2021 г. курс риала в МПП был 1500 за долл., а в Сане – 600 [Brokering 20.01.2022, p. 27]. Девальвация старого риала в Сане с 2015 г. к доллару была 64%, а в номинальной зоне МПП – 80% [Brokering 20.01.2022, p. 23]. Доступность иностранной валюты в Сане, где осталась львиная часть банков и финансовых учреждений, была выше.

В докладе «Экономика Йемена 2021», опубликованном независимым Studies and Economic Media Center в 2022 г., сказано, что «сотни предприятий частного сектора были частично или полностью уничтожены. Операционные и производственные издержки существенно выросли из-за дефицита топлива, роста страховых премий и транспортных расходов... Частный сектор почти прекратил существовать, уступив место новому паразитическому монополистическому классу, гребущему деньги от хаоса войны» [SEMC 2022, pp. 7–8].

Власти Саны передали долю Саудовской Аравии, доминировавшей в импорте до войны, Оману. Они выдали лицензии 250 новым финансовым организациям, заменившим банки. Лидерами стали меняльные и переводные конторы «Свейд и сыновья», «Аль-Хада», «International express exchange and remittments Co» [SEMC 2022, p. 11].

Было также выдано 178 лицензий компаниям на импорт нефтепродуктов [SEMC 2022, p. 11], которые затем продавали топливо Йеменской топливной компании.

Торговля дефицитными фармацевтическими товарами также перешла в руки приближенных к власти лиц. То же случилось с множеством частных медучреждений. Военные власти Саны вытеснили своими креатурами многие устоявшиеся торговые компании, работавшие в т. ч. на рынке продаж известных брендов. На госпитали введен дополнительный налог за каждую хирургическую операцию в размере 4% для имеющих ИНН и 15% – без ИНН.

Доходы от телекоммуникационных компаний – самая большая статья доходов Саны – 1% от сборов платежей отчисляется в фонд жертв войны.

Недвижимость также стала важным источником доходов властей Саны. Стоимость взлетела вверх, но жилье осталось доступно новым олигархам, в т. ч. распределяющим гуманитарную помощь от международных центров. Количество проданных подорожавших лицензий на постройки в черте Саны выросло с 34 в 2014 до 358 в 2017 г. [SEMC 2022, p. 13].

Власти Саны с 2014 по 2021 г. зарегистрировали 1023 новых компании, большинство из них в столице.

Одним из важных элементов мобилизационной модели экономики СА стали сборы закята. В 2018 г. Сана приняла Указ 53 о создании Генерального Управления Закята и теперь администрирование средств перешло в руки государства, будучи встроенным в достижение приоритетов военного времени – помощи бойцам и семьям погибших. Сумма сбора оценивается в цифру 45 млрд риалов в год (2021 г.). Государство ввело сборы с торговых точек, торговцев и предприятий для помощи бойцам, инвалидам и раненым. На поддержку раненых и инвалидов войны власти расходуют 292 млн риалов в год. С 2022 г. около 150 млн риалов из сборов закята в денежной форме выделено на раздачу военнопленным (S/2023/130/ 2023, р. 33).

С июня 2020 г. Сана ввела дополнительный сбор пятой части цены (НДС) – хумс с отраслей, связанных с торговлей углеводородами, водоснабжением и рыболовством [SEMC 2022, р. 3].

Совершенно иной тип хозяйственного комплекса за годы войны сложился в контролируемом МПП Марибе, который превратился в главный пункт приюта для двух йеменских миллионов беженцев. Здесь кроме строительного бума наблюдался быстрый расцвет сферы услуг – банков, ресторанов, меняльных контор. Доходы провинции в 2021 г. достигли 11 млрд риалов [SEMC 2022, р. 17]. Площадь городской застройки в Марибе за годы войны удвоилась, и повсюду видны новостройки.

В административном центре Хадрамаута – Мукалле (зона контроля эмиратского фланга) традиционный рынок кузнецов за годы войны превратился в многопрофильную торговую и производственную компанию, работающую в сфере импорта нефтепродуктов, перевода денег, навигации и недвижимости. Здесь активно работают такие новые крупные торговые компании как «Hadramout International Energy Co», «Ahgaf Hadramout for contracting and oil services Ltd», «Al-Basiri exchange», «Bin Dowal exchange Co» [SEMC 2022, р. 18].

Силы безопасности в Мукалле и расположенном вблизи Шихра морском нефтяном терминале Даббе взимают незаконные сборы с каждого контейнера.

В Адене размер незаконных сборов в порту зависит от конечного назначения грузов – для покидающих город сумма сборов вдвое выше.

ЮПС полностью контролирует нефтяной и контейнерный терминалы порта Аден. Командир ЮПС Мохсин аль-Вали в феврале 2021 г. объявил об учреждении компании «Isnad Petroleum Co», что в апреле 2021 г. повлекло его снятие с должности главой ЮПС Э. аз-Зубейди [SEMC 2022, р. 19].

Новый класс дельцов на деньгах стран АК в Адене возводит торговые моллы, конкурируя за места и подряды друг с другом методом разбо-

рок. Новые меняльные конторы вытеснили банки. Все они не могут функционировать без поддержки властей. Традиционные предприниматели сталкиваются с вымогательством и с перебоями в поставках товаров.

Сумма денежных переводов трудовых мигрантов составляет порядка 6 млрд долл. в год, обогащая менял. Экспорт нефти из Йемена составляет примерно 1,3 млрд долл. в год, а импорт нефтепродуктов – около 24% от общего импорта в 10 млрд долл. [SEMC 2022, р. 24].

Бюджет правительства МПП в 2020 г. имел дефицит 45,7%, а в 2021 – 32,6% (за счет роста экспорта нефти). Расходы государства в 2021 г. составили 2 трлн риалов, из них 66% было затрачено на выплату зарплат госслужащим [SEMC 2022, р. 33].

Иллюстрацией к тяготам населения южного сегмента являются данные о стоимости потребительской корзины, включающей 1 кг риса басмати, 1 кг риса короткого, 1 кг сахара, 2 л масла, 1 кг пшеницы, 1 кг муки, 1 кг фасоли, 1 канистру воды (20 л), бутылку питьевой воды (0,75 л): только за 2021 г. ее стоимость выросла с 7,4 до 14,1 тыс. риалов [SEMC 2022, р. 34].

Лучшей иллюстрацией к фрагментации территории Йемена служат данные о ценах на бензин – за 1 канистру (20 л) в Сане надо уплатить эквивалент в национальной валюте равный 22 долл., в Таизе – 16, в Адене – 14, в Хадрамауте – 12, а в Марибе – 3–3,5 долл. [SEMC 2022, р. 35].

По оценкам Всемирного Банка к 2018 г. закрылось 35% йеменских предприятий частного сектора, а 51% остальных сократили бизнес [SEMC 2022, р. 38].

Расцвет паразитического бизнеса и инвестиции в создание локальных монополий, спекулирующих валютой и топливом, потребительскими товарами и услугами, является основной формой деятельности неформального сектора.

Влияние конфликта на бизнес проявляется в двойном обложении налогами и таможенными сборами товаров, пересекающих разделяющие линии, раздвоении денежного рынка, угрозах конфискации бизнеса командирами вооруженных формирований, неразберихой регламентов и постановлений всех уровней власти. В целом накладные затраты бизнеса выросли в 5–7 раз против довоенного уровня.

Шоссе Абъян-Аден-Лахдж-Таиз, целиком расположенное в зоне МПП, оснащено множеством пунктов сбора комиссий и пошлин с проходящего транспорта.

Хуситские власти Саны ввели правила сбора закята в установленные ими праздничные даты по случаю Дня Иерусалима, Дня рождения Пророка, а также на пропускных пунктах между провинциями. Нарушителей правил жестко наказывают. В 2022 г. за нарушения было закрыто 520 коммерческих учреждений, 600 торговцев было подвергнуто разным

административным наказаниям, 1700 – оштрафовано и 50 – арестовано [SEMC 2022, p. 41].

Все телекоммуникационные компании Саны были превращены в холдинги или продали свои акции новым владельцам. Отмечались случаи рейдерства со стороны нового надзорного органа – т. н. «юридической стражи» [SEMC 2022, p. 41], уничтожение супермаркетов под предлогом незаконного захвата земли в Сане, сожжение торговых точек конкурентами. Работники иностранного международного Галф Банка в Сане подверглись репрессиям [SEMC 2022, p. 43].

В Адене процветает вымогательство у владельцев торговых точек со стороны квартальных вооруженных групп. В Лахдже провинциальные власти взимали налог на импорт и производство как суверенное государство. В охваченном противоборством Таизе прибыльным бизнесом стал захват земли путем отъема у ее нелояльных владельцев. Там же срок задержания авто фур на дорогах нередко достигает трех месяцев.

Для повышения доходов власти Саны повысили импортные пошлины на 30%, но расчетный курс доллара, являющийся базой взимания портовых пошлин и сборов в Адене, достиг 750 риалов [Mohammed Alghobari 2023], а в Ходейде составляет всего 250 риалов.

Отдельная тема конфликтной экономики – политизация гуманитарной помощи со стороны КСА. КСА запустила 198 проектов для 6 млн йеменцев через 71 локального партнера. Эти проекты ориентированы в т. ч. на поддержку образования по саудовским пособиям [SEMC 2022, p. 51].

Доля ОАЭ в донорской помощи (230 млн долл.) составляет около 13,5%, а всего с 2015 г. ОАЭ выделили Йемену 6 млрд долл. [SEMC 2022, p. 52].

Около 48% общего объема внешней помощи поступает по каналам ООН.

Всемирный Банк выделил Йемену за годы войны 2,24 млрд долл. [SEMC 2022, p. 53]. Министр финансов непризнанного правительства Саны называет политику США и Британии экономической войной против йеменского народа, считает помощь ВБ и МВФ инструментом закабаления народа Йемена на многие поколения вперед непомерными долговыми обязательствами и предупреждает об отказе от признания их законности, обвиняя «правительство наемников, не представляющее народ Йемена» в пособничестве политике «колониального сионистского долгового закабаления» страны [Wazir 01.12.2022].

В финальном докладе экспертной группы СБ ООН в феврале 2023 г. отмечалось, что: годовая инфляция составила 45%, в т. ч. по продовольствию – 58%; 17 млн йеменцев испытывают острую нехватку еды; по индексу человеческого развития страна заняла 179 место из 189 [S/2023/130/2023, p. 29]. Авторы доклада обвиняют Сану в создании экономической

неустойчивости в остальной части Йемена, забывая, что власти СА девятый год ведут войну на выживание с мощной АК, лишены нефти и контроля ЦБЙ.

Особое беспокойство у авторов доклада вызвала подготовка Саной закона, полностью запрещающего процент на банковские вклады, что по мысли авторов проекта должно создать банкам стимул для перехода к инвестиционной активности.

В докладе отмечается, что валютные резервы ЦБ Адена за период декабрь 2021 – октябрь 2022 г. сократились с 1,68 млрд до 1,09 млрд долл. [S/2023/130/ 2023, р. 29], в очередной раз вызвав скачок инфляции. Годовые правительственные расходы выросли до 835 млрд риалов, причем 61% тратится на нужды Министерства обороны и МВД [S/2023/130/ 2023, р. 30].

Значительная часть внутренней торговли ввиду неустойчивости курса в южном сегменте кризиса ведется в саудовских риалах и долларах.

В зоне СА в 2022 г. Министерством рыболовства и сельского хозяйства была организована первая кофейная биржа с целью закрепления бренда йеменских сортов кофе на мировых рынках [Sanaa...munakashat 01.02.2022]. Лидер Анасрулла много внимания уделяет экономической политике государства, фокусируя усилия на развитии сельского хозяйства и животноводства современными методами с использованием сельскохозяйственных кооперативов, целенаправленного создания системы специализированных учебных центров для совершенствования агротехнической, ветеринарной и кормовой базы отрасли. По всем провинциям под эгидой местных властей проходят совместные семинары Союза кооперативов и Управления по развитию производства зерна в рамках кампании «зеленой революции» по импортозамещению. Власти приняли «Стратегию комплексного развития», которую курирует председатель Политсовета режима Саны Махди Машат. Ее задачей является создание во всех уездах производственных кооперативов и национальных компаний в рамках программы импортозамещения [Ar-raisa al-mashat 13.11.2022].

Параллельно с проектом запрета банковского процента на вклады (05.09.2022) в русле проекта создания валютной биржи власти Саны передали все коммерческие и банковские сделки в юрисдикцию судей с широкими полномочиями от наложения штрафа размером до 3 млн риалов до заключения под стражу сроком до двух лет [S/2023/130/ 2023, р. 32].

При этом 70% всего объема налоговых и таможенных сборов приходится на регионы, контролируемые Саной, что отражает прежде всего непрозрачность деятельности ЦБЙ в Адене и всех финансовых институтов этого сегмента, охваченного хаосом и соперничеством флангов АК.

Основные банки, фонды, включая пенсионные, телекоммуникационные компании, импортные фирмы, крупные корпорации и другие

деловые структуры остаются в Сане. Промышленные компании, сосредоточенные в пригороде Таиза – Хобане, а также в Сане, Иббе и Дамаре, также контролируются СА. Товары, поступающие в Йемен через южно-йеменские порты, часто сначала продаются в зоне МПП, а затем перевозятся в зону СА, при этом на них уплачиваются новые налоги и сборы, и тем не менее извлекается выгода от разницы валютного курса.

С апреля 2022 г. количество заходов танкеров и импорта топлива через порты Ходейды выросло до 69 танкеров (с апреля по ноябрь 2022 г.) и 1,8 млн т топлива (за весь 2021 г. было всего 30 судов и 535 тыс. т топлива). Цена канистры составила 22–24 тыс. риалов за 20 л. По оценкам МПП упущенная выгода правительства от этого источника сборов за апрель–ноябрь 2022 составила 272 млрд риалов [S/2023/130/ 2023, р. 34]. В ответ Сана выставляет правительству обвинения в сокрытии нефтяных доходов на суммы десятков миллиардов долларов от жителей страны, не получающих зарплату с 2016 г.

Заключение

Экономическая война и политическая фрагментация в Йемене усилили процесс дифференциации регионов страны по политэкономическим характеристикам. Раскол территории на два основных сегмента – южный (МПП) и северный (СА) – обозначил главную линию политэкономической бифуркации страны, за которой последовало нарастание процесса дезинтеграции южного сегмента между конкурирующими флангами АК – саудовским и эмиратским. Эрозия зависимого от АК МПП и консолидация коалиционного непризнанного режима власти государственного типа в Сане на платформе отпора «иностранный агрессии» повлекли формирование противоположных трендов в развитии хозяйственных комплексов. Эффективность и государственный модус управления конфликтной экономикой в северном сегменте позволил не только компенсировать преимущества, полученные «южным сегментом» при выборе стороны АК в начале военной кампании, но и продолжать развивать производственную базу как сельского хозяйства, так и промышленности благодаря успехам монетарной политики и стабилизации финансового положения за счет диверсификации источника доходов государства, подключив к ним традиционные формы – закят и вакф. Двойной разрыв в курсах национальной валюты к доллару в пользу Саны позволил сохранить доверие йеменскому риалу, в отличие от «южного сегмента», предпочитающего доллар и саудовский риал.

В обоих сегментах чрезвычайно выросла роль неформального сектора, особенно меняльных и переводных контор (*хавалья*), которые ослабили последствия состояния хронического дефолта ЦБЙ и паралича большин-

ства банков как на денежном, так и на товарном рынках, в т. ч. в сфере внешней торговли. Вместе с тем расцвет *хавалья* создал дополнительные риски финансовым системам, с которыми оба правительства (МПП и СА) пытаются справиться, параллельно ведя экономическую войну на уничтожение друг друга.

На новом этапе йеменского военного конфликта, начавшегося с фазы деэскалации в апреле 2022 г., новым приоритетом всех конкурирующих ЦПВ и их иностранных патронов становится борьба за экономические ресурсы и оптимальные модели решения социальных проблем населения. С мая 2023 г. КСА направила политические процессы в Йемене в сторону затухания конфликта и актуализации «южного вопроса» в форме поддержки курса на отделение территории бывшей НДРЙ от Йемена, что создало принципиально новую повестку йеменскому кризису.

Электронные ресурсы / Electronic sources

1. S/2023/130/UN SC. Final report of the Panel of Experts on Yemen established pursuant to Security Council resolution 2140 (2014). 21.02.2023. URL: <https://www.securitycouncilreport.org/un-documents/document/s-2023-130.php> (accessed: 07.06.2023).
2. 24 million Yemenis at catastrophic humanitarian risk following new U.S. terrorist designations of Ansar Allah, warns IRC // OCHA News and Press. 11.01.2021. URL: <https://reliefweb.int/report/yemen/24-million-yemenis-catastrophic-humanitarian-risk-following-new-us-terrorist> (accessed: 07.06.2023).
3. Ar-raï al-mashat yushaddidu ala tanfiz al-ïstratijiya al-wataniya li-tahkik at-tanmiya ash-shamila (Президент Аль-Машат настаивает на выполнении национальной стратегии для достижения общего роста экономики) // Al-Masirah. 13.11.2022. URL: <https://www.masirahtv.net/post/223341> (accessed: 07.06.2023).
4. Brokering a Ceasefire in Yemen's Economic conflict, Crisis Group Middle East Report No 231. 20th January 2022. URL: <https://www.crisisgroup.org/middle-east-north-africa/gulf-and-arabian-peninsula/yemen/brokering-ceasefire-yemens-economic> (accessed: 07.06.2023).
5. Corruption In Yemen's War Economy // CARPO-Bonn. No. 9. 05.11.2018. URL: https://carpo-bonn.org/wp-content/uploads/2019/07/RYE_brief_09.pdf (accessed: 07.06.2023).
6. Eliana Favari, Siddharth Krishnaswamy, Sharad Tandon, Alia Aghajanian and Safa Almoayad. Surviving in the Time of War: How and Why Well-being is Evolving in the Conflict in Yemen. Documents of the World Bank, February 2023. URL: <https://documents1.worldbank.org/curated/en/099133503092351195/pdf/P177826097b31a0fb0b6140bd8c642ba315.pdf> (accessed: 07.06.2023).
7. Mohammed Alghobari, Riyam Mukhashaf. Yemen's government raises customs exchange rate by 50% // Reuters. 10.01.2023. URL: <https://www.reuters.com/article/yemen-security-forex-idUSL1N33V1SE> (accessed: 07.06.2023).
8. Peter Salisbury (main contributor). How Yemen's War Economy Undermines Peace Efforts // International Crisis Group, 2022. URL: <https://yemenconflict.crisisgroup.org> (accessed: 07.06.2023).

9. Sanaa... munakashat ijraat itlak maashrua al-mazad al-wataniy lil-bunn al-yamani (Сана... обсуждение запуска проекта национальной биржи йеменского кофе) // Al-Masirah. 01.02.2022. URL: <https://www.almasirah.news/post/205363> (accessed: 07.06.2023).
10. Taylor Hanna, David K. Bohl, Jonathan D. Moyer. Assessing The Impact Of War In Yemen, 2021 // United Nations Development Programme (UNDP). URL: https://www.undp.org/sites/g/files/zskgke326/files/migration/germany/UNDP-Yemen_Impactof-War_WEB.pdf (accessed 07/01/2023)
11. Wazir al-maliya: al-harb al-iktisadiy ala shaanina yudiruha al-amrikiy wa al-britaniy bi shakl munashir (Министр финансов: экономической войной против нашего народа руководят американцы и британцы напрямую) // Al-Masirah. 01.12.2022. URL: <https://www.masirahtv.net/post/224327/ماهر-يدي-انبغشى-لعد-تيداصتقلا-اب-حلا-تيلاملا-ريزو> (accessed: 07.06.2023). На араб. яз.
12. What the battle for Hodeidah means for Yemen's children: 8 things you need to know // UNICEF. 21.06.2018. URL: <https://www.unicef.org/emergencies/yemen-crisis/hodeidah> (accessed: 07.06.2023).
13. (SEMC) Yemeni economy 2021. The war economy and the new millionaires. Yemen, Taiz: Studies & Economic media center, 2022. URL: http://www.yemenief.org/Download_Center/docment/doc_3068.pdf (accessed: 07.06.2023).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Серебров Сергей Николаевич – канд. экон. наук, старший научный сотрудник Центра арабских и исламских исследований, Институт востоковедения Российской академии наук, Москва, Россия

Serebrov Sergey N. – PhD (econ.), Senior researcher, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Science, Moscow, Russian Federation

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 17.07.2023.

Одобрена после рецензирования и принята к публикации: 01.08.2023.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Article info

Submitted: 17.07.2023.

Approved after peer reviewing and accepted for publication: 01.08.2023.

The author has read and approved the final manuscript.

ПОЛИТИКА

POLITICS

Научная статья. Политические науки
УДК 327.5 + 338
<https://doi.org/10.31696/2227-5568-2023-04-139-153>

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ ЛИВИЙСКОГО КРИЗИСА: ЭКОНОМИКА И ВЛАСТЬ МЕЖДУ ФРАГМЕНТАЦИЕЙ И ЦЕНТРАЛИЗАЦИЕЙ

Григорий Валерьевич Лукьянов

Институт востоковедения РАН, Москва, Россия,
gvlukyanov@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-5569-2492>

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению ливийского кризиса с точки зрения политэкономии. Системно описана и оценена отечественная и зарубежная историография по проблематике изучения экономических аспектов социально-политического развития и особенностей экономического развития Ливии во второй половине XX и начале XXI вв. Описана динамика развития ливийского кризиса как совокупности конфликтов, а также выявлены ключевые этапы поступательного развития. Выявлены политико-экономические аспекты, позволяющие поставить под сомнение устоявшиеся в российской исследовательской литературе представления о том, что ключевой причиной самовоспроизводимой природой ливийского кризиса является совокупность внешнеполитических факторов, объясняемых интересами и политикой региональных и глобальных держав.

Ключевые слова: Ливия, ливийский конфликт, ливийский кризис, экономика вооруженного конфликта, политическая экономия конфликта

Для цитирования: Лукьянов Г. В. Политическая экономия ливийского кризиса: экономика и власть между фрагментацией и централизацией. *Восточная аналитика*. 2023;14(4):139-153. <https://doi.org/10.31696/2227-5568-2023-04-139-153>

Original article. Politics studies

THE POLITICAL ECONOMY OF THE LIBYAN CRISIS: ECONOMY AND POWER BETWEEN FRAGMENTATION AND CENTRALIZATION

Grigoriy Lukyanov

Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia,
gvlukyanov@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-5569-2492>

Abstract. The article is devoted to the consideration of the Libyan crisis from the point of view of political economy. Systematically described and evaluated domestic and foreign historiography on the problem of studying the economic aspects of socio-political development and features of economic development of Libya in the second half of the twentieth and early twenty-first centuries. The dynamics of the Libyan crisis as a set of conflicts is described, and the key stages of its development are revealed. The political and economic aspects are revealed that allow us to question the notions established in the Russian research literature that the key reason for the self-reproducing nature of the Libyan crisis is a set of foreign policy factors explained by the interests and policies of regional and global powers.

Контент доступен под лицензией Creative Commons «Attribution-ShareAlike» («Атрибуция-СохранениеУсловий») 4.0 Всемирная.

Keywords: Libya, Libyan conflict, Libyan crisis, economics of armed conflict, political economy of conflict

For citation: Lukyanov. G. V. The political economy of the Libyan crisis: Economy and power between fragmentation and centralization. *Eastern Analytics*. 2023;14(4):139-153. (In Russ.) <https://doi.org/10.31696/2227-5568-2023-04-139-153>

Политическая экономия как концептуальная рамка и методологический подход предлагает эффективный инструментарий для изучения современных вооруженных конфликтов [Елагин 2020; Елагин 2021], в том числе на Ближнем Востоке и в Северной Африке [Матвеев 2022]. Поэтапный эволюционный характер развития кризиса в Ливии после событий арабской весны и иностранной интервенции в 2011 г. определяет во многом специфику отношений в треугольнике «власть – собственность – насилие», сложившуюся под влиянием сложной конфигурации внутренних и внешних факторов не единомоментно, а в процессе трансформации. При этом детально реконструировать и подробно описывать событийную канву и динамику развития исторического процесса в Ливии после 2011 г. во всем её многообразии не имеет смысла в рамках данной статьи. За 12 лет не только в зарубежной, но и отечественной науке подготовлено немало научных трудов, содержащих подробную хронику событий [Подцероб 2015; Бабкин и др. 2021; Видясова 2019; Зинин 2022] и анализ ключевых тенденций развития социально-политической ситуации в Ливии и вокруг нее [Булаев, Труевцев 2016; Лукьянов 2016; Ласкарис 2019; Труевцев 2016].

Тем не менее нельзя не отметить, что внимание к вопросам экономического и социально-экономического развития Ливии, являвшимся предметом особо пристального рассмотрения в советский и постсоветский период развития ливийских исследований в России [Аршаруни 1970; Вавилов, Кукушкин 1981; Кукушкин 1985; Смирнова 1992; 2011], в 2010-х гг. носило либо поверхностный, либо весьма фрагментарный характер, лишенный методологической целостности и последовательности [Сидоренко 2021, с. 87–89]. Подобная тенденция характерна и для совокупности трудов зарубежной историографии, где расцвет изучения ливийской экономики пришелся на 1980–1990 гг., когда в центре внимания исследователей оказались такие системообразующие вопросы, как влияние нефти на экономическое и социально-политическое развитие страны [Allan 1981; Martinez 2012; Vandewalle 1998], специфика развития сельского хозяйства [Alan, McLachian, Penrose 2015] и индустриализации [Naur 1986] в условиях форсированной политической модернизации и доминирования государственно-плановой системы [Buru, Ghane,

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-ShareAlike 4.0 International (CC BY-SA 4.0).

McLachlan 1985]. В последующем востребованным стало изучение также различных аспектов влияния внешних санкций на экономическое развитие страны [Niblock 2001].

Влияние экономики на политику в контексте развития ливийского кризиса в отечественной исследовательской литературе хоть и отмечается достаточно часто, но при этом в большинстве случаев ограничивается рассмотрением лишь нефтяного фактора [Евсеев 2020; Кузнецов 2019; Манафова, Орлов 2018], реже речь шла о миграционной ситуации [Грифа 2019; Маслова 2012]. Тем не менее нельзя не отметить оригинальные исследовательские работы В. А. Матросова, акцентировавшего внимание на региональной специфике экономического развития южных территорий Ливии [Матросов 2018], аналитические разработки К. Д. Сидоренко¹ и регулярные мониторинговые и аналитические материалы экспертов Института Ближнего Востока А. А. Быстрова, В. В. Куделева и др.

В современной академической литературе предпринимаются довольно редкие и осторожные попытки глубокого осмысления политэкономической составляющей [Zeggagh, Mansouri 2017; Laessing U. 2020], при этом акцент делается преимущественно на частные вопросы [El Gomati A. 2022] и случаи [Hüsken 2018]. Тем не менее инструментарий политэкономии видится весьма востребованным в контексте исследования различных социальных и политических аспектов развития ливийского общества, включая племенной фактор [Аганин 2020; Зинин 2013; Зинин 2022; Кузнецов 2022].

В рамках статьи предлагается рассмотреть основные этапы и особенности кризиса в динамике исторического развития, а также акцентировать внимание на политэкономических аспектах противостояния.

Ливийский кризис объединяет в себе комплекс расколов, кризисных явлений, деструктивных факторов и тенденций, охватывающих все сферы и стороны военно-политического, социально-экономического и гуманитарного развития страны. При этом он продолжается на протяжении более двенадцати лет, последовательно трансформируясь и видоизменяясь под воздействием сложной совокупности как внутренних, так и внешних факторов. В течение всего этого длительного периода времени территория богатого ресурсами, но сравнительно малонаселенного государства на средиземноморском побережье Северной Африки

¹ Сидоренко К. Д. Ливия пост-Каддафи: динамика и вызовы экономического развития [Видео] // XV конференция арабистов «Чтения И. М. Смилянской». М.: ИВ РАН, 2020. URL: <https://youtu.be/A6L2Rh2gD4Y>; Сидоренко К. Д. Внешнеэкономическое функционирование нефтяной отрасли Ливии в период конфликта [Видео] // XVI Конференция арабистов «Чтения И. М. Смилянской». М.: ИВ РАН, 2021. URL: <https://youtu.be/vuS61vLMCH8>.

подверглась последовательному разорению в рамках противостояния вооруженных группировок, деградировала система социальных и социально-экономических отношений, складывались и укоренялись новые институты и практики общественного поведения, накопления капитала и политического управления.

Ливийский кризис имеет сложную природу генезиса и не менее сложную структуру, которая трансформируется в динамике, но неизменно включает совокупность последовательных и параллельных конфликтов и расколов. Один за другим в Ливии развернулись два крупных вооруженных конфликта, охвативших большую часть населенной территории страны, повлекших за собой безусловный, но неподверженный точной оценке вред для экономики страны в целом, а также приведших к неизбежной трансформации условий и стратегий экономического и политического поведения внутренних и внешних акторов. Речь идет о конфликтах, часто именуемых в современной историографии ливийскими гражданскими войнами 2010-х гг. Тем не менее Первая гражданская война (2011), вызванная событиями «арабской весны» и сопровождавшаяся иностранной военной интервенцией со стороны государств НАТО и их союзников, а также Вторая гражданская война (2014–2020), ставшая закономерным результатом кризиса государственности в условиях затянувшегося периода политического транзита, представляют собой лишь вершину айсберга, поскольку по сути являются политическими конфликтами, т. е. надстройкой над комплексом социально-экономических противоречий, региональных, этноконфессиональных и расовых расколов, а также конфликтогенных факторов, порождающих множественные локальные и региональные конфликты.

В 2011 г. в рамках непродолжительной, но действенной операции «Одиссея. Рассвет» / *Odyssey Dawn* (19–31 марта 2011 г.) и куда более длительной, 222-дневной, операции «Объединенный защитник» / *Unified Protector* (23 марта – 31 октября 2011 г.) вооруженные силы США и их союзников во исполнение положений Резолюции СБ ООН 1973 о создании бесполетной зоны над Ливией не только уничтожили значительную часть военной инфраструктуры войск Ливийской Джамахирии, но также нанесли невосполнимый урон и потери гражданскому населению и объектам экономической инфраструктуры. Наиболее известным из них является грандиозный проект сложных гидротехнических сооружений «Великая рукотворная река», строительство которого было начато в период правления Муаммара Каддафи [Егорин 2003]. Система была призвана в долгосрочной перспективе обеспечить водой из подземных источников не только прибрежные территории на севере, где исторически при более благоприятных климатических условиях развивалось

сельское хозяйство, но также засушливые и пустынные районы на юге [Смирнова, Филоник 2017, с. 245]. Здесь на протяжении столетий кочевое и полукочевое население было вынуждено выживать в условиях крайнего водного дефицита в оазисах [Подцероб 2021]. Кроме того, были уничтожены или повреждены другие объекты, призванные обеспечивать жизнедеятельность гражданского населения в крайне неблагоприятных климатических условиях. Процесс восстановления разрушенной инфраструктуры встретил немало преград, вызванных причинами как эндогенного, так и экзогенного характера. Стоит отметить, что и во времена Джамахирии из-за особенностей сложившейся после 1969 г. модели экономики и деструктивного влияния международных и односторонних санкций поддержание и развитие инфраструктуры в процессе реализации амбициозных проектов экономической модернизации осуществлялось преимущественно на средства государственного бюджета, обеспеченные по большей части доходами от экспорта нефти, и благодаря политической воле политического руководства во главе с Муаммаром Каддафи. Хроническая зависимость страны от иностранной квалифицированной рабочей силы, импорта технологичной продукции и строительных материалов в условиях стремительного и насильственного демонтажа политического режима Каддафи сделала вопрос восстановления единой системы гражданской производственной инфраструктуры, не относящейся напрямую к нефтедобывающему сектору, в последующие годы второстепенным для центральных властей. Его решение затянулось в долгосрочной перспективе на неопределенный период. В то же самое время начались параллельные процессы фрагментации, приватизации и каннибализации объектов инфраструктуры, ставших значимым капиталом в рамках конкуренции местных сил и вооруженных группировок за власть и влияние на местах.

С конца 2011 г., когда после гибели Муаммара Каддафи гражданская война была объявлена завершённой, по всей территории Ливии развернулась целая серия локальных вооруженных конфликтов. Основной целью участников этого противостояния стало удержание контроля над ключевыми объектами инфраструктуры, а также сохранившимися производственными мощностями, способными обеспечить стабильный приток доходов в условиях распада единой экономической системы. Под влиянием кризиса эффективности и состоятельности центральной власти начала последовательно возрастать автономность местных групп и сообществ на муниципальном и районном уровне, усилились центробежные тенденции на окраинах.

В 2012–14 гг. экономическая и социальная инфраструктура, являвшаяся предметом особой гордости для политического руководства Ливий-

ской Джамахирии и предметом алчного вождения для соседей и сотен тысяч мигрантов-переселенцев из стран Азии, Африки и Европы в течение нескольких десятилетий, неуклонно разрушалась. В условиях непрекращающейся вольницы независимых вооруженных формирований, коллапса легитимности центральных органов государственной власти и кризиса эффективности политических институтов процесс амортизации сопровождался неизбежно фрагментацией и снижением эффективности системы в целом. Вызревание дискуссии о федерализации Ливии [Исаев, Захаров 2019; Турьинская 2015] происходило на фоне роста сепаратистских настроений в северо-восточном регионе Киренаика, полного выхода из-под контроля Триполи южных пограничных районов в регионе Фецдан, а также районов компактного проживания этно-конфессиональных меньшинств туарегов на северо-западе и тубу на юге.

Особого внимания заслуживает феномен складывания в этот период автономных в политическом и экономическом отношении городских политий. Благодаря своему выгодному географическому положению города Мисурата и Зинтан стали на западе самодостаточными центрами силы, последовательно наращивавшими влияние и ресурсы. Несмотря на то, что в 2011 г. Мисурата подвергся массированным ударам и осаде со стороны правительственных войск, он сохранил статус и положение ключевого транспортного узла, связывающего автомобильные дороги между городами побережья, а также внутренними районами. Более того, в 10 км от города расположен крупный морской порт Каср-Ахмад, а международный аэропорт Мисураты практически не прерывал свою работу в течение многих лет кризиса, выполняя как военные, так и гражданские функции. Таким образом, третий по величине город Ливии обладает благоприятными условиями для развития среднего и крупного бизнеса в сфере транспортных перевозок и международной торговли. За годы войны он не только не утратил, но и увеличил своё значение как в обеспечении экономического взаимодействия страны с внешним миром, так и во внутренней торговле, движении товаров и услуг. С другой стороны, маленький, удаленный от побережья город Зинтан, чье население с окрестностями достигает лишь нескольких тысяч человек, расположен таким образом, что базирующиеся здесь вооруженные отряды местной милиции и ополчения получили возможность контролировать одну из двух основных трасс между столичной агломерацией и границей с Тунисом. Принимая во внимание, что крупнейший город страны катастрофически зависит от импорта медикаментов, продовольствия и материалов из-за рубежа, географическое местоположение является источником благополучия и причиной процветания города в условиях военного времени. Оплотом «старых», т. е. дореволюционных,

порядков на несколько лет стали города Бани-Валид и Сирт, что привело к изоляции первого и последующему разрушению второго. В свою очередь, Дерна и Бенгази в 2011–12 гг. превратились в центры сопряжения власти исламистских внесистемных объединений и вооруженных милиций, включавших в себя также отряды иностранных боевиков и активистов из Судана, Египта, Туниса, Марокко и т. д. К моменту начала Второй гражданской войны в 2014 г., как верно отметил выдающийся российский арабист К. М. Труевцев, «распалось единство между ее (Ливии – Г.Л.) историческими областями Триполитанией, Киренаикой и Феццаном, но и эти территории оказались расчлененными на более мелкие фрагменты, многие из которых не имеют ни устойчивой власти, ни определенного политического устройства» [Труевцев 2020, с. 253].

В 2014–2020 гг. предпринимались попытки консолидировать страну под властью «зонтичных» по своему характеру и устройству политических структур, претендовавших на власть не над частью, но над всей территорией Ливии. Именно соперничество этих политических образований, лишенных прочной социальной и экономической базы на местах, борющихся за доступ к ресурсам и конкурирующих за признание международных организаций и поддержку со стороны иностранных государств, определило характер политического процесса и конфликта в период Второй гражданской войны.

На востоке страны под эгидой Палаты представителей (ПП) и руководством Ливийской национальной армии (ЛНА) была разработана и имплементирована модель реконсолидации, которую условно можно назвать «военно-административной». Важную роль в легитимации деятельности ЛНА на международном уровне играла ПП, её основной опорой на земле стали племенные элиты и ополчения Киренаики, иностранные наемники и инструкторы ЧВК, а главным спонсором – такие зарубежные государства, как Египет и ОАЭ. Все это позволило силам генерала Халифы Хафтара в 2015–2016 гг. оправиться от поражения под Триполи, которое ЛНА потерпела летом 2014 г., отступить на восток и перегруппироваться в Бейде и Тобруке. К 2018 г. силам Х. Хафтара удалось установить контроль над Бенгази и Дерной, разбив отряды милиции и исламистские формирования движения «Ансар аш-Шариа», а затем и «Исламского Государства» (ИГ). На подконтрольных ЛНА территориях была предпринята попытка выстраивать органы управления на основе армейских структур, что с точки зрения её архитекторов позволяло установить утраченный к тому времени порядок и единоначалие, выстроить систему централизованного и эффективного управления. Во многом сравнительному успеху такой модели способствовала в первую очередь более низкая, чем на северо-западе страны, числен-

ность населения в Киренаике, а также наличие финансовой, материальной и организационной поддержки со стороны зарубежных союзников и партнеров. Не последнюю роль играло и в целом отношение к ЛНА как к вынужденному союзнику со стороны местных племенных элит. Обеспеченные перспективой утраты контроля над добываемыми в Киренаике нефтяными ресурсами в условиях расцвета вольницы вооруженных милиций на локальном уровне, с одной стороны, а также изменения расклада сил и «правил игры» в столице – с другой, они создали условия для превращения ЛНА в наиболее заметную военную силу на территории Ливии. Совпадение интересов местных элит и внешних игроков, увидевших в ЛНА эффективный инструмент для защиты и отстаивания собственных интересов, позволило Халифе Хафтару компенсировать нехватку легитимности и внутренних ресурсов, отсутствие опыта и заведомо известную низкую эффективность практик и инструментов командно-административной системы для успешной консолидации власти и ресурсов.

Вторая модель воссоединения Ливии была предложена в рамках Схиратских соглашений 2015 г. и получила шанс на воплощение, когда весной 2016 г. в Триполи начало работу Правительство национального согласия (ПНС) Фаиза Сарраджа, перенявшее бразды правления у Правительства национального спасения Халифы Аль-Гвейли. Принимая во внимание высокую численность населения Триполитании, наличие большого числа самостоятельных в экономическом и военном отношении городских центров и милиций, следует признать, что жесткая по своей сути модель военно-административной реконсолидации под управлением военных в этой части страны была заведомо нереализуема. Неудача военных в попытке взять власть в столице силой летом 2014 г. в рамках операции «Достоинство» оказался закономерным и был продиктован сочетанием системных факторов, а не конъюнктурой момента. Военные успехи ЛНА на северо-востоке в 2015–2016 гг. и на юге в 2017–2018 гг., позволившие созданному под эгидой ПП и опирающемуся на силы Армии временному правительству А. ат-Тани говорить о контроле над большей частью территории страны, не гарантировали повторения побед в Триполитании. Более того, стремление захватить Триполи силой весной 2019 г. привело к консолидации всех социальных и политических сил против Х. Хафтара. Являясь по своей сути консенсусной, она заключалась в постепенном выстраивании более сложной, но в то же время стабильной системы горизонтальных связей на основе своеобразного общественного договора между муниципальными властями, вооруженными милициями и классом профессиональных политиков.

На этом фоне сравнительно недолго просуществовала исламистская альтернатива преобразования Ливии, возникшая в условиях Второй гражданской войны на базе антисистемных исламистских организаций. Ливийский филиал международной террористической организации «Исламское Государство» (ИГ), о создании которого стало известно в конце 2014 – начале 2015 гг., с самого начала своей активной публичной деятельности позиционировал себя в качестве непримиримого противника как ЛНА на востоке, так и ПНС на западе. Выдвинув концепцию возвращения к границам трех исторических областей и провозгласив создание трех вেলাйатов своего Халифата в Триполитании (Тараблус), Киренаике (Барка) и Феццане, идеологи ИГ вовсе отрицали возможность и необходимость существования единого ливийского государства как колониального проекта, а потому полностью искусственного, навязанного, несправедливого и несостоятельного образования. После установления военного контроля над Сиртом и Дерной в 2015 г. ИГ осуществило стремительное поглощение движения «Ансар аш-Шариа» и тех вооруженных формирований, что после разгрома Революционных советов шуры Бенгази и Дерны силами ЛНА нуждались в руководстве и поддержке. Тем не менее уже к концу 2016 г. ЛНА освободили Дерну и Бенгази от исламистских формирований, а милиции Мисураты командования операции «Аль-Буньян аль-Марсус» взяли Сирт. После этого сторонники ИГ, не имея опорных пунктов и не обладая контролем над территорией, перешли к партизанским действиям, а затем и вовсе начали дезертировать, постепенно растворяясь в вооруженных формированиях ЛНА, ПНС или местных ополчениях и милициях. Уже в 2017–2018 гг. исследователи отмечали, что в составе ливийских вилайетов ИГ собственно ливийские граждане составляли меньшинство, уступая в плане численности и доступа к руководящим должностям иностранцам. Кроме того, что борьба против него позволяла всем сопричастным привлекать и аккумулировать политическую и материальную поддержку из-за рубежа, ключевую роль в стратегическом поражении ИГ в Ливии сыграл тот фактор, что его сторонникам не удалось завоевать поддержку населения, встроившись в систему социальных расколов, и создать себе устойчивую экономическую базу. В отличие от Ирака и Сирии, где под контролем экстремистов оказались производственная и транспортная инфраструктура в непосредственной близости от государственной границы с третьими странами, позволившие осуществлять экспорт нефти и обеспечивать сопутствующее движение товаров и услуг, ливийские филиалы ИГ столкнулись с мощным вооруженным противодействием на местах со стороны местных акторов. Именно поэтому наиболее крупным и известным оплотом ИГ в Ливии стал разоренный после 2011 г.

и покинутый к 2014 г. значительной частью жителей Сирт. Считавшийся родным городом М. Каддафи, после гибели последнего он утратил свое бывшее значение и статус фасадной витрины страны, а потому защищать его было уже некому и по факту незначим. Обосновавшиеся здесь экстремисты хоть и получили доступ к транспортной развязке и порту в центре страны, но вынуждены были в экономическом отношении полагаться преимущественно лишь на поступления из-за рубежа, а также налоговые сборы с изрядно уменьшившегося в количественном отношении местного населения, чего было явно недостаточно для экстенсивного роста и дальнейшей экспансии.

В 2019 г., не достигнув своей конечной цели, наступление ЛНА на Триполи тем не менее ознаменовало собой максимальное напряжение сил всеми участниками вооруженного противостояния. В условиях активизации масштабных боевых действий на подступах к столичной агломерации, затянувшихся на несколько месяцев, быстрое истощение ресурсов выявило естественную слабость и ограниченность зонтичных структур, их тотальную зависимость от низовых локальных акторов и внешних зарубежных партнеров. Триполитанское правительство было вынуждено по экспоненте наращивать военно-техническое сотрудничество с Турцией и идти на уступки в торге с полевыми командирами на земле, а структуры ЛНА привлекали военизированные отряды салафитов-мадхалитов, иностранных наёмников и инструкторов ЧВК и опирались на военно-техническую и политическую поддержку Египта и ОАЭ. Именно зависимость от внешней помощи, объемы которой начали неумолимо сокращаться на фоне возникновения патовой ситуации на фронте и вследствие роста турбулентности мировой экономики на рубеже 2019–2020 гг. под влиянием набиравшего обороты кризиса, вызванного распространением коронавируса COVID-19, заставила стороны сесть за стол переговоров. При посредничестве России и Турции в преддверии Первой Берлинской конференции по Ливии (Берлин-1), состоявшейся 19 января 2020 г., удалось добиться заключения сторонами соглашения о прекращении огня, легшего в основу дальнейшего переговорного процесса по таким направлениям, как безопасность, экономическое восстановление и развитие, параметры переходного периода, будущее политическое устройство, гарантии сторон.

Несмотря на установление линии разграничения Сирт-Джуфра и начало работы комитета «5+5» по объединению вооруженных сил враждующих сторон в рамках единой организационной структуры, консультации по политическим и экономическим аспектам, проходившие под эгидой Миссии ООН по поддержке в Ливии (МООНПЛ), дали очень скромные результаты. Это свидетельствовало в первую очередь о неготов-

ности сторон к значительным уступкам без надежных политических гарантий, в т. ч. по вопросу о перераспределении капитала, созданного в условиях военного времени и беззакония, и об иммунитете от уголовного преследования для участников вооруженных формирований.

Тем не менее в начале 2021 г. Форум ливийского политического диалога, созданный в результате посреднических усилий МООНП и международных неправительственных организаций, выбрал Абдель Хамида Дбейбу главой нового Правительства национального единства (ПНЕ), а Мухаммеда аль-Манфи – председателем Президентского совета. Впервые за семь лет весной 2021 г. Палата представителей собралась в полном составе и выказала доверие новому правительству, основной задачей которого стала подготовка проведения всеобщих президентских и парламентских выборов в кратчайшие сроки до конца года. Это позволило многим наблюдателям говорить о том, что вторая гражданская война в Ливии подошла к концу, поскольку обозначилась устойчивая тенденция к воссоединению органов управления в интересах восстановления экономики, национального единства и территориальной целостности государства.

Тем не менее вполне ожидаемо запланированные на декабре 2021 г. президентские выборы, призванные перезапустить политический процесс, так и не состоялись. А уже весной 2022 г. страна вновь вернулась к status quo, когда в противовес ПНЕ А. Дбейбы, отказавшегося уходить в отставку с поста премьер-министра, на востоке страны было сформировано новое правительство во главе с бывшим министром внутренних дел ПНС Фатхи Башагой. Хотя сторонники Ф. Башаги в течение года предприняли несколько безуспешных попыток марша на Триполи, данный этап ливийского кризиса выгодно отличает то обстоятельство, что ни одна из них не привела к эскалации вооруженного насилия, и возвращения к интенсивному конфликту уровня 2019 г. не произошло. Более того, благоприятная ситуация на мировом энергетическом рынке позволила правительству Дбейбы нарастить объемы добычи и экспорта нефти, реорганизовать систему управления финансами и перенаправить часть расходов государственного бюджета из сферы безопасности на социальные программы поддержки населения и восстановления инфраструктуры. При этом переговоры о выработке новой дорожной карты, призванной вывести страну из долгосрочного политического кризиса, с конца 2022 г. проводились уже между Палатой представителей и Высшим государственным советом. В начале лета 2023 г. в рамках переговорного формата «6+6» между ПП и ВГС были намечены новые сроки и условия проведения всеобщих президентских и парламентских выборов.

Таким образом, за 12 лет ливийский кризис прошел несколько стадий поступательного развития, включавших два продолжительных масштабных военно-политических конфликта. Параллельно с масштабными гражданскими войнами и интервенцией, будучи их органической частью, развивались множественные локальные конфликты, выявившие не только социально-культурные расколы в ливийском обществе, но также политэкономическое измерение существующих расколов. Предпринятые попытки политического урегулирования, осуществленные при посредничестве международных организаций и участии внешних акторов, показали ограниченную эффективность во многом по причине игнорирования или неспособности повлиять на модель экономики военного времени, сложившуюся в 2010-х гг. в Ливии. Неотъемлемыми участниками и бенефициарами её сохранения стали ливийские локальные акторы, сумевшие в условиях отсутствия единых государственных институтов установить военный контроль над производственной и транспортной инфраструктурой.

Литература / References

1. Аганин А. Р. Племена Ливии и их роль в политическом процессе // Ближний Восток и современность. Сборник статей. Вып. 54. М.: Институт Ближнего Востока, 2020. С. 5–40.
2. Аршаруни Н. А. Иностраный капитал в Ливии (1911–1967 гг.). М.: Наука, 1970. 131 с.
3. Бабкин С. Э., Егорин А. З., Миронова Г. В., Подцероб А. Б. Ливия после Каддафи. М.: ИВ РАН, 2021. 410 с.
4. Булаев О. О., Труевцев К. М. Ливия: распавшееся государство и очаг региональной напряженности // Оценки и идеи. Бюллетень. Институт востоковедения РАН. 2016. Т. 1, № 9. 12 с.
5. Вавилов В. В., Кукушкин В. Ю. «Третья всемирная теория» М. Каддафи и практика политического и социально-экономического развития Ливии. М.: Институт Африки АН СССР, 1981. 88 с.
6. Видясова М. Ф. Ливия. Куда идёт страна 140 племён? М.: Садра, 2019. – 209 с.
7. Грифа М. Основные тенденции миграционных процессов через страны Северной Африки // Азия и Африка сегодня. 2019. № 2. С. 49–52.
8. Зинин Ю. Н. Племенная структура ливийского общества и ее влияние на политические процессы в стране // Вестник МГИМО Университета. 2013. № 2. С. 38–41.
9. Зинин Ю. Н. Ливия: страна и общество после Каддафи. М.: МГИМО(У), 2022. 240 с.
10. Евсеев В. В. Ливийский кризис и его влияние на нефтяной рынок // Геоэкономика энергетики. 2020. № 2. С. 20–37.

11. Егорин А. З. Великая искусственная река // Азия и Африка сегодня. 2003. № 6. С. 42–43.
12. Елагин Д. П. Политическая экономия внутренних вооруженных конфликтов: обзор теоретических объяснений их возникновения (часть I) // Мировое и национальное хозяйство. 2020. № 1 (54).
13. Елагин Д. П. Политическая экономия внутренних вооруженных конфликтов: обзор теоретических объяснений их возникновения (часть II) // Мировое и национальное хозяйство. 2021. № 2 (55).
14. Исаев Л. М., Захаров А. А. Анархия, нефть и федерация: Ливия после «арабской весны» // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2019. Т. 124. № 2. С. 60–82.
15. Кузнецов А. А. Политические факторы, влияющие на топливно-энергетический комплекс Ливии // Геоэкономика энергетики. 2019. № 2. С. 195–206.
16. Кузнецов В. А. Ливия: куда уходит племя, в какие города? // Восток (Oriens). 2022. № 4. С. 168–181.
17. Кукушкин В. Ю. Нефть и развитие: Ливия, Алжир. М.: Наука, 1985. 230 с.
18. Ласкарис Ф. И. За кулисами внешней агрессии и гражданской войны в Ливии. М.: Институт Ближнего Востока, 2019. 334 с.
19. Лукьянов Г. В. Ливийский кризис: пять лет нестабильности, деградации и дезинтеграции // Конфронтация между Западом и Россией: с кем вы, страны Азии и Африки? М.: ИВ РАН, 2016. С. 51–64.
20. Манафова А. Д., Орлов И. А. Влияние нефтяного фактора на интеграционные процессы внутри Ливии // Научные труды Института практического востоковедения. Материалы студенческих научных конференций. Вып. 7 / под ред. Г. В. Лукьянова, Д. В. Микульского. М.: ОЧУ ВО ММА, 2018. С. 55–69.
21. Матвеев И. А. Экономика внутреннего вооруженного конфликта на примере Сирии // Восток (Oriens). 2022. № 3. С. 101–110.
22. Маслова Е. А. Италия – Ливия: сложности взаимоотношений и перспективы сотрудничества // Научный диалог. 2012. № 4. С. 86–96.
23. Матросов В. А. Экономика юга Ливии: актуальное состояние, потенциалы, риски // Страны Азии и Африки в XXI веке: экономическое развитие и научно-технический прогресс. К 90-летию В. Г. Растянникова. М.: ИВ РАН, 2018. С. 361–368.
24. Подцероб А. Б. Междоусобный конфликт в послекаддафиевской Ливии // Конфликты и войны XXI века (Ближний Восток и Северная Африка). М.: ИВ РАН, 2015. С. 381–400.
25. Подцероб А. Б. Сахара. Исторические очерки. М.: ИВ РАН, 2021. 206 с.
26. Сидоренко К. Д. Методологические аспекты исследований современной экономики Ливии в России и за рубежом // Востоковедение: история и методология. 2021. № 1. С. 84–91.
27. Смирнова Г. И. Ливия после М. Каддафи: некоторые итоги развития // Дипломатическая служба. 2014. № 5. С. 36–43.

28. Смирнова Г. И. Ливия: от тотального госконтроля к либерализации экономики? (50-е – 2008 г.). М.: ИВ РАН, 2011. 218 с.
29. Смирнова Г. И. Опыт ливийской революции (преобразование социально-экономических и политических структур). М.: Наука, 1992. 240 с.
30. Смирнова Г. И., Филоник О. А. Ливийская рукотворная река – проект «без курса»? // *Арабский мир: контрасты водного баланса* / отв. ред. З. А. Соловьева, О. А. Филоник. М.: ИВ РАН, 2017. С. 232–255.
31. Труевцев К. М. Глобализация и арабский мир: до и после двух волн турбулентности. М.: ИВ РАН, 2020. 370 с.
32. Труевцев К. М. Распад Ливии как фактор напряженности в Африке и Средиземноморье // *Азия и Африка сегодня*. 2016. № 10 (711). С. 12–20.
33. Турьинская Х. М. Ливия: возможен ли возврат к федерализму? // *Азия и Африка сегодня*. 2015. № 8. С. 18–23.
34. Allan J. A. *Libya: The Experience of Oil*. Westview Press, 1981. 328 p.
35. Altunışık M. Rentier State Theory and the Arab Uprisings: An Appraisal // *Uluslararası İlişkiler*. 2014. Vol. 11. No. 42. P. 75–91.
36. El Gomati A. Bargains and Blackmail: The Economic Side of Libya's Political Crisis // ISPI, 06.07.2022. URL: <https://www.ispionline.it/en/publication/bargains-and-blackmail-economic-side-libyas-political-crisis-35663>
37. Idris I. *Libyan political economy* / GSDRC Helpdesk Research Report 1385. University of Birmingham, 2016. 16 p.
38. Hüsken T. *Tribal Politics in the Borderland of Egypt and Libya*. Palgrave Macmillan, 2018. 281 p.
39. Laessing U. *Understanding Libya since Gaddafi*. Hurst & Co., 2020. 298 p.
40. *Libya: Agriculture and economic development* / Ed. By J. A. Alan, K. S. McLachlan and E. T. Penrose. Routledge, 2015. 213 p.
41. Martinez L. *The Violence of Petro-Dollars Regimes: Algeria, Iraq and Libya*. Hurst & Co., 2012. 202 p.
42. Naur M. *Political Mobilization and Industry in Libya*. Akademisk Forlag, 1986. 268 p.
43. Niblock T. "Pariah States" & Sanctions in the Middle East: Iraq, Libya, Sudan. Lynne Rienner Publishers, 2001. 240 p.
44. Otman W. A., Karlberg E. *Assessing Libya's Post-sanctions Initiatives* // *The Libyan Economy: Economic Diversification and International Repositioning*. Springer, 2007. P. 403–414.
45. *Planning and Development in Modern Libya* / Ed. by M. M. Buru, S. M. Ghanem and K. S. McLachlan. The Society for Libyan Studies, 1985. 234 p.
46. Vandewalle D. *Libya since Independence: Oil and State-building*. Cornell University Press, 1998. 226 p.
47. Zeggagh A., Mansouri S. *The Political Economy of Libyan Crisis* // *Siyasat Arabiya*. 2017. No. 25. P. 47–54.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Лукьянов Григорий Валерьевич – научный сотрудник Центра арабских и исламских исследований, Институт востоковедения Российской академии наук, Москва, Россия

Lukyanov Grigoriy V. – Researcher, Centre for Arab and Islamic Studies, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Science, Moscow, Russian Federation

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 01.12.2023.

Одобрена после рецензирования и принята к публикации: 08.12.2023.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Article info

Submitted: 01.12.2023.

Approved after peer reviewing and accepted for publication: 08.12.2023.

The author has read and approved the final manuscript.

EASTERN ANALYTICS
Peer-reviewed academic journal

Computer layout *Nadezhda V. Makeeva*

Languages in which articles in the journal can be printed: Russian, English, Arabic, Yiddish, Chinese, Korean, Turkish, Farsi, Hindi, Japanese

Signed in the press on 21.12.2023. Format 70×100/16.
Typeface Noto Serif. Circulation 500 copies. Order No.
Website: <https://analitika.ivran.ru>

The Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences.
The Science Publishing Centre, head of *A. O. Zakharov*
12, Rozhdestvenka str., Moscow, 107031. Website: www.ivran.ru

Printed in the publishing house of LLC "White Wind"
in accord with provided materials.
28, Shchipok st., Moscow, 115093, Russian Federation
Phone: +7 (495) 651-84-56
E-mail: wwprint@mail.ru. Website: <https://wwprint.ru>

ВОСТОЧНАЯ АНАЛИТИКА
Научный рецензируемый журнал

Верстальщик и корректор *Н. В. Макеева*

Языки, на которых могут быть напечатаны статьи в журнале: русский, английский, арабский, идиш, китайский, корейский, турецкий, фарси, хинди, японский

Подписано в печать 21.12.2023. Формат 70×100/16. Гарнитура Noto Serif.
Усл. печ. л. 12,7. Уч.-изд. л. 8,8. Тираж 500 экз. Заказ №
Веб-сайт: <https://analitika.ivran.ru>

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт востоковедения Российской академии наук (ФГБУН ИВ РАН).
Научно-издательский центр, заведующий *А. О. Захаров*
107031, г. Москва, ул. Рождественка, д. 12. Веб-сайт: www.ivran.ru

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в типографии ООО «Белый Ветер»
115093, г. Москва, ул. Щипок, д. 28
Тел.: +7 (495) 651-84-56
E-mail: wwprint@mail.ru. Вебсайт: <https://wwprint.ru>